

ВѢРА И РАЗУМЪ

ЖУРНАЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ.

1909.

№ VIII.

АПРѢЛЬ.—КНИЖКА ВТОРАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. ОТДѢЛЪ БОГОСЛОВСКО-ФИЛОСОФСКІЙ:	Стр.
Изображеніе Воскресенія Христова въ храмахъ. <i>Христіанина</i>	143—161
Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ. (Продолженіе). <i>Протоіерея Т. Буткевича</i>	162—187
Мѣсто Церкви и государства въ исторіи божественнаго домостроительства. <i>Преподавателя Харьковской Духовной Семинаріи Павла Крапирова</i>	188—214
„Эквиваленты“ нравственнаго долга по Гюйо. <i>И. Тріодина</i>	215—238

II. ОТДѢЛЪ ИЗВѢСТІЙ И ЗАМѢТОКЪ по ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ:

Содержаніе. I. Объ изданіи журнала „Хуторъ“.—Епархіальныя извѣщенія.—Отъ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.—II. Современное гоненіе. *Свят. І. В. П—на*.—Виповато ли духовенство. (Окончаніе). *Священника Николая Загоровскаго*.—Миссіонерскій листокъ. Открытіе миссіонерскаго кружка въ слоб. Качаловицъ Богодуховскаго уѣзда.—Открытіе братства при Рождество-Богородичной церкви г. Валокъ.—*Священника В. А. Черкесова*.—Епархіальная хроника.—Иноепархіальный отдѣлъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Объявленія.—(Стр. 239—284).

ХАРЬКОВЪ.

Типографія Губернскаго Правленія, Соборная пл., въ ад. Присут. мѣстѣ.
1909.

ЖУРНАЛЪ „ВѢРА И РАЗУМЪ“

СОСТОИТЬ ИЗЪ ДВУХЪ ОТДѢЛОВЪ:

1) Отдѣла богословско-философскаго и 2) Извѣстій и замѣтокъ по Харьковской епархіи. Сохраняя апологетическое направленіе, журналъ будетъ заключать въ себѣ статьи, прежде всего, церковнаго характера. Съ научно-апологетическою же цѣлю въ этомъ журналѣ, по прежнему, будутъ помѣщаться изслѣдованія изъ области философіи вообще и въ частности изъ психологіи, метафизики и исторіи философіи. Наконецъ въ немъ будетъ помѣщаться отдѣлъ подъ названіемъ: „Извѣстія по Харьковской епархіи“ Въ этотъ отдѣлъ войдутъ: постановленія и распоряженія правительственной власти, церковной и гражданской, центральной и мѣстной, а равно и разные свѣдѣнія.

Журналъ выходитъ отдѣльными книжками ДВА РАЗА въ мѣсяцъ, по девяти и болѣе печатныхъ листовъ въ каждой книжкѣ, т. е. годовое изданіе журнала состоитъ изъ 24 выпусковъ съ текстомъ богословско-философскаго содержанія свыше 200 и болѣе печатныхъ листовъ.

Цѣна за годовое изданіе внутри Россіи 10 р., а за-границу 12 р. съ пересылкою.

Разсрочка въ уплатѣ денегъ не допускается.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ: въ Харьковѣ: въ Редакціи журнала «Вѣра и Разумъ» при Харьковской духовной семинаріи, въ харьковскихъ конторахъ «Новаго Времени», во всѣхъ остальныхъ книжныхъ магазинахъ г. Харькова и въ конторѣ «Харьковскихъ Губернскихъ Вѣдомостей»; въ Москвѣ: въ конторѣ Н. Печковской, Петровскія липы; въ кн. магазинѣ И. Д. Сытина; въ Петербургѣ: въ книжномъ магазинѣ г. Тузова, Гости. дв., № 45. Въ остальныхъ городахъ Имперіи подписка на журналъ принимается во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ и во всѣхъ конторахъ «Новаго Времени».

Въ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“ можно получать полныя экземпляры ея изданія за прошлые 1884—1889 годы включительно по уменьшенной цѣнѣ, именно по 4 р. 50 к. за каждый годъ; по 5 р. за 1890—1898 г., по 6 р. за 1899—1904 годы. За 1905 и 1906 г. 7 руб., за 1907 и 1908 г. 8 рублей.

Лицамъ же, выписывающимъ журналъ за всѣ означенные годы, журналъ можетъ быть уступленъ за 100 р. съ пересылкою.

Кромѣ того, въ Редакціи продаются слѣдующія книги:

1. Справедливы ли обвиненія, вводимыя графомъ Львомъ Толстымъ на православную Церковь въ его сочиненіи „Церковь и государство?“ Сочиненіе А. Рождествина. Цѣна 60 к. съ пересылкою.

2. БЕСѢДЫ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. Благочинными Харьковской епархіи. 1903 г. Цѣна 25 к. съ пересылкою.

3. „СОВЕСѢДОВАНІЯ“ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, съ о.о. благочинными, выборными отъ духовенства и другими лицами. 1903 г. Цѣна 40 коп. съ пересылкою.

4. СОБРАНІЕ СЛОВЪ И РѢЧЕЙ Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, говоренныхъ въ разныхъ мѣстахъ его служенія. Цѣна за шесть книгъ семь рублей съ пересылкой. Весь чистый доходъ поступитъ, согласно волѣ Его Высокопреосвященства, Архіепископа Арсенія, въ пользу Общества вспомошествованія нуждающимся воспитанникамъ Харьковской Духовной Семинаріи.

Πίστει νοοῦμεν.

Вѣрою разумѣаемъ.

Евр. XI.

Изображеніе Воскресенія Христова въ храмахъ.

„Мы предоставляемъ иконописаніе въ полное распоряженіе неприсяжныхъ художниковъ, воспитанныхъ совсѣмъ не въ томъ духѣ, какой требуется для церковной живописи. Какъ будто это такое дѣло, которое не имѣетъ никакого отношенія къ церковности. Отсюда происходитъ то, что наша иконографія превращается въ жалкое копированіе съ западныхъ картинъ; достоинства внутренняго содержанія ея приносятся въ жертву реализму и заимствованныя съ запада иконографическія формы и композиціи иногда прямо становятся въ разладъ съ преданіями восточной церкви православной. *Отсутствіе определеннаго взгляда на характеръ и задачи церковной иконописи, полный произволъ, слѣпое подражаніе Западу*—вотъ что показываетъ намъ наша современная дѣятельность“ *).

I.

Въ каждомъ православномъ христіанскомъ храмѣ икона, напоминающая Воскресеніе Христова, должна быть и будетъ всегда.

Въ первомъ ветхозавѣтномъ храмѣ Божіемъ, въ израильской Скинии, на завѣсѣ, отдѣляющей „Святое Святыхъ“, были сдѣланы изображенія херувимовъ и на самой крышкѣ ковчега завѣта Господь повелѣлъ сдѣлать двухъ херувимовъ изъ золота искусной чеканной работы и сказалъ Господь Моисею: „Тамъ Я буду открываться тебѣ и говорить съ тобою среди двухъ херувимовъ, которые надъ ковчегомъ откровенія, о всемъ, что ни буду заповѣдывать чрезъ тебя сынамъ израилевымъ“ ¹⁾...— И на кедровыхъ стѣнахъ и на пальмовыхъ дверяхъ Святилища

*) Евангеліе въ памятникахъ иконографіи. Проф. Н. В. Покровскаго. Изд. 1892 г. стр. V—VI.

¹⁾ Исх. Моисей гл. 25, ст. 14—22. Гл. 26, ст. 31 и пр.

и „Святаго Святыхъ“ въ дивномъ храмѣ Соломона также были сдѣланы рѣзныя изображенія херувимовъ, обложенныя золотомъ ¹⁾...

Въ христіанской же православной церкви, по удостовѣренію седьмаго Вселенскаго собора, начало употребленія иконъ положилъ Самъ Господь Іисусъ Христосъ, даровавъ изображеніе Свое на убрусѣ — полотенцѣ. Въ числѣ слугъ царя едесскаго Авгаря, присланныхъ звать къ тому царю Христа Спасителя, былъ живописецъ, который, сколько ни старался, никакъ не могъ изобразить Лиць Христа. Тогда Господь съжалился надъ нимъ, спросилъ полотенце, отеръ Лице Своё и на полотенцѣ отпечатлѣлся Лиць Христовъ ²⁾...—По преданію и евангелистъ Лука написалъ изображеніе Божіей Матери ³⁾... Были и находятся иконы и въ Римскихъ катакомбахъ, подземныхъ пещерахъ, въ коихъ христіане первыхъ вѣковъ хоронили усопшихъ и совершали богослуженіе во времена гоненій. И прочія свидѣтельства историческія удостовѣряютъ, что употребленіе и почитаніе христіанами иконныхъ изображеній существовало съ самыхъ первыхъ временъ христіанства. Только до четвертаго вѣка препятствовали полному развитію этого отчасти осторожность, чтобы вступившіе въ церковь изъ язычниковъ не впади въ языческое обоготвореніе иконъ, отчасти еще и гоненія на христіанъ отъ іудеевъ и язычниковъ. Съ четвертаго же вѣка повсемѣстно широко распространилось употребленіе и почитаніе иконъ, повсюду стали безпрепятственно строить храмы и украшать ихъ стѣнною иконописью и мозаичными иконами ⁴⁾. Но до седьмаго Вселенскаго собора 787 года, повсемѣстно практиковавшееся, иконопочитаніе не было утверждено догматически и также не было установлено общеобязательныхъ основъ иконописанія. Это дало возможность произойти тяжкимъ страшнымъ церковнымъ и государственнымъ раздорамъ,

¹⁾ 2 Парал. гл. 3, ст. 13, 14.—3 Царств. гл. 6, ст. 23—28, 35, гл. 8, ст. 6, 7.

²⁾ Образы Іисуса Христа. Арх. Христофора. Изд. 1887 г. стр. 38 и слѣд.

³⁾ О почитаніи св. иконъ Д. Б. Сергія, арх. Владим. изд. 1899 г. ст. 65—69.

⁴⁾ Правосл. учеп. о почит. св. иконъ. Д. Б. Сергія, арх. Владим. изд. 1899 г. стр. 69—84.

называемымъ временемъ „иконоборства“ (отъ 726 до 787 г.)¹⁾... Поругаемы были всѣ священныя изображенія и лики Христа Спасителя, Богоматери и всѣхъ Святыхъ,—оскорбляемы были Цари и правители,—предаваемы были ужаснымъ мученіямъ и смерти множество лучшихъ духовныхъ и мірскихъ гражданъ!.. Иконоборцы оскверняли храмы Божіи и монастыри, сожигали священныя предметы и даже библіотеки въ ожесточенной брани противъ иконопочитателей... Но вездѣ только разрушеніемъ, смертію и военною силою удавалось иконоборцамъ побѣждать иконопочитателей²⁾...

Наконецъ истерзанную церковь по смерти Льва четвертаго, бывшаго третьимъ императоромъ иконоборцемъ, умиротворилъ седьмой Вселенскій соборъ. Онъ догматизировалъ иконопочитаніе и опредѣлилъ основы содержанія библейскихъ иконописныхъ изображеній³⁾. Вселенскій соборъ точно установилъ, что иконы библейскихъ событій и лицъ должны быть согласованы съ Евангельскою проповѣдью и что иконы библейскія указуются и уясняются Евангельскимъ повѣствованіемъ. Вотъ

---

1) Иконоборство занесено было въ христіанскую греческую имперію извнѣ; оно есть произведеніе азіатской культуры: мохаммеданъ, іудеевъ и азіатскихъ еретическихъ сектъ. Причинами иконоборства въ Византійской имперіи были нѣкоторыя ложно понятые государственныя интересы и частныя эгоистическія цѣли небольшой придворной партіи союзомъ необразованнаго Льва Исаврянина, сдѣлавшагося императоромъ изъ простаго военачальника азіатскаго отряда, а въ молодости бывшаго мелочнымъ торговцемъ по городамъ и селамъ Азіи. Онъ первый нарушилъ миръ церкви иконоборствомъ. „Первому злѣйшему иконоборцу, наче же христорборцу, злѣйшу зловѣрному прельщенному отъ двухисовъ евреевъ, демонскому слугѣ, Богопротивному ратнику Божіа церкви, мучителю глаголю, а не царю Льву Исаврянину—анаема“.—Такова была память въ ближайшемъ потомствѣ о первомъ императорѣ иконоборцѣ. По мыслиамъ отцевъ седмаго Вселенскаго собора иконоборческаа ересь есть *зло худшее всѣхъ ересей*, потому что она ниспровергаетъ домостроительство Спасителя. Отрицають домостроительство воплощенія Христа Бога нашего тѣ, которые отрицають честныя иконы, какъ то: евреи, и самаряне и мапихействовавшіе, такъ что всѣ, отвергающіе иконы подобны имъ“. Св. Тарасій патріархъ Цареградскій и седьмой Вселенскій соборъ Св. В. Х. Преображенскаго, въ „Стран.“ 1892 г. Окт. ст. 186 и 1893 г. февр. стр. 171.

2) Св. Тарасій патр. Царегр. В. Преображенскаго журн.: Стран. 1892—1893 г.

3) Догматическое значеніе VII Вселен. собора. Научно-историч. изслѣдов. Г. Остроумова изд. 1884 г. въ Карлсруэ.

точные слова опредѣленія объ этомъ Вселенскаго собора ¹⁾: „Мы неприкосновенно сохраняемъ всѣ церковныя преданія, утвержденныя письменно или неписьменно. Одно изъ нихъ заповѣдуетъ *дѣлать живописныя иконныя изображенія*; такъ какъ это *согласно съ исторіею евангельской проповѣди*, и служитъ подтвержденіемъ того, что Богъ Слово истинно, а не призрачно вочеловѣчился, и служитъ на пользу намъ; потому что такія вещи, которыя *другъ друга объясняютъ*, безъ сомнѣнія *и доказываютъ* взаимно другъ друга. На такомъ основаніи мы, шествующіе царскимъ путемъ и слѣдующіе божественному ученію святыхъ отцовъ нашихъ и преданію католической церкви, со всякимъ тщаніемъ и осморительностію *опредѣляемъ*, чтобы святыя и честныя иконы предлагались (для поклоненія) точно также какъ изображеніе честнаго животворящаго креста, будутъ ли онѣ сдѣланы изъ красокъ или (мозаическихъ) плиточекъ, или изъ какого либо другаго вещества, *только бы сдѣланы были приличнымъ образомъ*, и будутъ ли находиться во святыхъ церквахъ Божіихъ, на священныхъ сосудахъ и одеждахъ, на стѣнахъ и на дощечкахъ, или въ домахъ и при дорогахъ... Чѣмъ чаще при помощи иконъ (изображенныя) дѣлаются предметомъ нашего созерцанія, тѣмъ болѣе взирающіе на эти иконы возбуждаются къ воспоминанію о самыхъ первообразахъ, пріобрѣтаютъ болѣе любви къ нимъ и получаютъ болѣе побужденій воздавать имъ лобзаніе, почитаніе и поклоненіе, но никакъ не то истинное служеніе, которое по вѣрѣ нашей, приличествуетъ одному только божественному естеству... *Честь, воздаваемая иконъ, относится къ ея первообразу* и поклоняющійся иконѣ поклоняется ипостаси, изображеннаго на ней“.

Такимъ образомъ вселенскимъ признаніемъ иконопочитанія догматомъ, то есть *законоположеніемъ истины, безусловно обязательнымъ одинаково для всѣхъ членовъ христіанской церкви* ²⁾,—седьмой Вселенскій соборъ обязательно и неминуемо

¹⁾ Дѣян. Вселенс. Соборовъ изд. Казанск. Дух. Акад. томъ седьмой 1891 г. стр. 284—285.

²⁾ Опытъ Православн. Догматическаго Богословія. Д. Б. профес. и еписк. Сильвестра. Изд. 2-е. Кіевъ. 1884 г. Томъ 1-й стр. 10, 28 и проч.—Православн. Богословск. энцикл. изд. проф. Лопухина. 1903 г. томъ IV, стр. 1118—1126.

*изъялъ содержаніе иконъ отъ всякаго произвола и навсегда установилъ, что основами христіанскихъ библейскихъ иконъ должно быть согласіе, соотвѣтствіе ихъ содержанія съ проповѣдью евангельскою и указаніе, уясненіе ихъ Евангельскимъ повѣствованіемъ. Слѣдовательно, со времени седьмага Вселенскаго собора, съ 787 года, установлена въ христіанской церкви, точно уже опредѣленная и обязательная, теорія христіанскаго иконописанія, выраженная седьмымъ Вселенскимъ соборомъ въ догматѣ объ иконопочитаніи. Теорія эта, дспуская каждый приличный, пригодный матеріаль для иконописанія, рѣшительно *исключаетъ всякій произволь и своеволие въ содержаніи* икописныхъ библейскихъ изображеній, устанавливая, что такія живописныя изображенія должны быть согласны, соотвѣтственны съ евангельскою проповѣдью и что содержаніе ихъ указывается и уясняется евангельскимъ повѣствованіемъ. Таково мѣрило правильности христіанской иконы. И съ этимъ вселенскимъ мѣриломъ должно обращаться въ особенности въ храмахъ къ иконамъ, напоминающимъ Воскресеніе Христово, чтобы знать: *что и какъ* должно быть изображено такими иконами?*

II.

Воскресеніе Христово, составляя величайшее библейское и всемірное историческое событіе, является главнымъ и важнѣйшимъ основнымъ догматомъ христіанскаго вѣроученія. Дѣйствительность Воскресенія Христова на столько существенна, что „Если Христось не воскресъ, то тщетна (ничтожна) вся проповѣдь и вся вѣра“¹⁾, христіанская,—боговдохновенно поучаетъ первоверховный апостоль Христовъ. Воскресеніе же Христово есть основа и начало будущаго воскресенія всѣхъ умершихъ человѣковъ и вѣруемой загробной жизни. „Воскресшій Христось есть первенець воскресенія.. и умершіе во Христѣ воскреснутъ... во Христѣ всѣ оживутъ Христовы“²⁾.

По такому верховному значенію Воскресенія Христова Св. апостоль Павелъ заповѣдуетъ постоянно вспоминать о Воскре-

¹⁾ 1-е Посл. ап. Пав. Корине. гл. 15, ст. 11, 17.

²⁾ 1 Посл. Корине. гл. 15, ст. 22, 25.—1 Фессал. гл. 4, ст. 14, 16.

сеніи Христовомъ: „Поминай Господа Іисуса Христа, воскресшаго изъ мертвыхъ“ ¹⁾. И православная церковь наша вѣрно соблюдаетъ этотъ апостольскій завѣтъ, постоянно напоминая въ Богослуженіи церковномъ о Воскресеніи Христа Спасителя. *Вслѣдствіе такого первенствующаго и жизненнаго значенія Воскресенія Христова въ вѣроученіи христіанскомъ, напоминаніе о немъ и чрезъ иконныя изображенія неминуемо должно быть и есть въ каждомъ православномъ христіанскомъ храмѣ.*

Религіозная живопись особенно въ храмахъ для массы христіанъ замѣняетъ самое Священное Писаніе. Живописное наглядное представленіе священныхъ лицъ, предметовъ и событій имѣетъ назначеніе не только располагать къ большому благоговѣнію молящихся предъ этими изображеніями, но вмѣстѣ съ тѣмъ должно еще служить религіозно-правственному воспитанію народа чрезъ наглядное наученіе и напоминаніе Священной исторіи нашего спасенія. Поэтому, строго руководясь евангельскимъ ученіемъ слова Божія и Церкви Христовой, художники-иконописцы должны стремиться къ изображенію и олицетворенію *идей и идеаловъ только христіанскихъ, а не какихъ нибудь иныхъ.* И вполнѣ неправильно и очень вредно весьма распространенное мнѣніе, будто художники имѣютъ право распоряжаться, по своимъ личнымъ соображеніямъ, содержаніемъ композиціи историко-религіознаго изображенія иконы. Но правильное выполненіе живописью основныхъ богословскихъ требованій православнаго иконописанія весьма не легко и требуетъ много труда и времени. Для составленія вѣрной богословской живописной композиціи и представленія событій историко-религіозныхъ, въ особенности имѣющихъ догматическое значеніе, необходимо обращаться къ помощи не только Евангельскихъ историческихъ источниковъ Церкви, а еще и экзегетическихъ, гомилетическихъ, апологетическихъ и литургическихъ. Большинство же художниковъ заняться этимъ не желаютъ, а предпочитаютъ или легкое подражаніе готовымъ неправославнымъ западнымъ образцамъ, художественнымъ только по живописной технике, — расписываютъ православные храмы „подъ Рафаэля, подъ Шнорра, подъ Доре и даже подъ

¹⁾ 1 Посл. Тимое. гл. 2, ст. 8.

Жако“¹⁾), — или составляютъ композиціи по анти-христіанскимъ, еретическимъ выдумкамъ, — или же по своему произволу, называя его „художественнымъ откровеніемъ, художественнымъ творчествомъ“²⁾); и во всѣхъ случаяхъ они нисколько не стѣсняются тѣмъ, насколько такія ихъ композиціи соотвѣтствуютъ правдѣ исторической и богословско-догматической. Художники — иконописцы нисколько не стѣняются тѣмъ, что нынѣ религіозная живопись въ христіанскомъ иконописаніи не только твердо установлена и ясно выражена, а даже еще и „догматизирована“ седьмымъ Вселенскимъ Соборомъ и также соборами Русской Церкви и Правительствующимъ Синодомъ строго „запрещено имѣть въ церквахъ иконы писанныя несогласно Св. Писанію, съ измышленіями отъ неискusstныхъ или злокозненныхъ иконниковъ, которые выдумали иконы, противныя исторіи и самой истинѣ“³⁾)... И вотъ въ весьма многихъ храмахъ православной Руси, даже по заявленіямъ Архипастырей, упомянутыя установленія Соборовъ и Св. Синода объ иконописныхъ изображеніяхъ не только не соблюдается, а еще по признанію маститаго Святителя Филарета, Митрополита Московскаго, „пишутся и ставятся въ храмы иконы съ нарушеніемъ скромности и приличія“⁴⁾. И до нынѣ безвозбранно принимаются духовенствомъ и прихожанами иконы не просто „неправильнаго“ содержанія, но даже возмутительно безобразной композиціи. Такъ что въ указѣ Св. Синода отъ 11 мая 1900 года, по поводу современнаго на Руси иконописанія, находится указаніе на то, что встрѣчаются иконы, написанныя въ неприличномъ видѣ, каррикатурно, какъ, напримѣръ, изображенія святителей въ современныхъ орденахъ съ держимыми въ рукахъ свитками, на которыхъ, вмѣсто текстовъ освященныхъ изрѣченій, *помѣщены рекламы о литографіяхъ и образ-*

1) Къ вопросу о мѣрахъ къ улучшен. русск. иконописанія. Церков. Вѣстникъ, 1901 г. № 19, стр. 594 и слѣд.

2) Москов. Вѣдом. 1893 г. № 167, стр. 4, Иконографія Воскресенія Христова.

3) Пол. Собр. зак. Рос. имп. томъ VI № 4079 и томъ XVIII № 12928 и 12970. Пол. соб. постанов. прав. испов. т. II изд. 1872 г. ст. 293 и пр. Указы Св. Сн. въ Цер. Вѣд. 1890 г. № 37. Извл. изъ Отч. Об. Прок. Св. Сн.

4) Возст. Отдѣла иконоп. и его задачи. Изд. 1896 г. ст. 6 и пр. Свящ. Мансвѣтова Об. Люб. Дух. Прос.

ныхъ мастерскихъ“¹⁾... И болѣе всего не исполняются постановленія Соборовъ церковныхъ и Св. Синода въ иконописныхъ изображеніяхъ, долженствующихъ напоминать спасительное Воскресеніе Христова, такъ что всесторонняя неправильность отношенія большинства иконописцевъ художниковъ къ живописному представленію великихъ лицъ и важныхъ событій церковной христіанской исторіи въ особенности рѣзко обнаруживается въ неправильности большинства иконописныхъ изображеній, называемыхъ Воскресеніемъ Христовымъ. Повидимому ни одно изъ прочихъ священно-библейскихъ событій не изображаютъ столь разнообразно и неправильно, какъ событіе Воскресенія Христова. Мною собрано нынѣ болѣе сотни²⁾, фотографій съ разныхъ иконописныхъ изображеній, называемыхъ живописнымъ представленіемъ событія Воскресенія Христова, и оказывается, что большинство художниковъ, не исключая и знаменитыхъ, слятся для чего-то изобразить самый моментъ и видъ Воскресенія Христова. Они дерзновенно и тщетно слятся представить самый актъ Воскресенія въ разныхъ некрасивыхъ, исковерканныхъ и вполнѣ несоотвѣтствующихъ позахъ и видахъ Христа: вылѣзающаго изъ ящика гроба или *открытаго* отверстія пещеры (какъ Рубенсъ, Шнорръ, Шонгауеръ, В. Верещагинъ и проч.)—или въ видѣ выходящаго изъ *открытаго* входа пещеры (какъ Овербекъ, Дюрреръ, Брюловъ, Корзухинъ, Сорокинъ, Верещагинъ, Маковский, Троицкой лавры и проч.)—или же возлетающимъ отъ простаго ящика гроба и *открытаго* входа въ пещеру гроба (какъ Джіото, Караваджіо, Перуджино, Каррачи, Ушаковъ, Штейбенъ въ Исаак. Соб., Ивановъ въ эскизѣ, Верещагинъ, В. Крюковъ, Смирновъ, Олейниковъ, Тиссо, и три иконы въ Іерусалимѣ надъ Святымъ Ложемъ Христа Спасителя, также многіе прочіе). Художники такіе нисколько не стѣсняются тѣмъ, что ни о таинственномъ моментѣ, ни о непостижимомъ

1) Указъ Св. Сив. отъ 11 мая 1900 г. и пр. Н. Д. Извѣкова, „По вопросу о наблюденіи за иконописаніемъ“—рефератъ въ Церк. Арх. отд. при Общ. Люб. Дух. Просв. изд. 1901 года, стран. 10.

2) Въ 1902 году на церковной выставкѣ XII археологическаго съѣзда въ Харьковѣ часть этого собранія была представлена мною и кратко описана въ церковномъ отдѣлѣ каталога выставки подъ №№ 576—655.

образъ акта Воскресенія Христова, ни слово Божіе, ни ученіе церкви не сообщаютъ *ничего*. Какъ и въ какой именно моментъ совершилось величайшее чудо Воскресенія Христова, — на эти вопросы ни слово Божіе, ни ученіе церкви нисколько не отвѣчаютъ потому, что они для людей непостижимы, неописуемы, они суть тайны Всемогущества Божія и *силиться восхитить ихъ у Бога не долженъ дерзатъ никто*. По этому-то подобнымъ обстоятельствамъ и въ живописныхъ изображеніяхъ, напоминающихъ спасительное Воскресеніе Христова, художники касаться безусловно не должны. Не должны они изображать также и мѣсто, чрезъ которое оставилъ Воскресшій Христосъ пещеру гроба, такъ какъ мѣста этого никому не дано знать, не сообщено ни словомъ Божіимъ, ни ученіемъ церкви. А многіе художники, нисколько этимъ не стѣсняясь и, повидимому, только для живописно техническихъ цѣлей, безцеремонно руютъ печати высшихъ властей той мѣстности, отваливаютъ весьма тяжелый, большой камень отъ входа въ пещеру гроба Христова и еще фигурантно ставятъ на этотъ камень, изображаемаго ими выходящимъ изъ пещеры, Христа, иногда еще подводя подъ ноги Воскресшаго что-то такое, похожее на какое-то облачко...

Но такое и подобное самоуправное распоряженіе изображеніемъ Воскресенія Христова въ означенныхъ обстоятельствахъ отнюдь не должно быть допускаемо. Оно рѣзко, дерзко и очевидно *противорѣчитъ* прямымъ указаніямъ Слова Божія и ученія церкви, которыя свидѣлствуютъ, что камень пещеры гроба Господня отваленъ былъ отнюдь не для выхода Всесильнаго Христа, но, уже послѣ Его Воскресенія, лишь для слабыхъ міроносицъ ¹⁾).

Важность недопущенія означенной лживости въ изображеніи камня отваленнымъ безъ *пришедшихъ Мирносицъ*, и Христа, выходящимъ или въ какой бы ни было позѣ, только что оставляющимъ открытое отверстіе пещеры гроба, какъ нѣкоторые показываютъ часть самаго Христа, или одежды Его находящеюся еще на порогѣ двери пещеры, — особенно обнаруживается изъ слѣдующихъ существенныхъ соображеній и обсто-

¹⁾ Еванг. отъ Марка гл. 16, стр. 8.

ательствъ: Богохульные западные рационалистическіе и отрицательные критики христіанства силятся увѣрить, что Христосъ *будто не умиралъ* на крестѣ, а находился *будто только въ обморокъ* отъ страданій и истощенія, когда Его сняли съ креста и отнесли въ ближайшую пещеру, входъ и выходъ которой *будто оставленъ былъ не закрытымъ* камнемъ, потому что Христа положили въ ту пещеру *будто только на короткое время*, чтобы прекратить скорѣе погребеніе, вслѣдствіе наступленія пасхальнаго праздника и покоя великой Субботы; а когда затѣмъ посланные перенести тѣло Христово въ другую Іосифову пещеру пришли, то не нашли Его въ пещерѣ: Христосъ, *будто уже очнувшись отъ обморока*, вышелъ *естественно* чрезъ *незакрытое отверстіе* изъ пещеры скалы...

Такъ вотъ вслѣдствіе публичнаго безпрепятственнаго распространенія, такого лжеученія, всякое живописное изображеніе, которое представляетъ при Воскресеніи Христовомъ выходъ изъ пещеры гроба *открытымъ безъ пришедшихъ къ пещерѣ мироносицъ*, а Христа въ какомъ бы ни было видѣ *естественнымъ образомъ только что осталяющимъ открытый выходъ* этой пещеры,—служитъ только кощунственною подтвердительною иллюстраціею къ приведеннымъ выдумкамъ рационалистическихъ и отрицательныхъ критиковъ Божественности христіанства. Въстѣ съ тѣмъ такое изображеніе, дерзко старающееся *уничтожить чудесность* въ представленіи событія Воскресенія Христова, очевидно, противорѣчитъ положительнымъ свидѣтельствахъ объ этихъ обстоятельствахъ слова Божія и ученія церкви. По всему этому изображенія съ описанными важными *неправильностями отнюдь не должны быть принимаемы въ христіанскіе храмы*, какъ изображенія антихристіанскія, съ значеніемъ вреднымъ, развращающимъ, разрушительнымъ для христіанскаго общества и государства.

III.

Какъ радостнѣйшее воспоминаніе Воскресенія Христова есть праздникъ всѣхъ праздниковъ и торжество всѣхъ торжествъ, такъ икона, живописно напоминающая Воскресеніе

Христово, величественно царитъ надъ всѣми остальными иконами, надъ изображеніями всѣхъ прочихъ событій священной христіанской исторіи. По такому то всеобъемлющему, верховному значенію Воскресенія Христова изображеніе, напоминающее его не только въ главномъ предметѣ, но также и въ частныхъ принадлежностяхъ, въ аксессуарахъ, должно указывать чудесность, сверхъестественность Воскресенія и Всемогущество Воскресшаго Христа Спасителя, чтобы взирающихъ на такое изображеніе утвердить въ вѣрѣ и надеждѣ всеобщаго воскресенія умершихъ и въ загробной жизни, которыя даютъ силы переносить невзгоды, труды и тяготы земной жизни. И потому, напоминающая Воскресеніе Христово, икона должна быть составлена и изображена особенно правильно и отнюдь не должна служить иллюстраціею отрицательныхъ, раціоналистическихъ, *противныхъ христіанству*, западныхъ лжеученій, столь часто пропагандируемыхъ художниками-иконописцами. И въ Евангельскихъ повѣствованіяхъ и въ проповѣди Церкви христіанской имѣются обстоятельства времени, мѣста и основныя идеи догматическія, которыя даютъ возможность составлять живописныя изображенія, правильно напоминающія бытовья историческія обстоятельства и богословскія основоположенія Воскресенія Христова.

Обращаясь къ Евангельскому повѣствованію и проповѣди церкви о священнѣйшемъ событіи Воскресенія Христова, находимъ слѣдующія обстоятельства и основныя указанія для состава живописнаго изображенія, напоминающаго намъ Воскресеніе Христово:

I. Время на главномъ планѣ весеннее, ночное, предъ разсвѣтомъ, „когда еще темно“, такъ какъ время, когда Воскресшій Христосъ Спаситель находился уже внѣ гроба, внѣ скалы; въ коей былъ Онъ погребенъ, предшествовало первому появленію Маріи Магдалины у гроба Христова, а она впервые пришла, по Св. Писанію, „когда еще было темно“, ¹⁾ — то и время должно изображаться *на главномъ планѣ иконы темное, ночное.*

¹⁾ Еванг. отъ Іоан. гл. 20, ст. 1.

2. Относительно обстоятельствъ мѣста, на основаніи сообщаемого въ Св. Писаніи, икона, напоминающая Воскресеніе Христово, должна изображать *богатый загородный садъ Іосифа* изъ Аримаѳеи, человѣка богатаго, знаменитаго, члена высшаго совѣта іудейскаго въ весеннюю цвѣтущую на востокѣ пору, предъ величайшимъ іудейскимъ праздникомъ Пасхи ¹⁾. Въ этомъ богатомъ саду должна быть представлена *часть скалы*, внутри которой былъ высѣченъ новый гробъ Іосифа *съ приваленнымъ большимъ камнемъ* ко входу или къ двери гроба ²⁾. На камнѣ и на краяхъ входа во гробъ должны быть показаны *цѣлыми тѣсма и большія печати*, которыя наканунѣ перво-

¹⁾ Ев. отъ Іоанна гл. 19, ст. 41; 38.—Мате. гл. 27 ст. 57.—Марк. гл. 16, ст. 42—43, ст. 46; Луки гл. 24 ст. 51, гл. 23 ст. 53. Въ такомъ саду изъ восточныхъ деревьевъ особенно прилично изображать: 1. *Пальмы*, служившія эмблемою божественной красоты. Въ „Святая Святыхъ“ и святилищѣ храма Іерусалимскаго (который былъ эмблемою Христа) пальмы вырѣзаны были на стѣнахъ и дверяхъ между херувимами. 2. *Маслины*, или оливы, какъ эмблемы божественной благодати и символъ уничиженія Бога чрезъ Христа Спасителя, равно какъ символъ даровъ и дѣйствій св. Духа въ облегченіи и врачеваніи нашей недужной природы. 3. *Виноградныя лозы*, такъ какъ Христосъ аллегорично наименовалъ Себя „истинною виноградною лозою“ (Іоан. 15, 1). 4. *Кипарисы*, которые употребляли при погребеніяхъ и печальныхъ церемоніяхъ. *Мирры и ладонныя* деревья, такъ какъ ладанъ былъ составною частью священнаго елса. Изъ кустовъ и растеній невысокихъ: *розы, аллои, мимы, иссопы* и пр.

²⁾ Ев. Іоанна гл. 19. ст. 40—42; Мате. гл. 27 ст. 60; Марк. гл. 15, ст. 46; Лук. гл. 23 ст. 53—54. Скала сада богатаго Іосифа была, какъ полагаютъ, высокою приблизительно, въ девять аршинъ и должна быть изображена отнюдь *не ветхою*, не съ отвалившимися осколками, потому что эта гробница Іосифова сада была „*новою*“ не только въ томъ смыслѣ, что въ гробу этомъ никто еще не былъ положенъ, а также и по работѣ она была *новая*, отдѣланная недавно. Нѣкоторымъ иконописцамъ нравятся гробовыя пещеры Гегесинскія или Гадаринскія, изображенныя въ Толковомъ Евангеліи изд. епис. Михаила на рисункѣ XVII, и они неправильно пишутъ Гегесинскую ветхую пещеру въ саду богатаго, знаменитаго Іосифа, вмѣсто новоотдѣланной скалы новаго его гроба. Это отнюдь не должно быть допускаемо, потому что Гегесинскія или Гадаринскія пещеры представляются ветхими и находившимися въ такомъ запущеніи, что (еп. Михаилу Ев. Мате. стр. 15—16), онѣ „служили мѣстомъ убѣжища для сумасшедшихъ, бѣсноватыхъ и также для воровъ и разбойниковъ“...—Понятна вса непристойность и противоестественность изображать новоотдѣланную скалу съ новымъ гробомъ въ саду богатаго и знаменитаго человѣка такого вида, какъ запущенныя, ветхія гробныя пещеры страны Гадаринской или Гегесинской,—хотя бы онѣ и правились по своей типичности какимъ художникамъ...

священники іудейскіе приложили къ камню и скалѣ¹⁾. Размеры отверстія входа во гробъ Господень, который былъ и выходомъ, должны быть изображены сравнительно роста Христа Спасителя низкими, приблизительно въ пропорціи одной трети роста Его, такъ какъ св. Евангелисты свидѣтельствуютъ, что апостолы Іоаннъ и Петръ и св. Марія Магдалина „наклонялись“²⁾, въ отверстіе входа въ гробъ, чтобы посмотрѣть на то мѣсто,

1) Еванг. отъ Матѣ. гл. 28, ст. 66. Въ трюварѣ Пасхальнаго канона Св. Церковь поетъ: „Ты возсталъ изъ гроба, Христе, сохранивъ ильмами печати“... То же самое исповѣдуетъ Церковь и въ прочихъ своихъ богослужебныхъ книгахъ, напр., въ каноникѣ, гдѣ въ акаенствѣ Сладчайшему Господу Іисусу Христу, въ искосѣ 7, свидѣтельствуетъ такъ: „Безъ сѣмене отъ Дѣвы воплотился, изъ гроба печати не рушимаъ воскресе, и ко апостоломъ дверемъ затвореннымъ съ плотію вниде, Іисусе“.—Или еще въ Оѣдал. Воскрес. гласа 7 поется: „Запечатану гробу, животь отъ гроба возсіялъ еси Христе Боже и дверемъ затвореннымъ ученкомъ предсталъ еси—всѣхъ поскреселіе“.—То же подтверждаютъ и ученые, и святые отцы Церкви. Исторія Евангельская академич. лекціи пр. А. В. Горсваго. Изд. 1883 г. ст. 351 и пр.

2) Еванг. Луки гл. 4, ст. 12; Іоанна гл. 20, ст. 5 и 11. Удивительно близоруки и неправильны совѣты (даже печатные) тѣхъ, кто для вѣрнаго изображенія внѣшняго вида пещеры гроба Господня отсылаетъ къ настоящему виду Святой Усыпальницы въ старомъ и новомъ Іерусалимѣ... Извѣстно вѣдь, что въ 333 году, по повелѣнію Константина Великаго пещера гроба Господня открыта была въ неприкосновенности подъ скрывшей ее много лѣтъ, насыпью. Но затѣмъ видъ ея много разъ измѣнялся, ради приспособленій для храма, воздвигнутаго надъ нею, и потомъ отъ разрушеній, причиняемыхъ нашествіемъ мусульманскихъ народовъ. Видъ даже Кувуклія, то есть часовни, которою замѣнена была прежняя скала, неоднократно былъ измѣненъ, особенно въ 1555 году латинянами и въ 1808 году греками. *Иконы же тамъ* нинѣ италіанской и греческой работы *весьма плохой* качества, іезуитскаго стиля латинскихъ костеловъ, съ недолжнымъ изображеніемъ воскресающаго и возлетающаго Христа Спасителя. До нашихъ дней несокрушимо устояло лишь самое святѣйшее ложе Христово и только небольшая часть стѣнокъ пещеры внизу. Точныя измѣренія св. Усыпальницы въ современномъ ея видѣ внутри, по отчету Императорскаго православнаго Палестинскаго Общества за 1886 годъ (стр. 15), дали слѣдующія свѣдѣнія: толщина дверей пещеры—1 аршинъ и 1 вершокъ; длина пещеры—2 аршина и 14 вершковъ; высота дверей 1 аршинъ и 13 вершковъ. Тогда какъ на старинныхъ рисункахъ входъ въ пещеру изображался почти квадратнымъ, такъ что входитъ можно было только на колѣняхъ и необходимо было очень наклониться, чтобы заглянуть внутрь пещеры. Въ началѣ XII вѣка, описавшій Гробъ Господній, русскій игуменъ Даніилъ говоритъ: „Двери имущи малы, якоже можетъ человекъ влѣзти на колѣву поклоняшеся“... Ширина дверей и теперь только въ 13 вершковъ; высота пещеры—4 аршина; ширина вмѣстѣ съ ложемъ—2 аршина; ширина ложа—1 аршинъ и 5 вершковъ; высота ложа отъ пола—13 вершковъ; толщина мраморной доски, закрывающей ложе—1 вершокъ. Тамъ постоянно горятъ 43 лампы.

гдѣ былъ гробъ. Затѣмъ, кромѣ деревьевъ сада Іосифа, на иконѣ видны еще часть холма Голгофы, находившейся вблизи этого сада, а совсѣмъ въ отдаленіи на заднемъ планѣ иконы часть стѣны Іерусалима, надъ которымъ уже начиналась утренняя заря, чтобы напомнить указаніе Евангельское, что мироносицы, шедшія медленнѣ Маріи Магдалины, пришли ко гробу Христову на разсвѣтѣ, очень рано ¹⁾).

3. Христа Спасителя слѣдуетъ изображать на иконѣ, напоминающей Воскресеніе Его, *уже воскресшимъ* и стоящимъ уже снаружи *запечатанной* закрытой погребальной скалы пещеры. Воскресшій Господь-Спаситель одѣтъ въ сивдонъ или плащъ бѣлый. Хотя до Воскресенія во время земной жизни Своей Христосъ Спаситель изображается обыкновенно въ красномъ нижнемъ хитонѣ и въ синемъ плащѣ или сивдонѣ, но имѣемъ свидѣтельство Св. Писанія, что во время Преображенія Христа эти самыя красносинія „одежды Его сдѣлались блистающими, *весьма бѣлыми, какъ снѣгъ*“ ²⁾). Поэтому тѣмъ болѣе слѣдуетъ изображать уже вполнѣ преобразованное и прославленное тѣло Воскресшаго Христа, Побѣдителя смерти, въ бѣлой одеждѣ; Онъ и въ Откровеніи явился Евангелисту Іоанну въ одеждахъ бѣлыхъ іудейскихъ первосвященниковъ ³⁾). Одинъ правый бокъ Христа представлять можно обнаженнымъ только на столько, чтобы была видна *рана между ребръ Его* отъ копья, которымъ пронзилъ Ему бокъ воинъ на крестѣ для убѣжденія, что Онъ не былъ живъ. Обѣими, приподнятыми и распростертыми надъ всѣмъ міромъ, *руками воскресшій Христосъ осѣняетъ* ⁴⁾) или *благославляетъ* весь міръ, возрожденный Его Воскресеніемъ. Такое представленіе положенія Вос-

1) Еванг. Мате. гл. 28, ст. 1; Марк. гл. 16, ст. 1; Луки 26, ст. 1.

2) Еванг. отъ Мате. гл. 17, ст. 2; отъ Марк. гл. 9, ст. 3.

3) Откровеніе Іоанна Богослова гл. 1, ст. 18. И вообще въ св. Откровеніи одежды бѣлыя присвоются „достоиннымъ, побѣдителямъ, сидящимъ на престолахъ на небѣ, праведникамъ убиеннымъ за слово Божіе, убѣдившимъ одежды свои кровію Агнца Божія Христа“. Откровеніе святаго Іоанна Богослова гл. 3, ст. 4 и 5; гл. 4, ст. 4; гл. 6 ст. 11, гл. 7, ст. 9, 13, 14 и проч.

4) „Осѣнять значитъ благословлять; архіерей во время служенія осѣняютъ свѣчами“. Императорской академіи наукъ словарь церковно-славянскаго и русскаго языка, изд. 1869 г. т. III и IV, стр. 193. Этимъ опровергается возраженіе явоторыхъ, что осѣнять будто не значитъ благословлять.

креснаго Христа соотвѣтствуетъ мыслямъ евангельскаго повѣствованія о явленіи Его мирноносителямъ и ученикамъ, къ коимъ первыя слова Воскресшаго были именно благословляющія: „Радуйтесь! *Миръ вамъ!*“¹⁾ На рукахъ и на ногахъ видны раны отъ пригвожденія Его на крестѣ. Раны эти, равно какъ и рана между ребръ, должны имѣть *такое направленіе*, чтобы онѣ проходили между костей, *не сокрушая костей Христа*²⁾. *Кругомъ* всего тѣла Христа должно быть *сіяніе*, освѣщающее прочіе окружающіе предметы, для выраженія уже преобразованнаго Воскресеніемъ тѣла Христова³⁾. *Цвѣтъ и видъ волосъ, лика и тѣла* Спасителя долженъ быть изображенъ соотвѣтственно преданію Церкви Православной, выраженному отчасти въ извѣстномъ апокрифическомъ письмѣ римскому сенату отъ, такъ называемаго, Публия Лентула, правившаго Іудеею, а письмо это описываетъ Христа такъ: „Онъ имѣетъ высокій и стройный станъ; видъ Его исполненъ величія и производитъ сильное впечатлѣніе на всѣхъ, такъ что взирающіе на Него не могутъ не чувствовать къ Нему любви и вмѣстѣ съ тѣмъ не ощущать нѣкотораго страха. Волосы Его цвѣта орѣха зрѣлаго, до ушей гладки и безъ блеска, а отъ ушей до плечъ и ниже кудрявы, блестящи и по срединѣ головы прямымъ проборомъ раздѣлены на обѣ стороны, по обычаю Назареевъ. Чело гладкое и чистое; на всемъ лицѣ нѣтъ никакого пятна и оно озарено легкимъ румянцемъ; носъ и уста правильны; бороду имѣетъ такого же цвѣта, какъ и волосы, густую, но не длинную и раздвоенную на концѣ. Взглядъ Его тихъ, величественъ и пріятенъ; глаза цвѣта небснаго, проникающіе въ душу, блестящіе. Онъ весьма ласковъ и обходителенъ, когда учитъ и увѣщаетъ, строгъ и страшенъ, когда обличаетъ. Черты Его лица соединяютъ удивительную привлекательность съ величіемъ. Никто не видалъ

1) Еванг. Марк. гл. 16, ст. 9; Матѳ. гл. 28, ст. 9; Иоан. гл. 20, ст. 19 и 21.

2) Еванг. Иоан. гл. 19, ст. 36.

3) Нямбъ или сіяніе только вокругъ одной головы есть знакъ только славы и святости людской, а для Воскресшаго Бога Христа его недостаточно. Полнымъ свѣтовымъ кругомъ или облакомъ, окружающимъ все существо, означаются небсная и просвѣтленныя тѣла. И такимъ воздушнымъ сіяніемъ долженъ быть окруженъ весь Христосъ послѣ Его Воскресенія.

Его смѣющимся, но часто видятъ Его плачущимъ... Ростомъ Онъ высокъ; руки у Него прямыя и Онъ часто воздѣваетъ ихъ; плечи стройныя. Говоритъ немного, но съ достоинствомъ, и каждое слово Его взвѣшено. Поистинѣ́ человѣкъ этотъ прекраснѣйшій изъ людей“... 1) — Святые же отцы Церкви первыхъ вѣковъ свое представленіе о внѣшности Іисуса Христа основываютъ не на описаніи наружности Его, ни на предаціи, а на выраженіяхъ Священнаго Писанія, и если „они пишутъ о красотѣ Спасителя, то разумѣютъ не обыкновенную естественную, тѣлесную красоту, а внутреннюю чудесную, которая просвѣчивала сквозь наружныя черты, но не выражалась въ нихъ пластически: это, съ одной стороны, великая благодать, которою Онъ исполненъ былъ, по выраженію Златоуста, т. е. необыкновенная, неземная пріятность, которою проникнуты были Его взоръ и черты лица, и Его обращеніе съ людьми,—съ другой—блескъ и величіе Божества, которое просвѣчивало и въ человѣческомъ лицѣ, по выраженію Иеронима. Таковъ идеаль изображенія Христа Спасителя, по сложившемуся церковному сознанію, выраженному великими представителями восточной и западной Церкви. Но идеаль былъ слишкомъ высокъ и не достигаемъ, чтобы искусство могло создать вполне соответствующую ему форму: возсоздать образъ Богочеловѣка, въ которомъ бы божественное величіе выражалось въ чертахъ человѣка“ 2)... Нѣтъ такого художника, нѣтъ искусства, кои могли бы сіяніе Славы Божіей вѣрно и вполне представить мертвыми и бездушными красками, тѣнями, ограниченными и слабыми средствами человѣческими. Даже въ словѣ Божіемъ только отражается, подобно какъ въ зеркалѣ, Божественный образъ Христа Спасителя... И самыя лучшія, но вѣчно все-таки слабыя живописныя изображенія лика Воскресшаго Христа Спасителя могутъ служить лишь только нѣкоторымъ нагляднымъ, условнымъ дополненіемъ къ духовнымъ изображеніямъ Его въ Священномъ Писаніи...

1) Образы Іисуса Христа. Изслѣд. рект. Моск. духов. акад. еписк. Христофора. Изд. 1887 г. ст. 3 и пр.

2) Образы Іисуса Христа. Еписк. Христофора 1887 г. ст. 11—12.

4. Объ обстоятельствахъ ближайше послѣдовавшихъ за таинственнымъ Воскресеніемъ Христовымъ, боговдохновенные Евангелисты повѣствуютъ, между прочимъ, слѣдующее:

„Ангель Господень, сошедшій съ небесъ *приступивъ*, отвалилъ камень отъ двери гроба. Видъ его былъ какъ молнія, и одежда его *бѣла* какъ снѣгъ ¹⁾...—А „Марія Магдалина и Марія Іаковлева и Соломія, и вмѣстѣ съ ними нѣкоторыя другія женщины въ первый же день недѣли, Магдалина когда было еще темно ²⁾, а прочія очель рано на разсвѣтѣ ³⁾, неся (ко гробу Христову) приготовленные ароматы, говорятъ между собою: кто отвалить *намъ* ⁴⁾, камень отъ двери гроба“...—И по слову Евангелія, и по ученію Церкви отваленіе большаго камня нужно было *только для женъ мироносицъ*, слабыхъ силами, но предупредившихъ Апостоловъ и всѣхъ учениковъ Христовыхъ пришествіемъ къ мѣсту Его погребенія по минованіи іудейскаго праздника и покоя Субботы. Для Воскресшаго Христа—Бога же отваленіе камня отъ двери гроба *отнюдь не могло быть нужнымъ*, такъ какъ Тѣло Его по Воскресеніи проходило всюду чудеснымъ образомъ при затворенныхъ дверяхъ, какъ свидѣтельствуется это явленіями Его ученикамъ ⁵⁾.

Икона, напоминающая собственно чудо Воскресенія Христова, должна представлять моменты предшествовавшіе прибытію первыхъ мироносицъ къ пещерѣ гроба, моменты до явленія Воскресшаго Христа мироносицамъ и ученикамъ, и потому, если бы, для полноты напоминанія всѣхъ Евангельскихъ повѣствованій, желалось изобразить въ такой иконѣ и мироно-

¹⁾ Еванг. Матѣ. гл. 28, ст. 2 и 3.

²⁾ Еванг. Іоанна гл. 20, ст. 1.

³⁾ Еванг. Матѣ. гл. 28 ст. 1; Марк. гл. 16, ст. 2; Луки гл. 24, ст. 1.

⁴⁾ Еванг. Марк. гл. 16, ст. 3.

⁵⁾ Еванг. Іоаннъ гл. 20, ст. 19 и 26. Воины лзыческой стражи, приставленные іудейскими первосвященниками къ скалѣ гроба Христова, *не должны быть изображаемы* на иконѣ, напоминающей Воскресеніе Христово, потому что они не видѣли Воскресшаго, а лишь явился ангель, устранившись его, пришли въ трепеть, прилж же въ чувство, убѣжали въ Іерусалимъ. (Ев. Матѣ. гл. 28, ст 2—4 и 11). И моментъ изображается на иконѣ именно тотъ, когда воины уже убѣжали отъ гроба, а мироносицы еще не дошли до мѣста погребенія Христа Спасителя.

сиць, то *только силуэтами* въ темнотѣ, издали идущими отъ Иерусалима къ саду Іосифа. Одинъ же Ангелъ, ниспосланный на землю для отваленія тяжелаго камня отъ входа пещеры гроба для мирносицъ, можетъ быть изображенъ въ бѣлой одеждѣ снаружи запечатаннаго входа въ пещеру, благоговѣнно радостно взирающимъ на Воскресшаго Христа, въ ожиданіи Его соизволенія отвалить камень отъ входа въ пещеру для идущихъ мирносицъ.

Таковы указанія Евангельскихъ повѣствованій и основоположеній проповѣди церковно-евангельской, относящіяся къ спасительному Воскресенію Христову, и этими указаніями должны безспорно руководствоваться художники иконописцы при составленіи ими изображенія, напоминающаго величайшее всемірно-историческое событіе Воскресенія Христова. Художники иконописцы должны не забывать, что содержаніе, композиція святыхъ иконъ, какъ религіозно-историческихъ событій, всецѣло и нераздѣльно принадлежатъ только ученію церкви Христовой и точно опредѣленное содержаніе такихъ изображеній не мѣшаетъ свободѣ техническаго художественнаго ихъ творчества. На долю спеціально живописную, художествспово-техническую и безъ обремененія ея разными измышленіями и произвольнымъ всякимъ сочиненіемъ содержанія композиціи предмета еще остается слишкомъ много достойнаго труда и творчества. Художники своимъ творчествомъ должны дать жизненность, дать душу представляемому ими. Въ изображеніи благославляющихъ рукъ, въ общей позѣ и главное въ выраженіи Лица Воскресшаго Христа, художники должны стараться изобразить Величество, Всемогущество, Радостно-благословляющаго возрожденный Имъ міръ, Христа, въ коемъ „обитаетъ вся полнота Божества тѣлесно“¹⁾, въ тѣлѣ преобразованномъ, измѣненномъ въ тѣло легкое, „нетлѣнное“, славное, сильное, свѣтоносное“²⁾... Стремиться изобразить живописную форму, соотвѣтствующую такому высшему идеалу, стараться возсоздать

¹⁾ Посл. ап. Павла Колоссян. гл. 2, ст. 9 и 15.

²⁾ 1 Коринт. гл. 15, ст. 47—57.—Филипп. гл. 3, ст. 21.—Дѣян. гл. 13, ст. 37.
Ев. Матѣ. гл. 13, ст. 48 и проч.

живописный образъ Богочеловѣка уже препрославленнаго, въ Которомъ полнѣйшее величіе, всемогущество и свѣтъ,—вся полнота Божества проявилась въ образѣ человѣческомъ,—это такая глубина, такая ширь и высота, это такая великая задача истиннаго художественнаго творчества, надъ стремленіемъ къ осуществленію которой достаточно потрудиться истиннымъ художникамъ! При томъ и всѣ прочія данныя богословіемъ для содержанія иконы, напоминающей Воскресеніе Христово, воспроизвести должны художники иконописцы такъ, чтобы событіе Воскресенія Христова возстало предъ зрителями въ живописи во всей своей жизненной живости и цѣлостной полнотѣ, именно такъ, чтобы смотря на такое изображеніе, можно было радостно воскликнуть: „Да, здѣсь во истину Христосъ Воскресъ!..“

Вотъ такія-то иконы должны быть въ православныхъ христіанскихъ храмахъ для напоминанія спасительнаго Воскресенія Христова.

Христіанинъ.

Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ.

(Продолженіе *).

7. Марьяновщина ¹⁾.

Секта эта появилась первоначально въ с. Збурьевкѣ, Днѣпровскаго уѣзда, Таврической губерніи, въ періодъ времени между 1845—1850 годами и распространена въ Таврической и Херсонской губерніяхъ (особенно въ с. Долматовкѣ, Малыхъ Конопяхъ, Костогрызовой, Алешковскихъ хуторахъ и др.). По существу своего ученія она должна быть отнесена къ одному изъ толковъ хлыстовщины, хотя въ первое время ее считали скопчествомъ и хотя въ ней есть нѣчто заимствованное изъ молоканства.

Основательницей этой секты была „матушка Марьянна“, дочь Челбасскаго крестьянина, жившаго въ Збурьевкѣ, Стефана Бабенка. Она была замужемъ за слесаремъ Павломъ Тимоеевымъ, бывшимъ деньщикомъ полковника Жерве горькимъ пьяницею. Овдовѣвъ, Марьянна приобрѣтала себѣ пропитаніе тѣмъ, что читала надъ покойниками псалтирь. Задумавъ открыть школу для дѣвочекъ, она купила себѣ за три рубля небольшую „хатенку“. Между рухлядью, оставленною прежнимъ владѣльцемъ избы, она нашла доску, служившую покрышкою для ведра съ водою. Обмывъ эту доску Марьянна замѣтила на ней нѣчто похожее на ликъ Богоматери и повѣсила ее среди иконъ. Вскорѣ послѣ этого по селу распростра-

---

*) См. ж. „Вѣра и Разумъ“ № 7 за 1909 годъ.

¹⁾ Фроловъ В. Чистосердечное признаніе родной сестры родоначальницы Марьяновскаго толка хлыстовской секты (Мисс. Обзор. 1900. Октябрь. Стр. 404—413).

пился слухъ о чудесахъ, происходящихъ по молитвамъ Марьянны въ ея домѣ предъ новоявленною иконою. Рассказывали о томъ, что ликъ Богоматери чудесно обновился и просіялъ, что мгновенно ослѣпшая мать Марьянны за кощунственный отзывъ объ иконѣ по молитвамъ дочери получила чудеспое исцѣленіе, что икона источаетъ слезы и т. п. Народъ сталъ стекаться къ Марьянѣ толпами, чтобы помолиться предъ ея чудотворною иконою, предъ которою были уже поставлены большіе подсвѣчники и зажжены во множествѣ „неугасимыя“ лампадки. Марьянна читала акаѳисты и пѣла церковныя пѣсни; но скоро стала пѣть и какія-то псалмы. Пошелъ слухъ о новыхъ чудесахъ. Народъ сталъ стекаться во множествѣ даже изъ отдаленныхъ мѣстъ—изъ Области Войска Донскаго, изъ Одессы, Николаева, Кіева, Полтавы. Марьянну стали называть уже „матушкой“, „Божьей угодницей“, цѣловали ей руки; притекали и щедрія пожертвованія. Купцы Махортовъ и Кравцовы перестроили ея избенку въ большой, просторный домъ съ хорошо обставленною молельнею. Для богомольцевъ при домѣ были выстроены флигеля. Марьянна, наконецъ, и сама увѣровала въ то, что она—избранница Божія; стала держать строгій постъ; надѣла на себя вериги. Такъ прошло три года. Къ Марьяннѣ прибыли изъ г. Николаева шалопуты. Послѣ долгихъ усилій они увлекли ее въ свою секту. Имъ интересна была ея „чудотворная“ икона. Шалопуты совратили Марьянну главнымъ образомъ при помощи какой-то книги, которую они показывали только ей одной, да и то подъ большимъ секретомъ. Въ книгѣ было нарисовано много круговъ разной величины, одинъ въ другомъ, а въ срединѣ благословляющій ангель. „Пока не обойдешь образомъ круга много разъ, не познаешь, что есть благодать Божія“, говорили Марьяннѣ шалопуты. По другимъ извѣстіямъ Марьянну совратилъ въ скопчество проживавшій въ Николаевѣ скопецъ Сухонинъ. Марьянна начала устраивать у себя по ночамъ тайныя собранія; домъ охранялся особыми сторожами; оконныя ставни плотно закрывались; двери были на запорѣ. Для участія въ этихъ собраніяхъ пріѣзжали лица изъ многихъ и отдаленныхъ мѣстъ: изъ г. Алешекъ, Маячекъ, Костогрызовой, Райской

слободы, изъ Николаева, Одессы и даже нѣкоторыя монахины изъ московскихъ монастырей. Что происходило на этихъ собраніяхъ, постороннимъ узнать было трудно. „Какъ я ни охоча была подсмотрѣть, рассказываетъ родная сестра Марьянны, жившая съ нею въ одномъ дворѣ,—„никогда не удавалось; только и слышно было, какъ топаютъ ногами; догадывалась я, что либо танцуютъ, либо бѣгаютъ, кружатся“. Въ это время Марьянна не распространяла еще никакого сектантскаго лжеученія; но отъ сестры своей нѣсколько разъ требовала, чтобы, ради соблюденія тѣлесной чистоты, она разлучилась съ своимъ мужемъ и жила бы съ нимъ „какъ сестра съ братомъ“. Но скоро по образцу собственныхъ собраній Марьянна стала устраивать собранія и во многихъ сосѣднихъ и даже отдаленныхъ селеніяхъ, часто посѣщала ихъ, руководя ими и поставляя для нихъ „старшихъ братьевъ“, которые въ свою очередь пріѣзжали къ ней, въ Збурьевку, для совѣтовъ. Однажды она привезла съ собою монахиню изъ московскаго монастыря Надежду и двухъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ черныя платья. Затѣмъ до 1857 года Марьянна еще нѣсколько разъ выѣзжала то въ Кіевъ, то въ Москву, то въ Одессу или Николаевъ и каждый разъ привозила съ собою нѣсколько новыхъ дѣвушекъ, а сама начала „чудить“: ходила всегда „не въ своемъ видѣ“—съ распущенными волосами, полунагая—лѣтомъ, зимой—босая, ѣла въ 2—3 дня одинъ разъ. Домъ свой обратила въ „монастырекъ“ съ полуцерковными богослуженіями днемъ и—хлыстовскими радѣньями по ночамъ.

Въ 1861 году въ Далматовѣ, днѣпровскаго уѣзда, были обнаружены скопцы, заявившіе, что они принадлежатъ къ „сектѣ Маріанинскихъ монашествующихъ“. Тогда народъ обозвалъ скопцами и Збурьевскихъ сектантовъ и отшатнулся отъ Марьянны. Только теперь полиція обратила вниманіе на дѣятельность Марьянны. Икону отобрали и отправили въ херсонскій соборъ. Марьянну и ея „ученицъ“ подвергли медицинскому осмотру. Оскопленія не было открыто; но было дознано, что всѣ сектантки—проститутки, а Марьянна, заживо признанная ими святою, носила на тѣлѣ желѣзныя вериги. Сектантокъ разогнали, а Марьянну отдали подъ надзоръ полиціи. Ее

взялъ на поруки протоіерей херсонскаго собора Максимъ Перепелицынъ. Онъ тогда былъ въ большой силѣ въ Херсонѣ (разсказываетъ сестра Марьянны); онъ-то и защитилъ ее. Онъ помѣстилъ ее на своемъ хуторѣ, что теперь называется „Перепелицынскимъ монастырскимъ“. Тамъ была церковь и богадѣльня, въ которой призрѣвалось нѣсколько безродныхъ старухъ; съ ними-то и поселилъ о. Максимъ Марьянну и подъ ихъ-то надзоръ онъ отдалъ ее. Но что же вышло? Марьянна не только сама не покаялась, но обратила въ свою секту всѣхъ обитателей хутора и даже своихъ надзорщицъ—старушекъ, всю мужскую и женскую прислугу; а протоіерею сказала прямо въ глаза: „ты самъ, отецъ, не такъ молишься; тебя самого обратить надо,—и ты возлюбишь наше моленіе“. Здѣсь же у Марьянны явилась мысль достигнуть славы необычайной, хотя бы то и предосудительнымъ путемъ. Вотъ что разсказываетъ объ этомъ родная сестра Марьянны. „Задумала Марьянна вовсе непутевое дѣло. Въ великомъ посту (годовъ то не спрашивай, ничего не помню) на страстныхъ дняхъ, она оповѣстила, чтобы старшіе братья (т. е., сектантскіе главари) съѣзжались къ ней на прощаніе. Тѣ не замедлили явиться,—и какой страхъ обуялъ всѣхъ! Пришли къ Марьяннѣ,—видятъ ее мертвою на столѣ. Это было въ страстную пятницу. Марьянна—матушка умерла! Вѣсть эта скоро собрала у нея смертнаго ложа много людей. Голосили, причитали, просили ея молитвъ предъ Пречистою Дѣвою, клали деньги, отдавали послѣднее цѣлованіе. Извѣстили о. Максима, который распорядился подождать съ погребеніемъ до второго дня пасхи; самъ обѣщалъ хоронить. Когда онъ въ полдень пріѣхалъ на свой хуторъ, то прямо прошелъ къ покойницѣ. Все было готово къ погребенію; оставалось отпѣть ее. Вошелъ о. Максимъ, взглянулъ на Марьянну: лежитъ она осунувшаяся; смерть разлилась по ея лицу. Успокоилась многомятежная грѣшницъ“, проговорилъ о. Максимъ; перекрестился и отошелъ въ сторону разспросить о послѣднихъ минутахъ жизни Марьянны. Вдругъ Марьянна, къ ужасу всѣхъ, открыла глаза и слабымъ, дѣланымъ голосомъ проговорила: „гдѣ ты такъ долго былъ, пастырь?“ Вздрогнулъ о. Максимъ, уставился орлинымъ своимъ взглядомъ на Марья-

явну и сначала не могъ слова выговорить. Потомъ очнулся, побагровѣлъ; думали, Богъ знаетъ, что сдѣлаетъ, но онъ сдержался и только проговорилъ: „полно тебѣ, Марьянна, чудородить; ты не бросаешь своихъ глупостей; пусть теперь тебя Господь Богъ выручаетъ“. Сконфуженная Марьянна уже не могла больше оставаться на хуторѣ о. Максима. Она бѣжала въ Одессу. Оттуда ѣздила въ Почаевъ. Здѣсь ее снова арестовали и отравили въ г. Алешки. Почитатели ее взяли ее на поруки и водворили въ Збурьевкѣ. Но она убѣжала оттуда въ Николаевъ къ своимъ единовѣрцамъ и тамъ скончалась 21 декабря 1867 года. Тѣмъ не менѣе марьяновцы утверждаютъ, что она не умерла, а живетъ въ Одессѣ и управляетъ общинами своихъ послѣдователей.

Марьянна не создала никакого оригинальнаго ученія—ни догматическаго, ни нравственнаго. Вѣрованія марьяновцевъ, заимствованныя главнымъ образомъ у хлыстовъ, никѣмъ изъ членовъ секты не изложены въ опредѣленной системѣ. Неизвѣстно даже, чему, собственно, учила Марьянна и чему нынѣ вѣрують ея послѣдователи. Въ марьяновскихъ общинахъ есть „старшіе братья“, управляющіе дѣлами общинъ, но ни о „христахъ“, ни о „пророкахъ“, ни о „богородицахъ“ у нихъ не слышно. Сама Марьянна считалась только святою, угодицею Божіею, матушкою; но „богородицею“ ее, кажется, не признавали. Членовъ секты связывало не ученіе какое-нибудь, а исключительно личность ея основательницы. И теперь, причисливъ Марьянну къ лику святыхъ, сектанты просятъ только ея молитвъ предъ Богомъ и Пречистою Богородицею, что, по-видимому, говоритъ о томъ, что марьяновцы не раздѣляютъ хлыстовскаго ученія о перевоплощеніяхъ. Внешней связи съ Православною Церковію они не разрываютъ, хотя сами отпѣваютъ своихъ покойниковъ, сами служатъ панихиды по церковнымъ книгамъ, читаютъ акаѳисты и т. п. На что въ особенности нужно смотрѣть, какъ на признакъ сектантства, такъ это на то, что, не довольствуясь богослуженіями Православной Церкви, марьяновцы, по ночамъ, устраиваютъ еще свои отдѣльныя моленія, закапчивающіяся часто хлыстовскими радѣніями. Радѣнія у марьяновцевъ бываютъ большею частію

„круговыя“ и называются „тайною апостольскою работою“. Чинопріемъ у марьяновцевъ такой же, какъ и у хлыстовъ вообще; онъ сопровождается различными обрядами: торжественнымъ произнесеніемъ клятвы, общимъ цѣлованіемъ и „тайною апостольскою работою“, которая продолжается до тѣхъ поръ, пока радѣющіе не пропоютъ всѣхъ установленныхъ на сей случай кантовъ. Слѣдуя хлыстамъ, марьяновцы также гнушаются бракомъ и разрываютъ узы родства: они считаютъ даже грѣхомъ говорить съ своими родителями. По жизни своей марьяновцы ничѣмъ не отличаются отъ хлыстовъ вообще: не ѣдятъ мяса, не пьютъ вина, не курятъ и не нюхаютъ табаку, не играютъ въ карты, не посѣщаютъ православныхъ въ дни ихъ семейныхъ празднествъ: крестинъ, свадебъ, именинъ и т. п. Какъ и хлысты, они отличаются чрезвычайною гордостію, высокомѣріемъ, лицемѣріемъ и скрытностію.

8. С е р а ф и м о в ц ы *).

Секта эта есть не что иное, какъ одинъ изъ видовъ неразвившагося хлыстовства. Сами сектанты называютъ себя „Избранными братьями и сестрами“. Простой же народъ называетъ ихъ прямо—хлыстами или шалопутами. Начало этой секты относится къ концу 60-хъ годовъ прошлаго столѣтія. Мѣсто ея появленія и первоначальнаго распространенія—Псковская губернія. Основателемъ ея былъ сынъ православнаго священника іеромонахъ Серафимъ, бывшій сначала казначеемъ торопецкаго Небина монастыря, а потомъ ризничимъ Никандровой пустыни Псковской епархіи. Когда обнаружено было существованіе этой секты, Серафимъ бѣжалъ, захвативъ съ собою все, что могло послужить ему уликой, въ дѣлѣ распространенія лжеученія. Произведенное слѣдствіе не много доставило точныхъ свѣдѣній для того, чтобы составить представленіе объ этой сектѣ и ея ученіи. Серафимъ былъ человѣкъ отъ природы расположенный къ мистическому настроенію; но онъ былъ недостаточно подготовленъ къ тому, чтобы свои сектантскія вѣрованія изложить въ послѣдовательной и законченной системѣ.

*) Срв. Всеиодал. отч. Оберъ-Прокур. Св. Синода за 1871 годъ.

Слѣдствіемъ установлено, что Серафимъ выдавалъ себя за воплотившагося пророка Ілію, а своего келейника Андрея Никифорова онъ называлъ Енохомъ. Его возмущали нравственная распущенность и грѣховность современнаго общества. Упадокъ живой вѣры и отсутствіе любви онъ принялъ за несомнѣнные признаки скорого наступленія кончины міра. Весь міръ во злѣ лежитъ,—училъ Серафимъ; нечестіе людей господствуетъ повсюду; вездѣ—„смердь“ и „духота“; исчезла любовь многихъ; преступленія превзошли главы людей; нѣтъ творящаго благостыню, нѣтъ ни одного. А это отъ того, что въ мірѣ уже явился антихристъ съ своими слугами и царствуетъ повсемѣстно; ему покорились всѣ сановники, писатели, ученые и духовенство. Исчезло истинное христіанство и его нѣтъ нигдѣ—ни въ Греціи, ни въ Россіи. Такое пессимистическое міровоззрѣніе было причиною того, что Серафимъ сталъ страдать галлюцинаціями: почти каждую ночь ему были *видѣнія*. Одинъ разъ ему явился даже самъ Христосъ, окруженный Апостолами, и сказалъ: „Серафимъ! Я создалъ міръ страданіями; ты окончи его. Ты—Ілія! иди и поражай нечестіе людей. Я гряду скоро; но пощажу только избранныхъ твоихъ“. Съ этихъ поръ Серафимъ сталъ открыто говорить о себѣ, какъ объ избранникѣ и посланникѣ Божіемъ. Возвѣщая о скоромъ наступленіи второго пришествія Христова и требуя отъ людей покаянія, онъ въ то же время былъ твердо увѣренъ, что ему свыше назначено составить избранное стадо христіанъ и приготовить ихъ къ достойному срѣтенію Небеснаго Судіи. О себѣ же и своемъ келейникѣ Никифорѣ Серафимъ предсказывалъ, что слуги антихристовы предадутъ ихъ страшнымъ мученіямъ и жестокимъ пыткамъ, даже отрубятъ имъ головы и бросятъ ихъ трупы на съѣденіе хищнымъ звѣрямъ, но они послѣ смерти предстанутъ предъ престолъ Божій и будутъ молиться за грѣшный міръ, благодаря чему прекратятся мученія даже и грѣшниковъ въ аду.

Бракъ Серафимъ осуждалъ какъ „скверну“, которая хуже блуда. На супружескую жизнь смотрѣлъ какъ на источникъ распложенія грѣшниковъ. Пріемъ въ секту предварялся строгимъ искусомъ и торжественными клятвами. Прежде вступленія

въ общину желающіе быть членами „стада избранныхъ братьевъ и сестеръ“ должны были сорокъ дней поститься и ежедневно полагать отъ 300 до 3000 поклоновъ. Холостые давали торжественное обѣщаніе—никогда не вступать въ бракъ, женатые—жить съ женами, какъ съ сестрами; женщины какъ замужнія, такъ и дѣвицы, по требованію Серафима, отрѣзывали свои косы въ знакъ вѣрности сектѣ, надѣвали на себя черныя шерстяныя или коленкоровыя платья, опоясывались монашескими коленкоровыми или кожаными поясами и обручались особенными кольцами: замужнія женщины—въ знакъ того, что онѣ, какъ обрученныя Христу, будутъ жить съ своими мужьями, какъ съ братьями, дѣвицы—въ знакъ всегдашняго дѣвства, старухи же—въ знакъ того, что онѣ не будутъ вести знакомства и даже говорить съ мужчинами, не принадлежащими къ серафимовской сектѣ. Кромѣ того, Серафимъ запрещалъ своимъ послѣдователямъ ѣсть мясо, пить вино и водку, курить табакъ и участвовать въ какихъ бы то ни было свѣтскихъ увеселеніяхъ и семейныхъ празднествахъ.

Серафимъ увѣрялъ своихъ послѣдователей, что надъ ними, какъ чистыми отъ грѣховной скверны и святыми, антихристъ, царствующій въ мірѣ, не можетъ имѣть никакой власти; тѣмъ не менѣе на всякій случай онъ раздавалъ и надежное оружіе противъ него—разноцвѣтныя восковыя свѣчп и сухія березовыя вѣтки. „Какъ только антихристъ подойдетъ къ тебѣ,—говорилъ Серафимъ,—твоя свѣча сама собою мгновенно воспламенится, а сухая вѣтка распухнетъ; увидѣвъ это чудо, антихристъ и говорить съ тобою побоится“.

Обзывая православныхъ священниковъ „еретиками“ и „вратами адовыми“, чрезъ которые люди идутъ на вѣчныя мученія, и совѣтуя ни въ чемъ не вѣрить имъ, Серафимъ, однакоже, рѣшительно запретилъ своимъ послѣдователямъ разрывать внѣшнюю связь съ Православною Церковію; напротивъ онъ даже настойчиво требовалъ, чтобы во всѣ воскресные и праздные дни они испустительно посѣщали церковныя богослуженія; по возможности, принимали участіе въ пѣніи и чтеніи на клиросѣ, а въ посты исповѣдывались и приобщались. Что такое требованіе было порождено лицемѣріемъ и желаніемъ

скрыть самое существованіе секты, это доказывалось тѣмъ, что, помимо церковныхъ богослужній, Серафимъ подъ воскресные и праздничные дни устраивалъ свои тайныя сектантскія богомоленія. Правда, нѣтъ основанія думать, что у серафимовцевъ происходили возмутительныя хлыстовскія радѣнія: на своихъ собраніяхъ они читали акаѳисты, пѣли и сектантскія пѣсни, сочиненныя Серафимомъ, играли на различныхъ музыкальныхъ инструментахъ, а главное—допустили кощунственное причащеніе: они ломали просфору на мелкіе кусочки, вкладывали ихъ въ церковную чашу, наполненную краснымъ виномъ, и этимъ причащались.

Въ концѣ прошлаго столѣтія одна изъ бывшихъ послѣдовательницъ Серафима, по имени Елена, пошла дальше своего учителя и, объявивъ себя „пророчицею“ и „прозорливицею“, основала уже чисто хлыстовскую секту, названную по ея имени „Еленушкиною сектою“. Она имѣетъ своихъ послѣдователей во многихъ мѣстностяхъ, даже и за предѣлами псковской губерніи.

9. К а л и н о в ц ы *).

Секта имѣетъ только нѣсколько пунктовъ соприкосновенія съ хлыстовствомъ. Она появилась на сѣверѣ Россіи, въ Демянскомъ уѣздѣ Новгородской губерніи, въ первой четверти прошлаго вѣка (обнаружена въ 1826 году). Названіе свое она получила отъ своего основателя и распространителя крестьянина Новгородской губерніи, Демянскаго уѣзда, курскаго прихода, *Калины Аванасьева*.

Калина, какъ и многіе другіе хлыстовскіе пропагандисты, имѣлъ видъ святоши, странствующаго богомольца; выдавалъ себя за строгаго подвижника и постника; иногда даже юродствовалъ. Крестьяне звали его „божьимъ человѣкомъ“, „блаженненькимъ“, а его приверженцы преклонялись предъ его святостью и богодуховенностію; приписывали ему божеское достоинство, признавали его братомъ Іисуса Христа, а къ концу его жязни считали его самымъ Іисусомъ Христомъ. Онъ даже творилъ будто-бы чудеса, исцѣляя больныхъ и пред-

*) Всеподдан. Отч. Оберъ-Прок. Св. Синода за 1879 г.

сказывая будущее. Въ истинность его проповѣди и спасительность его наставленій калиновцы вѣрили безусловно и были убѣждены, что только одинъ Калина знаетъ истинный путь въ Царство Небесное и ведетъ по нему своихъ послѣдователей; онъ же освободить ихъ и отъ всѣхъ тѣхъ бѣдствій и скорбей, которыя постигнутъ всѣхъ другихъ людей. Къ сожалѣнію, нѣтъ опредѣленныхъ свѣдѣній о томъ ученіи, которое распространялъ Калина; не извѣстны даже въ точности и вѣрованія теперешнихъ калиновцевъ, такъ какъ сектанты эти упорно скрываютъ ихъ отъ постороннихъ. Несомнѣнно только, что основнымъ положеніемъ лжеученія калиновцевъ служитъ презрѣніе къ супружеской жизни. „Бракъ есть скверна“, училъ Калина; „кто живетъ въ супружествѣ, тотъ — блудникъ; а блудники Царствія Божія не наследуютъ“. Поэтому отъ всѣхъ желающихъ вступить въ секту Калина требовалъ обѣта—никогда не жениться и не выходить замужъ; супругамъ же онъ ставилъ условіемъ расторженіе брака. Калина, какъ и многіе другіе хлыстовскіе лжеучители, не совѣтовалъ своимъ послѣдователямъ разрывать связь съ Церковію, хотя и училъ, что молитвы и таинства, совершаемыя женатыми священниками, не дѣйствительны. И калиновцы ставили молитвы своего лжеучителя—въ особенности молитвы за умершихъ—выше молитвъ церковныхъ.

Секта калиновцевъ въ настоящее время не многочисленна. Очень многіе изъ нихъ слились съ хлыстами; другіе возвратились въ лоно Православной Церкви, считая Калину, однако же и теперь, послѣ его смерти, принадлежащимъ къ лику святыхъ. Калиновцы, какъ сектанты, существуютъ только еще въ новгородской епархіи, преимущественно въ Демянскомъ уѣздѣ.

10. Г о л у б ч и к и *).

Секта „голубчиковъ“ или „голубцовъ“ принадлежитъ къ хлыстовскимъ толкамъ. Распространена она преимущественно въ саратовской губерніи, хотя ея послѣдователи есть и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Поволжья и Кавказа. Какъ и

*) Всеподдан. Отч. Оберъ-Прок. Св. Синода за 1871 г.

всѣ вообще хлысты, „голубцы“ чрезвычайно скрытны и необщительны; вслѣдствіе этого ихъ догматическое ученіе остается почти совершенно неизвѣстнымъ. Къ хлыстамъ же ихъ причисляютъ потому, что по ночамъ они устраиваютъ свои собранія, оканчивающіяся радѣньями съ обычнымъ противунравственнымъ разгуломъ и пѣніемъ хлыстовскихъ „словъ божіихъ“ (кантовъ).

Подобно хлыстамъ вообще, „голубцы“ не ѣдятъ мяса, не соблюдаютъ постовъ, употребляя въ пищу молоко, масло, яйца жизнь ведутъ трезвую, табаку не курятъ и не нюхаютъ, чаю не пьютъ, сахару, луку, чесноку и картофеля не ѣдятъ. Относительно картофеля у нихъ существуетъ даже повѣрье, — что если въ печь поставить въ горшкѣ картофель на нѣсколько дней, то вмѣсто картофеля тамъ окажутся щепки, и что картофель вообще такъ-же плодитъ, какъ и собаки, а потому онъ и нечистъ. „Голубцы“ враждебнѣе другихъ хлыстовъ относятся къ Церкви Православной, въ самой рѣзкой формѣ отрицая всѣ ея богослуженія, таинства, обряды, св. иконы, праздники, іерархію; но внѣшней связи съ нею они не разрываютъ, упорно скрывая свою принадлежность къ сектантству. Какъ и всѣ другіе хлысты, „голубцы“ гнушаются бракомъ и, при вступленіи въ секту, даютъ торжественную клятву — никогда не жениться и не выходить замужъ.

11. С ѣ р ы е Г о л у б ы .

Этотъ толкъ хлыстовства распространенъ во многихъ губерніяхъ, въ особенности же — въ самарской, симбирской, саратовской и астраханской. Появленіе его относится къ первой четверти прошлаго вѣка. Простой народъ называетъ сектантовъ этого толка шалопутами или прямо — хлыстами; сами же сектанты усвояютъ себѣ наименованіе „посланниковъ божіихъ“ или „сѣрыхъ голубей“. Называютъ они себя *сѣрыми* потому, что въ нѣкоторыхъ пунктахъ своего лжеученія они замѣтно уклоняются отъ обыкновенныхъ хлыстовъ, которые любятъ именовать себя „*бѣлыми* голубями“. Но на ихъ вѣрованіяхъ нельзя не замѣтить слѣдовъ даже еврейскаго вліянія: такъ, напр., радѣнья свои они, подобно кавказскимъ прыгунамъ,

устраиваютъ обыкновенно по ночамъ съ пятницы на субботу, пасху празднуютъ вмѣстѣ съ евреями. Отъ настоящихъ хлыстовъ они отличаются и своимъ вѣшнимъ видомъ: они носятъ обыкновенную одежду пошитую изъ матерій разнаго цвѣта. Особенность этой секты состоитъ въ томъ, что ея послѣдователи не отвергаютъ брака и не считаютъ грѣхомъ супружеской жизни, хотя все-таки многіе изъ нихъ держатъ при себѣ и „сеструшекъ“ для „христовой любви“ и относятся къ нимъ гуманнѣе, чѣмъ къ своимъ законнымъ женамъ. Радѣнья у нихъ бывають чаще, чѣмъ у другихъ хлыстовъ, и устраиваются иногда днемъ въ праздники и воскресенья во время совершенія литургіи въ приходскихъ церквахъ.

12. Іоанниты.

Секта эта появилась только въ концѣ прошлаго вѣка и быстро распространилась по Россіи. Но центромъ, связующимъ ея послѣдователей былъ сначала г. Кронштадтъ, а потомъ Ораніенбаумъ.

Исторія хлыстовства знаетъ два рода людей среди сектантовъ: эксплуататоровъ и эксплуатируемыхъ, или—что тоже—проходимцевъ съ сожженою совѣстію сознательно обманывающихъ, ради своихъ корыстныхъ цѣлей, невѣжественную толпу, и простыхъ, довѣрчивыхъ, мистически настроенныхъ и невѣжественныхъ людей; первые—вожаки хлыстовства, вторые—ихъ избранное стадо. Изъ этихъ двухъ факторовъ складывается исторія каждаго хлыстовскаго толка.

Доброта и кротость, безкорыстіе и состраданіе ко всѣмъ скорбящимъ, ревностное служеніе Церкви Христовой, щедрая благотворительность, проявленіе особой помощи Божіей чрезъ чудесныя исцѣленія были причиною того, что имя достойнѣйшаго о. протоіерея кронштадтскаго собора Іоанна Ильича Сергіева (род. 19 октября 1829 г. † 20 декабря 1908 г.) стало извѣстно всѣмъ не только грамотнымъ, но и неграмотнымъ русскимъ людямъ. Народъ назвалъ о. Іоанна „молитвенникомъ русской земли“, всегда жаждалъ видѣть его въ лицо, получить его благословеніе, присутствовать при совершаемыхъ имъ богослуженіяхъ. Дальность разстоянія не составляла препят-

ствія для путешествія въ Кронштадтъ. Портреты о. Іоанна, отъ художественной работы и фотографій до лубочнаго изданія коробейниковъ, были распродаваемы не только по городамъ но и по захолустнымъ селеніямъ, и рѣдко можно пайти домъ благочестиваго и вѣрующаго крестьянина, въ которомъ бы не было портрета „кронштадтскаго батюшки“. Многіе, по неразумной ревности, по движимые благоговѣйнымъ уваженіемъ къ о. Іоанну, вѣшали его портреты рядомъ съ иконами и возжигали предъ ними лампадки. Другіе думали, что о. Іоаннъ возноситъ Богу иныя молитвы, чѣмъ тѣ, которыя они слышатъ въ своихъ приходскихъ церквахъ, и искали случая пріобрѣсти ихъ. Третьи желали имѣть на память какую либо вещь отъ о. Іоанна—просфору, свѣчу, ладонъ и т. п. Вотъ этою-то популярностію о. Іоанна среди простого русскаго народа и воспользовались съ одной стороны развратные тунеядцы, обиравшіе довѣрчивыхъ людей (собирая пожертвованія по всей Россіи то „на рясу батюшкѣ“, то „на карету“, то „на вселенскую свѣчу“, на церковь, которую онъ строитъ на родинѣ, на монастырь и т. п.), а съ другой стороны—проходимцы, стоявшіе во главѣ того или другаго хлыстовскаго корабля для поднятія своей сектантской общины въ глазахъ простого народа. Послѣдніе объявили о. Іоанна своимъ „христомъ“.

Еще въ 1896 году странствовалъ по Петербургу, Кронштадту и даже по югу Россіи какой-то проходимецъ, Максимъ, который распространялъ „вѣру“ въ то, что скоро наступитъ страшный судъ, что въ лицѣ графа Л. Толстого уже явился антихристъ, а что о. Іоаннъ Кронштадтскій есть Самъ Господь Іисусъ Христосъ, которому надлежало придти вторично во славу. Результатомъ такого рода проповѣдей было то, что во многихъ хлыстовскихъ корабляхъ, въ которыхъ не было собственныхъ „христовъ“ и которые управлялись только своими „пророками“, о. Іоаннъ былъ признанъ „христомъ“, а впоследствии даже „богомъ“. Ради его имени число хлыстовъ увеличилось до громадныхъ размѣровъ: въ самомъ Петербургѣ (на Петербургской сторонѣ) были такіе хлыстовскіе корабли, которые насчитывали число своихъ членовъ отъ 500 до 700 человѣкъ. Такимъ образомъ о. Іоаннъ, помимо своей воли

сталъ предметомъ обожанія и даже обоготворенія со стороны враговъ его Церкви.

Но хлысты этимъ не удовлетворились. Нѣкоторые проходимцы, по корыстнымъ побужденіямъ, съ цѣлю легкой наживы чрезъ злоупотребленіе именемъ и популярностію о. Іоанна, какъ народнаго молитвенника, рѣшились устроить свое гнѣздо въ самомъ Кронштадтѣ, куда во множествѣ путешествовали, для богомолья, простые русскіе люди. И имъ безъ особеннаго труда удалось осуществить свое намѣреніе. Въ 1901 году въ Кронштадтѣ, на углу Медвѣжьей улицы въ домѣ Максимова, уже существовалъ правильно организованный хлыстовскій корабль. Въ немъ были двѣ „богородицы“. Одна именовалась „старшей богородицей“. Это была женщина уже не молодая. Звали ее Параскевою. Она присутствовала при чтеніи акаѳистовъ и, когда пѣли припѣвъ: „радуйся, Цевѣсто неневѣстная“, она поднимала руки и махала ими, а когда пѣли „Исусе, Сыне Божій“ она только поднимала руки вверхъ. По окончаніи моленій всѣ кланялись ей въ ноги и цѣловали ея ботинки. Другая—дѣвица Новгородской губерніи Екатерина Трушнина—называлась „скорбящею богородицею“. Это была женщина безнравственная и развратничала открыто съ хлыстовскимъ „пророкомъ“.

Большое значеніе въ кронштадтскомъ хлыстовскомъ кораблѣ имѣетъ какой-то „старецъ Назарій“, постоянно проживавшій въ Новгородской губерніи. Его всѣ признавали „Іоанномъ Богословомъ“ и считали „святымъ“, а въ лицо называли „отцомъ“¹⁾. Но выдающимся пропагандистомъ кронштадтскаго хлыстовства былъ „пророкъ“ Прохоръ Скоробогатченковъ, изъ слободы Карповки, Области Войска Донскаго. Онъ разъѣзжалъ даже по всей южной Россіи и вербовалъ тамъ молодыхъ дѣвушекъ для своего кронштадтскаго корабля, увѣряя, что ихъ зоветъ къ себѣ о. Іоаннъ и что только въ Кронштадтѣ онѣ найдутъ свое счастіе. Бросивъ жену и малолѣтнихъ дѣтей, онъ проводилъ развратную жизнь и въ то же время выдавалъ себя за человѣка святого, прозорливаго и приближеннаго къ о. Іоанну; собиралъ будто бы для него пожертвованія, отъ

¹⁾ Подробнѣе о немъ въ „Новороссійскомъ Краѣ“ № 291.

его имени служилъ по домамъ молебны и панихиды. Своимъ слушателямъ онъ внушалъ мысль, что одинъ только о. Іоаннъ Кронштадтскій есть истинный пастырь, а всѣ другіе православные священники—обманщики и наемники, а потому и совершаемыя ими таинства безблагодатны. Таинство причащенія въ Православной Церкви онъ называлъ мякиною. По деревнямъ и селеніямъ Скоробогатченковъ разъѣзжалъ всегда со спутницами—„скорбящею богородицею“ Екатериною и „мурносицею“ Домною Близгаровою, которыя и помогали ему обманывать довѣрчивыхъ людей. Привезенныхъ въ корабль дѣвицъ онъ и „скорбящая богородица“ убѣждали, что въ о. Іоаннѣ воплотился Самъ Богъ и что поэтому въ дѣйствительности о. Іоаннъ есть не кто иной, какъ богъ. „А къ обыкновеннымъ священникамъ грѣхъ обращаться,—говорилъ Скоробогатченковъ,—и никогда къ нимъ не ходите, не то пропадетъ ваша душа... У вашихъ родителей роги на головѣ, они—черные; только вы этого не видите, ибо вы еще грѣшны, а когда получите благодать, то сами увидите. Ихъ (т. е., родителей) слушать не нужно, и никогда ничего не нужно говорить ни имъ, ни священникамъ, словомъ—никому, а то поселится въ васъ сатанище. Если же кто будетъ спрашивать васъ о томъ, какъ вы живете въ Кронштадтѣ, говорите, что живемъ хорошо, кормятъ, поятъ, ничего мы не дѣлаемъ, только Богу молимся“. На ночныхъ собраніяхъ кронштадтскихъ хлыстовъ (или „ивановцевъ“, какъ тогда ихъ называли), кромѣ чтенія акаѳистовъ и пѣнія различныхъ сектантскихъ кантовъ, Скоробогатченковъ совершалъ и „причащеніе“. Вотъ какъ онъ это дѣлалъ. Онъ бралъ просфору и чашу съ виномъ, подносилъ ихъ къ портрету о. Іоанна и говорилъ: „Ты, Господи, въ о. Іоаннѣ, ты все знаешь и видишь, претвори просфору въ тѣло Христово, а вино въ кровь Христову“. Послѣ этого онъ исповѣдывался самъ, исповѣдывалъ и дѣвицъ, причащался самъ и давалъ ложечкой причащеніе всѣмъ остальнымъ.

Прошло два года. „Ивановцы“ были арестованы полиціей и разосланы по мѣстамъ ихъ жительства. Но на ихъ мѣсто явились новые хлысты, съ новымъ названіемъ—*іоаннитовъ* и съ новою тактикою пропаганды. Нахальство ихъ дошло до того,

что съ 1906 года они начали пропагандировать свое лжеученіе посредствомъ печати. Былъ основанъ даже еженедѣльный журналъ „Кронштадтскій Маякъ“ съ многочисленными приложеніями. Изъ послѣднихъ нельзя не упомянуть о книжкѣ, изданной въ томъ же году подъ заглавіемъ „Правда о сектѣ іоаннитовъ“¹⁾ По этой книжкѣ, какъ самосвидѣтельствѣ сектантовъ, уже можно составить ясное представленіе о томъ, каковы ихъ вѣрованія и каковы ихъ дѣятели, хотя и здѣсь они далеко не искренни и не чистосердечны. На стр. 64 читаемъ; „Въ батюшкѣ кронштадтскомъ явился во плоти Богъ, Онъ оправдалъ себя въ духѣ. Показалъ себя ангеламъ и въ народахъ проповѣданъ“. Въ другихъ мѣстахъ о. Іоаннъ называется „селеніемъ Божиимъ, жилищемъ Св. Троицы—Бога Отца, Сына и Святаго Духа, которые въ немъ почиваютъ“. Сектанты утверждаютъ, что онъ есть вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ (стр. 21). „Съ невѣрующими слѣпцами,—говорятъ они,—батюшка обходится какъ человѣкъ. по обыкновенію, а съ вѣрующими слѣпцами, которые желаютъ отъ искренняго сердца прозрѣть, съ тѣми батюшка обходится какъ Богъ и открываетъ имъ душевныя очи; а если въ батюшкѣ Богъ живетъ чего же ему не возможно“? Одинъ хлыстъ кронштадтскій (Пустошкинъ) рассказываетъ: „Свидѣтельствую истинно Господомъ Іисусомъ Христомъ, не лгу (кощунственная пародія словъ ап. Павла: 2 Кор. 11, 31; Рим. 9, 1; Гал. 1, 20!) три раза отъ батюшки видѣлъ сіяніе на подобіе молніеносной грозы. Я въ это время отъ радости не могъ стоять, долженъ былъ голову склонить ницъ!“

„Богородицею“ у кронштадтскихъ хлыстовъ долгое время была жительница Ораніенбаума Порфирія Ивановна Киселева, которую сектанты также именуютъ „храмомъ Бога живаго“, дщерью Царя Небеснаго“, „непоколебимымъ столпомъ Церкви“, „праведницею“, „непорочною“ и т. п. Могила Киселевой, на городскомъ ораніенбаумскомъ кладбищѣ, петербургскіе хлысты

¹⁾ Кроме этой книги іоаннитами распространяются слѣдующія брошюры: 1. Какъ пужно жить, чтобы богатому быть и чисто ходить? 2. Къ свободѣ призвалъ насъ Господь (ч. 1); 3. Еще днесь закатится солнце; 4. Сборникъ стиховъ въ честь о. Іоанна Ильича Сергіева; 5. Ключъ разумѣн; 6. Дѣла педагога мучившихъ дней и др.

чтутъ какъ святыню, читаютъ надъ нею акаѳисты и поютъ молебны, песокъ отъ нея берутъ на память и хранятъ въ своихъ домахъ какъ талисманъ. Теперь ея мѣсто заняла нѣкая Козельцева.

Дѣятельное участіе въ пропагандѣ кронштадтской хлыстовщины проявилъ „архангелъ“ секты—крестьянинъ Ярославской губерніи—Михаилъ Ивановичъ *Петровъ*, о которомъ извѣстно то, что онъ былъ судимъ за мошенничество и обманъ. Другіе пропагандисты іоаннитскаго хлыстовства въ нравственномъ отношеніи стоятъ не выше Петрова.

По словамъ выдающагося іоаннита Михаила (Петрова?), сектанты совращаютъ православныхъ такимъ образомъ: „Сперва происходитъ обращеніе тѣлесное, а потомъ духовное. Прѣжде закаляютъ плоть истязаніемъ, а потомъ освящаютъ духовно сношенія мужчины съ женщиною. Случается, что мы обращаемъ въ нашу вѣру и противъ желанія. Вѣдь не всякій больной признаетъ пользу лѣкарственнаго снадобья“¹⁾.

Въ послѣднее время, благодаря энергичной пропагандѣ, секта іоаннитовъ такъ быстро стала распространяться по Россіи, что всероссійскій миссіонерскій съѣздъ, бывшій въ Кіевѣ въ 1908 году, нашелъ необходимымъ просить высокочтимаго о. Іоанна Сергіева (Кронштадтскаго) произнести надъ нею торжественное осужденіе.

По обсужденіи этого постановленія Св. Синодъ 4—11 декабря 1908 года опредѣлилъ: 1. ученіе, такъ называемыхъ, іоаннитовъ, признающихъ о. Іоанна Сергіева Богомъ,—считать ученіемъ еретическимъ, кощунственнымъ и богохульнымъ, сроднымъ съ хлыстовствомъ; 2. въ виду неоднократнаго осужденія самимъ о. Іоанномъ ученія „іоаннитовъ“, предложенное кіевскимъ миссіонерскимъ съѣздомъ предложеніе о. Іоанну произнести слово обличенія „іаннитовъ“—признать излишнимъ; 3. предостеречь православныхъ христіанъ отъ участія въ со-трудничествѣ въ „Кронштадтскомъ Маякѣ“ и другихъ подобныхъ изданіяхъ, а с.-петербургскому духовному цензурному комитету слѣдить за означенными изданіями; 4. поручить духовенству съ особенною осторожностію относиться къ лицамъ,

¹⁾ Биржев. Вѣд. 1908. № 10859.

подозрѣваемымъ въ принадлежности къ „іоаннитамъ“, при совершеніи надъ ними тиинства, требуя отъ нихъ отреченія отъ главныхъ заблужденій „іоаннитовъ“; 5. поручить духовенству предостеречь лицъ, отправляющихся въ Кронштадтъ къ о. Іоанну за благословеніемъ и религіознымъ утѣшеніемъ, отъ возможности различныхъ злоупотребленій со стороны вожаковъ „іоаннитовъ“; 6. лицъ, упорныхъ въ „іоаннитствѣ“, послѣ увѣщаній, подвергать отлученію отъ православной церкви“.

13. П а н і я ш к о в щ и н а *).

Основателемъ и распространителемъ секты *паніяшковцевъ* или *циниковъ* (какъ ихъ иногда называютъ) былъ крестьянинъ слободы Покровской, Новоузенскаго уѣзда, Самарской губерніи Алексѣй Гавришовъ (Паніяшка—тожъ). По свѣдѣніямъ, собраннымъ самарскою духовною консисторіею, Алексѣй Гавришовъ, человекъ красивой наружности, высокаго роста, крупнаго сложенія, съ громадною, ниже пояса спускающеюся бородою, съ умнымъ выразительнымъ лицомъ и плавною, тихою, вкрадчивою и убѣдительною рѣчью, былъ человекъ довольно начитанный въ аскетическихъ сочиненіяхъ и житіяхъ святыхъ. Въ молодости онъ много странствовалъ по монастырямъ и даже хотѣлъ принять монашество. Но по желанію родныхъ женился и имѣлъ дѣтей. Овдовѣвъ въ 60-хъ годахъ прошлаго столѣтія, онъ отправился на Аѳонъ съ цѣлію принять монашество. Изъ Аѳона онъ возвратился съ удостовѣреніемъ, что онъ принялъ схиму съ пменемъ Андрея. На родинѣ его встрѣтили съ большимъ почетомъ и уваженіемъ, какъ подвижника и схимника. Онъ избралъ для своего жительства с. Квашниковку. Пожертвованія стекались къ нему со всѣхъ сторонъ и въ большомъ количествѣ. Паніяшка устроилъ общину, которую мечталъ преобразовать въ монастырь. Въ его домѣ стали происходить ночныя собранія съ чтеніемъ книгъ Св. Писанія, житій святыхъ, совершеніемъ вечерни, заутрени, часовъ, мо-

*) Дѣло Самарской Лух. Консист. о распространеніи лжеученія крестьяниномъ Ал. Гавришовымъ. 25 ноября 1893 г. и 4-го марта 1895 г. 2. *Кесарева И.* свещ. Бесѣдничество, какъ секта. 1905 г. Стр. 58—75; 3. Мисс. Обзор. 1897. I. Стр. 424—431.

нашескаго правила. Эти почныя сборища послужили причиной того, что Паніашка былъ высланъ изъ Квашниковки и водворенъ на родинѣ въ с. Покровской, гдѣ у него также былъ собственный домъ. Сначала онъ очень усердно посѣщаль церковныя богослуженія и на всѣхъ производилъ впечатлѣніе строгаго подвижника. Но потомъ, вдругъ, затворился у себя въ домѣ и пересталъ не только ходить въ церковь, но—даже выходить на улицу. Весь свой домъ онъ увѣшалъ иконами сверху до—низу, а въ углу большой комнаты поставилъ икону Божіей Матери, предъ которою зажегъ неугасимую лампаду. „Народная молва о благочестивомъ житіи Паніашки стала быстро распространяться по всѣмъ окружнымъ селамъ, что привлекло массу тѣлесно и душевно больныхъ, каковыхъ онъ не отказывался лечить своеобразными средствами, охотно принимая приносимыя ему даянія. Лечение начиналось обычно совмѣстной молитвой предъ иконой Богоматери, послѣ чего больному давался въ ротъ елей, который брался ложечкой изъ неугасимой лампы, висѣвшей предъ той же иконой Богоматери, которую онъ выдавалъ за чудотворную. Употребляемый елей принимался народомъ за причастіе,—и тѣ, кому случилось выздоравливать, видѣли въ этомъ чудесное проявленіе силы Божіей, а въ лицѣ самого Паніашки—угодника Божія, цѣлителя и чудотворца, о которомъ, естественно, распространялись самые выгодныя для него слухи среди народа. Легковѣрный народъ массами устремился къ новоявленному чудотворцу за совѣтами и молитвеннымъ ходатайствомъ, при чемъ иногда весьма щедро лились добротныя приношенія въ пользу обожаемаго молитвенника. Обаяніе его личности какъ схимонаха, при томъ гонимаго за благочестіе, достигло огромныхъ размѣровъ“¹⁾).

Въ это время у Паніашки явилась мысль создать свою секту по образцу хлыстовщины и отчасти безпоповщины. Онъ сталъ учить, что тѣло человѣческое есть источникъ всякаго зла не только потому, что его создаетъ діаволь, но и потому, что въ тѣлѣ каждаго человѣка находится бѣсъ. Не человѣкъ просить ѣсть или пить или обнаруживаетъ плотскія вожделѣнія,

1) Кесаревъ, стр. 61.

а бѣсъ. Поэтому, когда Паніашка, напр., клалъ въ свой ротъ кусокъ хлѣба, онъ непремѣнно каждый разъ говорилъ: „на, бѣсъ, трескай!“ Пилъ ли онъ воду или бралъ ложку щей, онъ опять говорилъ то-же: „на бѣсъ, трескай!“ Такъ же онъ училъ и объ удовлетвореніи половымъ страстямъ: „на, бѣсъ, трескай!“ Но бороться съ бѣсомъ, по ученію Паніашки, можно только чрезъ умерщвленіе плоти. Поэтому онъ требовалъ отъ своихъ послѣдователей, чтобы они, какъ можно, меньше заботились о своемъ тѣлѣ, насколько возможно, воздерживались отъ пищи и питья, не ходили въ баню, не умывались, не скидывали съ себя грязнаго бѣлья, не чесали головы, не омывали и не чистили посуды, предназначенной для пищи и питья и т. п. Цѣлью своею паніашковцы ставили, однако-же, не кормленіе бѣса, а изгнаніе его изъ своего тѣла. Согласно наставленію основателя своей секты, они вѣровали, что громкое испусканіе изъ желудка газовъ есть именно удаленіе бѣса изъ человѣческаго тѣла. Поэтому послѣ ѣды каждый паніашковецъ непремѣнно долженъ произвести нескромный звукъ, затѣмъ плюнуть на полъ, растереть плевокъ ногами и сказать: „прекорилъ проклятаго бѣса“. То-же самое они должны дѣлать во время молитвы и послѣ нея. Неисполненіе этого требованія влекло за собою бичеваніе. „Пророкъ“ (т. е. самъ Паніашка) билъ по спинѣ одержимаго бѣсомъ до тѣхъ поръ, пока не получался желаемый результатъ. Кто съ трудомъ производилъ требуемыя звуки, въ томъ, по вѣрованію паніашковцевъ, слишкомъ крѣпко сидитъ бѣсъ, изгнать котораго могъ только или самъ Паніашка, или „пророкъ“. получившій отъ него особую благодать.

Не смотря на столь страшное ученіе, у Паніашки скоро образовалось большое число послѣдователей: явились „богородицы“ и „пророки“. Въ обширной залѣ его дома („святилищѣ“) были устраиваемы такія же циничныя радѣнія, какъ у хлыстовъ; развратъ доходилъ до чудовищныхъ размѣровъ.— все убивали „проклятаго“ бѣса; но больше всѣхъ развратничалъ самъ Паніашка. Съ Церковію была разорвана всякая связь. Паніашка порицалъ духовенство и совершаемыя имъ таинства, а себя выставялъ затворникомъ подобнымъ Афонскимъ под-

вижникамъ, которые никогда не ходятъ въ церковь и, однакоже, угодны Богу.

Сочувствіе народа къ Паніашкѣ не уменьшалось, а увеличивалось. Притокъ всевозможныхъ пожертвованій былъ чрезвычайный: многіе, богатые люди, вступая въ секту, отдавали буквально все свое состояніе, а сами оставались нищими. Для наиболѣе преданныхъ послѣдователей Паніашка устроилъ коммунистическую общину, гдѣ у сектантовъ былъ все общимъ; личной собственности никто не могъ имѣть. Приемъ въ секту производился весьма осмотрительно и послѣ продолжительнаго искуса; а его заключительный актъ состоялъ въ изгнаніи бѣса. „Въ тебѣ бѣсъ сидитъ,—его изгнать нужно“, обыкновенно говорилъ Паніашка желающему вступить въ секту. Послѣ этого происходило бичеваніе въ полномъ смыслѣ этого слова. Сдѣлавъ изъ пояса бичъ, Паніашка изъ всей силы колотилъ имъ „одержимаго бѣсомъ“ до тѣхъ поръ, пока послѣдній не производилъ неприличнаго звука съ неприятнымъ запахомъ.

Паніашка умеръ въ 1895 году. Надъ его могилою поставленъ громаднѣйшій, въ видѣ часовни, памятникъ, въ которомъ развѣшаны иконы, теплится неугасаемая лампадка, поставленъ столъ, на которомъ лежатъ священныя книги. Рядомъ съ иконами виситъ портретъ Паніашки. Его послѣдователи сопричислили его къ лику святыхъ и вѣруютъ, что онъ долженъ скоро воскреснуть. Въ этомъ памятникѣ паніашковцы устраивали свои радѣнья, пока не закрыла его полиція.

Въ отношеніи къ Церкви паніашковцы въ настоящее время измѣнили свое поведеніе. Они не разрываютъ внѣшней связи съ нею, какъ и другіе хлысты. Но въ дѣйствительности они не признаютъ ни церкви, какъ божественнаго учрежденія, ни таинствъ, ни обрядовъ, ни іерархіи, и если соблюдаютъ нѣкоторыя установленія, то только для того, чтобы скрыть свою принадлежность къ сектѣ. Молятся они или въ своихъ молитвенныхъ домахъ, или у памятника Паніашки, и наравнѣ съ нѣкоторыми молитвами Православной Церкви распѣваютъ канты собственнаго сочиненія. Иконы они, по-видимому почитаютъ. Постовъ не признаютъ: ѣдятъ мясо и все безъ разбора; „бѣсу, говорятъ, все равно, что бы ему не трескаться“.

Мѣсто Паніяшки занялъ крестьянинъ Захарій *Бѣлобородовъ*, котораго, однако-же, сектанты величаютъ „отцомъ Захаріемъ“.

Секта паніяшковцевъ есть наглядное доказательство того, до какого безумія могутъ дойти люди, отказавшіеся отъ руководительства Православной Церкви!..

14. Подгорновцы.

Секта эта не отличается оригинальностію своего ученія— ни догматическаго, ни нравственнаго, но имѣетъ нѣкоторые пункты соприкосновенія съ хлыстовствомъ. Она возникла въ послѣдней четверти прошлаго столѣтія въ предѣлахъ Харьковской епархіи и скоро получила довольно значительное распространеніе не только въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Харьковской губерніи, но и за ея предѣлами (въ губерніяхъ Курской и Полтавской ¹⁾).

Основателемъ этой секты былъ крестьянинъ с. Тростянца, Ахтырскаго уѣзда, Харьковской губерніи, Василій Карповичъ *Подгорный*. Научившись грамотѣ у садовника мѣстнаго помещика (Голицына), онъ еще въ молодости самъ открылъ школу въ своемъ домѣ, гдѣ въ будни обучалъ крестьянскихъ дѣтей чтенію гражданской и церковной печати, а по воскреснымъ днямъ читалъ взрослымъ житія святыхъ и другія книги религіозно-нравственнаго содержанія. Въ 70-хъ годахъ прошлаго вѣка онъ приобрѣлъ за селомъ небольшой кирпичный заводъ и сталъ принимать у себя разнаго рода странниковъ, проживавшихъ у него довольно продолжительное время. Самъ Подгорный нѣсколько разъ путешествовалъ па Аѳонъ и по другимъ св. мѣстамъ. Въ 80-хъ годахъ онъ приобрѣлъ себѣ еще одинъ участокъ земли близъ г. Богодухова и устроилъ здѣсь женскую общину. Скоро эта община была возведена въ женскій монастырь; но Подгорный считалъ себя обиженнымъ: настоятельницей монастыря была назначена не дочь его, какъ онъ того желалъ, а монахиня жепскаго монастыря Курской епархіи. Оставивъ семью въ Тростянцѣ, Подгорный ушелъ на

¹⁾ Срв. Всеподдан. Отч. Оберт-Прок. Св. Синода за 1898 г. Церковь. Вѣд. 1901 г. № 27; Мисс. Обзор. 1901. I. Стр. 605.

Леонъ. Но тамъ онъ былъ недолго: скоро возвратился на родину и поселился на своемъ заводѣ, гдѣ также началъ устраивать нѣчто похожее на Богодуховскую общину. При этомъ не разрывалъ связи съ православною церковію, даже—напротивъ старался отличатся особеннымъ благочестіемъ: неопустительно посѣщать богослуженія не только въ приходской церкви, но и въ г. Харьковѣ. За свое благочестіе онъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ и даже сталъ лично извѣстенъ Харьковскому Архіепископу Амвросію. Но скоро оказалось, что благочестіе Подгорнаго было лицемѣрнымъ. Въ Тростянцѣ, Харьковѣ, Богодуховѣ, Ахтыркѣ и въ другихъ мѣстахъ онъ основалъ много тайныхъ общинъ съ несомнѣнными признаками хлыстовства. Себя же онъ выдавалъ за іеромонаха Стефана, увѣряя своихъ послѣдователей, что „пробывая на Леонѣ въ постѣ и непрестанной молитвѣ, онъ изнемогъ и ради смертнаго часа, принялъ тамъ монашество и посвященъ въ іерейскій санъ“. Онъ имѣлъ у себя священническое облаченіе, напрестольный крестъ и евангеліе, кадило и всѣ богослужебныя книги. Въ свои общины Подгорный набиралъ обыкновенно только молодыхъ дѣвицъ и вводилъ монастырскій строй съ общею молитвою, общимъ столомъ и общими занятіями—днемъ; а по ночамъ, особенно подъ воскресные и праздничные дни, въ каждой общинѣ были устраиваемы собранія для чтенія книгъ и пѣнія хлыстовскихъ пѣсенъ, а самъ Подгорный изгонялъ своими молитвами бѣсовъ изъ нѣкоторыхъ своихъ послѣдовательницъ. Главнымъ сотрудникомъ Подгорнаго по устройству женскихъ общинъ былъ схимонахъ Пантелеймонъ, лѣтъ 30 отъ роду, красивый и здоровый мужчина, бывшій крестьянинъ села Ямнаго, Богодуховскаго уѣзда, по ремеслу кузнецъ, Петръ Важенко. Но кромѣ него и многіе другіе мужчины были постоянными посѣтителями ночныхъ собраній, происходившихъ въ общинахъ Подгорнаго. Показное благочестіе и мнимыя чудотворенія, соединенныя съ благотворительностію, при энергичномъ содѣйствіи странствовавшихъ повсюду съ полумонашескимъ видомъ послѣдовательницъ Подгорнаго, создали его славу и возбудили къ нему общее вниманіе. Всякаго рода пожертвованія стекались къ нему съ раз-

ныхъ сторонъ. Но скоро стали распространяться и дурные слухи, настойчиво утверждавшіе, что послѣдователи Подгорнаго на почныхъ собраніяхъ предаются разврату. Жалоба одной крестьянки за изнасилованіе ея несовершеннолѣтней дочери заставила епархіальное начальство обратить вниманіе на дѣятельность Подгорнаго. Произведеннымъ слѣдствіемъ Подгорный былъ уличенъ въ крайне предосудительныхъ поступкахъ: подъ личиною внѣшняго благочестія онъ распространялъ въ средѣ темныхъ и легковѣрныхъ людей лжеученіе, подрывавшее основы семейной жизни, уваженіе къ церкви, къ священнодѣйствіямъ, таинствамъ, духовенству; между тѣмъ самъ велъ жизнь безнравственную, погрязая въ необузданно-грубомъ развратѣ, ради чего собиралъ жевщицъ и дѣвицъ въ общежитіе и, пользуясь ихъ довѣріемъ, растлѣвалъ и насиловалъ ихъ, не стѣсняясь никакимъ возрастомъ ¹⁾. Узнавъ объ этомъ Св. Синодъ призналъ „оставленіе Подгорнаго на свободѣ, въ предѣлахъ Харьковской губерніи, вреднымъ и опредѣлилъ помѣстить его, въ видахъ пресѣченія дальнѣйшаго соблазна и въ огражденіе добрыхъ нравовъ мѣстнаго населенія, въ арестантское отдѣленіе Суздальскаго Спасо-Евѣиміева монастыря, впредь до усмотрѣнія его раскаянія и исправленія“. Это опредѣленіе Св. Синода было утверждено Государемъ Императоромъ 17-го октября 1892 года, а 31 октября того-же года Подгорный былъ отправленъ въ Суздаль; за нимъ послѣдовали жена и двѣ дочери (Варвара и Параскева младшая), нанявшія для себя очень просторную квартиру вблизи Покровскаго жевскаго монастыря. Заключение Подгорнаго въ монастырь не положило предѣла развитію его секты. Его послѣдователи стали питать къ нему только большее уваженіе, почитая его невиннымъ страдальцемъ и мученикомъ: посылали ему щедрыя пожертвованія; ради него предпринимали путешествія въ отдаленный Суздаль, находя себѣ радушный пріемъ въ его семьѣ. Въ свою очередь и Подгорный не прекратилъ своей дѣятельности: онъ не раскаялся въ своихъ заблужденіяхъ, но продолжалъ оказывать вліяніе въ прежнемъ сектантскомъ духѣ какъ на существовавшихъ уже въ довольно значительномъ количествѣ

¹⁾ Масс. Обзор. 1901. I. Стр. 606.

своихъ послѣдователей, такъ и на православныхъ, не имѣвшихъ о немъ правильнаго представленія. Главнымъ средствомъ, которымъ пользовался Подгорный для пропаганды своего лжеученія, была его обширная переписка: въ своихъ послѣдователяхъ онъ поддерживалъ надежду на свое скорое возвращеніе изъ ссылки, обѣщалъ молиться за нихъ, гонимыхъ церковію, Богу, называя ихъ своими дѣтьми и чадами, и поучалъ ихъ, какъ нужно жить. Вслѣдствіе этого послѣдователи Подгорнаго, все болѣе и болѣе увеличиваясь числомъ, успѣли организоваться въ опредѣленную секту. Эта секта, согласно съ ученіемъ своего основателя, проповѣдывала презрѣніе къ супружеской жизни и на ея мѣсто ставила возмутительный культъ разврата. Раствѣніе дѣвицъ и безпрекословное сношеніе женщинъ съ разными мужчинами составляли основное требованіе этой секты, ни одна женщина, по ученію подгорновцевъ, не должна дорожить своимъ цѣломудріемъ, чтобы не гордиться предъ другими и не погибнуть для Царствія Божія, а должна позволять пользоваться собою всякому мужчинѣ, хотя бы даже калѣкѣ; въ этомъ ея послушаніе, безъ котораго ея спасеніе не возможно. При всемъ томъ подгорновцы умѣли, прикрываясь почти монастырскою, лицемѣрно-православною внѣшнею жизнію своею. Они не безъ усердія посѣщали храмъ Божій, неопустительно говѣли въ великій постъ, приглашали священниковъ для совершенія въ своихъ домахъ различныхъ молитвословій, путешествовали по св. мѣстамъ и т. п. Мѣсто Подгорнаго, въ дѣлѣ непосредственнаго управленія сектантскими дѣлами, занялъ крестьянинъ села Каменки, Ахтырскаго уѣзда, Евграфъ Федченко. Въ его домѣ собранія сектантовъ происходили почти каждую ночь, а не подъ одни только воскресные и праздничные дни, и нерѣдко продолжались до утра. На нихъ присутствовали какъ мужчины, такъ и женщины. Заканчивались они общею трапезою. Сектанты держали въ строгой тайнѣ какъ свое лжеученіе, такъ и все, происходившее на ихъ сборищахъ. Но разбитыя супружества и брошенныя на произволь судьбы дѣти были ихъ неумолимыми обвинителями.

Въ 1899 году жена и дочери Подгорнаго возвратились изъ Суздаля въ Тростянецъ. Но дѣятельнаго участія въ распро-

страпеніи сектантства, по-видимому, уже не принимали. Въ 1902 году умерла жена Подгорнаго, послѣ напутствованія св. тайнами и совершенія надъ нею таинства елеосвященія. 17-го января 1903 года Подгорному было предоставлено право оставить Спасо-Евѣиміевъ монастырь и возвратиться на родину. Но къ этому времени съ нимъ произошла рѣзкая перемѣна. Ничего сектантскаго въ немъ уже не усматривали. Самъ Подгорный не захотѣлъ воспользоваться предоставленнымъ ему правомъ. Онъ рѣшилъ навсегда остаться въ Суздальскомъ Спасо-Евѣиміевѣ монастырѣ, гдѣ и принялъ монашество съ именемъ Стефана. Секта подгорновцевъ утратила сначала свой острый характеръ; общины ихъ распались, многіе изъ послѣдователей Подгорнаго оставили свои заблужденія и поступили въ монастыри. Тѣмъ не менѣе нѣкоторые слѣды сектанства у нихъ замѣтны: такъ, они не перестаютъ чтить Подгорнаго, какъ святого, по-прежнему; на бракъ смотрятъ неодобрительно, не подають, при встрѣчѣ, знакомымъ руки, носятъ полу-монашеское платье, особенно—женщины; къ духовенству питають только внѣшнее уваженіе и любятъ отзываться о немъ укоризненно.

Прот. Т. Буткевичъ.

(Продолженіе будетъ).

Мѣсто Церкви и государства въ исторіи божественнаго домостроительства *).

I.

Съ тѣхъ поръ какъ графъ Толстой опредѣлениемъ церковной власти былъ признанъ отпавшимъ отъ Церкви, духовный обликъ его окончательно опредѣлился въ глазахъ вѣрующаго христіанина, а богословская литература наша совсѣмъ перестала интересоваться имъ, тѣмъ болѣе, что изъ подъ пера яснополянскаго моралиста не появлялось уже ничего сколько нибудь оригинальнаго и новаго по мыслямъ; только невѣрующая часть интеллигенціи нашей, привыкшая видѣть въ графѣ своего духовнаго вождя и руководителя, глухимъ ропотомъ отвѣтила на актъ церковнаго анаематствованія. Непонимающая и не желающая понимать христіанскаго ученія о Церкви, она ничего не увидѣла въ немъ, кромѣ насилія надъ свободою совѣсти графа и крайняго безсердечія высшей іерархіи. Но и она скоро измѣнила Толстому. Равнодушная къ дѣлу Христову на землѣ, она спокойно выслушивала безпримѣрное кощунство графа и издѣвательства его надъ всѣмъ святымъ и священнымъ для православнаго христіанина, но не могла простить графу того, что онъ посягнулъ на ея собственныхъ идоловъ, коринѳеевъ европейской цивилизаціи. Послѣдніе смутные годы въ нашей государственной жизни также не мало способствовали потерѣ графомъ своей популярности. Не усвоивши надлежащимъ образомъ положительныхъ идеаловъ Толстого и той

---

*) Статья, прочитанная авторомъ 15 февраля сего года въ залѣ Харьковской городской думы.

свободы духа, которую онъ проповѣдывалъ, жаждущее всякихъ свободъ, кромѣ истинной—христіанской, общество наше отъ всей души привѣтствовало анархическіе взгляды графа и отрицательное отношеніе его къ церковной и гражданской власти; что же касается его ученія „о непротивленіи“, которое безспорно занимаетъ центральное мѣсто въ его морали и дѣлаетъ его анархистомъ особаго рода, то до поры—до времени оно совершенно игнорировало это ученіе... Когда же исторією послѣднихъ лѣтъ вопросъ объ отношеніи личности къ государству и государства къ личности былъ поставленъ на очередь и до крайности обострился, тогда почитатели Толстого вспомнили и о толстовскомъ „непротивленіи“ и сейчасъ же увидѣли всѣ, какъ утопично, какъ непригодно оказалось оно для жизни. Самъ Толстой также прекрасно успѣлъ доказать непригодность для жизни своего ученія. Судьба зло подсмѣялась надъ нимъ. За нѣсколько дней до празднованія маслितымъ писателемъ 55-ти-лѣтняго юбилея своей литературной дѣятельности, на графскій домъ сдѣлали вооруженное нападеніе злоумышленники. Сыномъ графа (Андр. Львов.) было заявлено о случившемся губернатору; а слѣдствіемъ заявленія было то, что въ Ясную Поляну прибылъ становой приставъ со стражниками и трое изъ деревенской молодежи были арестованы. Такимъ образомъ Толстому, всегда отрицавшему власть со всѣми ея функціями и глумившемуся надъ нею, пришлось самому искать спасенія у станового пристава. Это ли не иронія судьбы?! Или вотъ еще одинъ фактъ. Всѣмъ извѣстно, какъ досаждаютъ графу тѣ слѣпые почитатели его, привыкшіе вѣрить его искренности, которые просятъ у него матеріальной помощи. И что же? Толстой вынужденъ былъ въ печати засвидѣтельствовать о своемъ лицемеріи, о томъ, что онъ отрицаетъ только чужую собственность, а не свою, что ему самому принадлежащее имущество давно уже переведено имъ на имя жены и онъ, при всемъ своемъ желаніи, не можетъ помочь нуждающимся. Вообще можно сказать, что на Толстого привыкли за послѣднее время какъ то совсѣмъ не обращать вниманія, въ виду того обстоятельства, что между словомъ и дѣломъ у него очень рѣдко можно видѣть соотвѣтствіе: отрицая цивилизацію и культуру;

опъ, однако-же не опускаетъ случая пользоваться ихъ плодами; отрицая учительство въ христіанскомъ обществѣ, самъ учитъ; отрицая власть, обращается къ ней за помощью; проповѣдуя миръ, любовь и непротивленіе злу, всѣми силами борется съ церковною и гражданскою властію, и т. под. Восьмидесятилѣтній юбчлей графа, пережившаго свою міровую извѣстность, еще разъ собралъ около его имени нашу интеллигенцію, но, думается намъ, не столько его ученіемъ о „непротивленіи“, сколько общностию съ нимъ антицерковныхъ и антигосударственныхъ стремленій извѣстной части нашего общества. То, что есть оригинальнаго въ анархизмѣ Толстого, не находило никогда большого числа послѣдователей: его „непротивленскими“ взглядами увлекались отдѣльныя только единицы, да и тѣ обыкновенно высмѣивались самою жизнію...

Не нашедши въ Толстомъ того, что было нужно ему въ памятные годы „освободительнаго“ движенія, общество наше отказалось отъ пассивнаго анархизма и вступило на путь активной революціонной дѣятельности. Къ услугамъ его, неустойчиваго въ пониманіи жизненныхъ вопросовъ, а въ христіанскомъ ученіи о Церкви ничего не видящаго, кромѣ храмовъ и колоколенъ, явился социализмъ, поднявшій христіанскій флагъ, съ проповѣдію о всеобщемъ братствѣ, равенствѣ и свободѣ. Опасность новаго увлеченія заключалась въ томъ, что здѣсь діаволъ принялъ на себя образъ „ангела свѣтла“ и, взявши слова евангельскія, наполнилъ ихъ антихристіанскимъ содержаніемъ,—искусно подмѣнилъ Христово ученіе антихристовымъ и поставилъ русскій народъ на гибельный путь сатаны. Единое на потребу, Царствіе Божіе и правды его нами забыты; всепрощающая любовь къ ближнему, даже ко врагамъ, послушаніе старшимъ и законной власти, смиреніе, воздержаніе и другія христіанскія добродѣтели нами презираются и осмѣиваются. У Христовыхъ послѣдователей возбуждаются чувственные аппетиты, обѣщаютъ имъ рай и блаженство здѣсь на землѣ, вдали отъ Бога и безъ Бога; проповѣдію призрачной свободы дѣтей вооружаютъ противъ родителей, учащихся противъ наставниковъ, подданныхъ противъ правительственной власти. Ослѣпленные духовно, потерявшіе здравый смыслъ,

слуги діавола, съ оружіемъ въ рукахъ, огнемъ и мечемъ рачищаютъ жизненный путь, но только не ко всеобщему блаженству и счастью, которое не мыслимо безъ Бога, а послѣднему врагу Божію—Антихристу. Забыли мы, называющіе себя христіанами, съ дѣтскихъ лѣтъ знакомое намъ библейское повѣствованіе о райскомъ искусителѣ! Забыли призывной гласъ Спасителя нашего: „прійдите ко Мнѣ всѣ *трудящіеся и обремененные* и Я упокою васъ“... Забыли, что идти за Христомъ и подражать Ему—прямая обязанность каждаго христіанина.

Русскій народъ забылъ Христа, но не отказался еще совсѣмъ отъ Него. Не даромъ всѣ лжеучители прикрываются Его святымъ именемъ и выдаютъ себя за поборниковъ Его ученія. Не столько по расположенію ко злу, сколько по невѣдѣнію добра, онъ стоитъ на ложномъ и гибельномъ пути. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что безрелигіозное общество наше, многому наученное послѣдними годами нашей государственной жизни, если не все, то въ значительной части своей, отрезвилось отъ ольяненія соціалистическимъ ученіемъ, сознало пагубность его и ищетъ истиннаго пути Христова. Обязанность указать этотъ путь лежитъ на пастыряхъ и учителяхъ Христовой Церкви. Пользуясь настоящимъ случаемъ, мы беремъ на себя смѣлость, въ мѣру силъ и возможности, раскрыть тотъ путь жизни, который указываетъ человѣку и человѣческимъ обществамъ христіанская религія; а въ виду того важнаго значенія, какое имѣютъ въ дѣлѣ устроенія на землѣ царства Божія такіе факторы, какъ Церковь и государство, въ виду того также, что весьма многіе не знакомы съ христіанскимъ ученіемъ о Церкви и государствѣ и потому только дѣлаются легкой добычею лжеучителей, мы остановимъ на этихъ факторахъ и свое исключительное вниманіе.

Сущность всего христіанскаго религіознаго ученія сводится къ одной центральной идеѣ о царствѣ Божіемъ. Богъ есть единый истинный Царь, Самодержецъ и Вседержитель. Своею властію Онъ никому не обязанъ. Онъ владычествуетъ по праву Творца, потому что все въ мірѣ есть Его созданіе. Его царство—весь міръ разумныхъ и неразумныхъ существъ, свободныхъ и несвободныхъ, ангеловъ и людей. Всѣ законы, дѣй-

ствующіе во вселенной, служатъ выраженіемъ Его божественной воли. Премудрый Творецъ указываетъ всему въ тварномъ мірѣ опредѣленную цѣль жизни, и для достиженія этой цѣли каждая тварь должна подчиняться Его волѣ. Воля Божія является всѣхъ и все объединяющимъ центромъ. Какъ радіусы круга, идущіе отъ одного центра и направляющіеся къ своей точкѣ окружности, сколь бы много ихъ ни было, не могутъ перепутаться между собою, такъ точно и тварныя существа, управляемыя единою волею Божіею и подчиняющіеся ей, не могутъ придти въ столкновеніе другъ съ другомъ и, при всемъ своемъ разнообразіи, могутъ представлять изъ себя одно гармоническое цѣлое. Такъ должно было быть по мысли Творца, но не такъ случилось по свободному самоопредѣленію разумной твари. Въ то время какъ вся вѣщная природа неуклонно подчиняется своимъ законамъ, разумное Божіе твореніе, созданное свободнымъ, въ значительной части своей вышло изъ повиновенія Творцу. Многие изъ высшихъ духовъ, во главѣ съ Денницею, увлекаемые гордѣливымъ сознаніемъ своихъ совершенствъ, отвергли надъ собою власть Всевышняго и подвластію сатаны, ихъ объединившею, образовали свое собственное царство. Добрые ангелы, вѣрные слуги Божіи, „устоявшіе въ истинѣ“, ополчились на защиту царскихъ правъ своего законнаго Владыки противъ узурпатора и въ ангельскомъ мірѣ произошла недоступная нашему уясненію междуособная брань. Борьба эта окончилась пораженіемъ злыхъ духовъ и низверженіемъ ихъ въ преисподнюю. Побѣжденные и свергнутые съ неба, падшіе духи не пожелали, однако же, просить милости у прогнѣваннаго Творца. Мятежники рѣшили мститъ за свое пораженіе,—не въ открытой борьбѣ, а коварно, путемъ лжи и обмана; не безплотныхъ духовъ избрали они объектами своей злой дѣятельности, а новое твореніе Божіе, человѣка, облеченнаго плотію и проводившаго невинную и блаженную жизнь въ указанныхъ ему райскихъ обителяхъ. Возстановивши человѣка противъ Творца, сатана думаетъ не только отмстить Богу за свое пораженіе, но и увеличить силы своего собственного царства. И вотъ, принявши образъ змія, дьяволъ вступаетъ въ эдемъ и заводитъ здѣсь коварную рѣчь съ на-

шею прародительницей. Лукавая рѣчь змія рассчитанная на простоту и довѣрчивость нашихъ прародителей, кажется имъ доброжелательною. Заповѣдь Божія нарушается... Лыстящій чувственной природѣ плодъ сорванъ съ древа... и первые люди оказались за вратами рая, эгоистически настроенные, склонные къ чувственнымъ наслажденіямъ, порвавшіе узы взаимной любви... Міровая драма, завязавшаяся на небѣ, переносится, такимъ образомъ, на землю.

Сатана достигъ своей цѣли, увлекъ человѣка въ свое царство, поставилъ его на богопротивный путь жизни, сдѣлалъ его своимъ плѣнникомъ и рабомъ ¹⁾. Но діаволу было мало этого. Онъ хотѣлъ сдѣлать изъ человѣка не раба, а союзника своего, добровольнаго исполнителя своихъ велѣній. Вотъ какая опасность стала угрожать человѣку: онъ можетъ сдѣлаться свободнымъ гражданиномъ въ царствѣ діавола и такимъ образомъ окончательно погубить себя для царства Божія!—Богъ и небесные Его служители не могли оставить человѣка безъ своей помощи: Богъ поддерживаетъ въ человѣкѣ сознаніе имъ своей грѣховности и желаніе освободиться отъ рабства діаволу, а діаволъ и его клеветы стараются сроднить человѣка съ грѣхомъ, заставить его позабыть Бога и полюбить зло. Конечная участь человѣка зависитъ отъ того, что полюбитъ онъ здѣсь и куда склонится его свободная воля.

Неизбѣжною для человѣка въ здѣшней жизни является борьба со зломъ. „Вражду положу, сказалъ Богъ, послѣ грѣхопаденія человѣка, змію, между тобою, и между женою, и между сѣменемъ твоимъ, и между сѣменемъ тоя“. (Быт. III, 15). Богъ предрекаетъ этими словами, что въ потомствѣ Адама и Евы неизбѣжна будетъ борьба между человѣкомъ и діаволомъ, и въ самихъ людяхъ—между вѣрными служителями Божиими и слугами діавола, между тѣми, которые желаютъ идти по пути послушанія волѣ Божіей, и между тѣми, которые идутъ по пути своеволія и противленія. И дѣйствительно, вся человѣ-

---

¹⁾ Плѣнникомъ потому, что человѣкъ, взятый изъ царства Божіа путемъ обмана, желалъ быть вѣрнымъ своему прежнему Владыкѣ—Богу; нарушая потомъ волю Божію, хотя и служилъ чрезъ это діаволу, однако дѣлалъ это вопреки желаніямъ своей разумной природы.

ческая исторія, отъ древнѣйшихъ временъ и до-нынѣ, представляетъ собою исполненіе этого пророчества. Христосъ порази́лъ змія въ главу, но и послѣ этого царствіе Божіе беретъ съ большими усиліями и только борющіеся съ грѣхомъ, при содѣйствіи божественной благодати, достигаютъ его...

Завершительнымъ актомъ міровой драмы будетъ, по свидѣтельству слова Божія, пришествіе Антихриста, послѣдняго, самаго сильнаго и самаго страшнаго врага Христова. Онъ явится тогда, когда и добро и зло достигнутъ на землѣ крайняго своего развитія, когда созрѣютъ пшеница и плевелы и настанетъ время жатвы. Избранникъ сатаны, въ противоположность Христу, будетъ проявлять необыкновенную гордость, совмѣститъ въ своемъ лицѣ все то, что является обольстительнымъ для грѣшнаго человѣка и будетъ проповѣдывать столь же обольстительное ученіе. Многіе соблазнятся въ тѣ дни и поклонятся ему, какъ Богу; но прежде всѣхъ поклонятся ему тѣ, которые отвергли Христа. Такимъ образомъ исполнятся слова Спасителя, сказанныя невѣрующимъ іудеямъ: „Я пришелъ во имя Отца Моего, и вы не приняли Меня; иной придетъ во имя свое, того вы примете“. Три съ половиною года продолжится царствованіе врага Христова. Затѣмъ вторично пришедшій Богочеловѣкъ, Судія живыхъ и мертвыхъ, „убіетъ Антихриста духомъ устъ своихъ, и упразднитъ его явленіемъ пришествія своего“ (2 Сол. 2, 8). Вѣрные слуги діавола раздѣлятъ участь сатаны; а вѣрные слуги Божіи будутъ радостно привѣтствовать пришествіе на землю своего Небеснаго царя. Христосъ, добровольно подчинившійся Своему Небесному Отцу и вслѣдствіе этого получившій „всякую власть на небѣ и на землѣ“ передастъ въ руки Бога Отца тѣхъ, которые добровольно „подчинились Ему“, и тогда будетъ Богъ „всяческая во всѣхъ“,—всѣми и всегда добровольно и радостно будетъ выполняться воля Божія. Тогда наступитъ вѣчное царство Небеснаго Владыки и нескончаемое блаженство праведниковъ; тогда не будетъ грѣха въ мірѣ, не будетъ и того зла, которое произошло отъ грѣха; тогда люди раскуютъ мечи на орала и будутъ вмѣстѣ пастись волкъ и агненокъ, тогда не будетъ вражды и озлобленія, потому что не будетъ эгоистиче-

ски настроенныхъ личностей. Всѣ соединятся единою волею Божіею и взаимною любовію и „будетъ едино стадо и единъ пастырь“. Царство сатаны окончится, небо и земля обновятся посредствомъ огня и явится „святый городъ Іерусалимъ, новый, сходящій отъ Бога съ неба, приготовленный какъ певѣста, украшенная для мужа своего“ (Апокал. XXI, 2).

Вотъ что говоритъ христіанская религія о томъ, что было, есть и будетъ. Въ ученіи этомъ заключается много „соблазнительнаго для іудея и безумнаго для эллина“, много въ немъ тайнъ, непостижимыхъ для человѣка, а потому и отвергаемыхъ тѣми, которые не желаютъ смирить своего гордаго разума. Такова, на примѣръ, тайна паденія высшихъ духовъ, непостижимая для насъ и объясняемая только измѣнчивостію нравственной природы разумной твари. Таковы и другія тайны. Однако, тайны эти, при всей ихъ непостижимости, проливаютъ яркій свѣтъ на земную жизнь человѣка и даютъ отвѣтъ на такіе вопросы, которые всегда занимали собою человѣческій умъ. Они говорятъ намъ о томъ, что въ настоящемъ своемъ состояніи человѣкъ—существо падшее, грѣховное, что онъ всталъ на гибельный путь жизни свободно, нарушивши заповѣдь Божію и оказавши предпочтеніе чувственному благу предъ духовнымъ; что, вслѣдствіе непослушанія человѣка Богу, вышла изъ повиновенія человѣку его собственная чувственная природа и природа внѣшняя и произошло разстройство въ прекрасномъ Божіемъ созданіи; они говорятъ также о томъ, что человѣкъ, свободно согрѣшившій, долженъ свободно и отказаться отъ грѣха, остановиться на томъ грѣшномъ пути, который ведетъ его отъ Бога, побороть эгоизмъ во всѣхъ его обнаруженіяхъ и возвратиться на путь послушанія волѣ Божіей.

Все это такія удобопонятныя истины, которыя пріемлемы не только для вѣрующаго христіанина, но и для всякаго не предубѣжденнаго противъ христіанской догматики человѣка. Только тотъ, кто не вѣруетъ въ бытіе Бога, всемогущей и разумной причины всего существующаго; кто не признаетъ разумнаго назначенія человѣка и вѣчнаго существованія его за гробомъ, для котораго существуетъ только чувственный міръ съ его

благами только такой человекъ можетъ отрицать раскрытое христіанствомъ міропониманіе. И такъ, *добровольное послушаніе воли Божіей—вотъ единственный путь, которымъ должно идти чтобы достигнуть царствія Божія.*

Но откуда мы можемъ узнать волю Божію? Вотъ новый вопросъ, который естественно возникаетъ у васъ послѣ сказаннаго. Отвѣтъ на этотъ вопросъ дается не одинаковый. Признающіе бытіе Божіе, но отрицающіе непосредственное участіе Бога въ міровой исторіи и судьбахъ человека, думаютъ расположить и устроить жизнь по Божіему при свѣтѣ разума и совѣсти. Они признаютъ только естественный нравственный законъ, положенный Богомъ въ природу человека, и отрицаютъ законъ сверхъестественный, откровенный.—Православный христіанинъ не можетъ принять такого взгляда. Если бы справедливо было вышеуказанное мнѣніе, то единая воля Божія всѣми и познавалась бы одинаково, и совѣсть отдѣльныхъ личностей и цѣлыхъ народовъ была бы тождественна въ нравственной оцѣнкѣ человѣческихъ дѣйствій. На самомъ дѣлѣ этого нѣтъ, и очень легко убѣдиться въ этомъ. Даже такіе факты, какъ убійство, грабежъ, непочтительное отношеніе дѣтей къ родителямъ и младшихъ къ старшимъ, относительно которыхъ, повидимому, не могло и не можетъ быть различныхъ мнѣній, въ настоящее время стали оцѣниваться совѣстью отдѣльныхъ личностей и, такъ называемою, общественною совѣстію, неодинаково до противоположности. Находятся люди, и ихъ у насъ не мало, которые самыя тяжкія преступленія противъ жизни и собственности ближняго возводятъ на степень высокаго подвига, а въ наказаніи законною властію преступника усматриваютъ проявленіе злой воли. И многіе думаютъ такъ совершенно искренно. Попробуйте разубѣдить ихъ, апеллируя къ ихъ совѣсти! Совѣсть могла быть надежнымъ показателемъ воли Божіей только до грѣхопаденія человека, до извращенія его духовной природы, а для заблудившагося во грѣхѣ человека явилась нужда въ болѣе опредѣленномъ и объективномъ показателѣ воли Божіей, въ положительномъ нравственномъ законѣ. И мы вѣруемъ, что Богъ далъ такой законъ людямъ, сначала чрезъ Моисея, несовершенный, въ

виду духовнаго младенчества того народа, которому онъ былъ данъ, а потомъ — чрезъ Христа, полный и совершенный, восполнившій законъ ветхозавѣтный, а не упразднившій его, предложенный всѣмъ, людямъ и на всѣ времена. Желаящій узнать волю Божию пусть обращается къ ученію Господа нашего и Его святыхъ апостоловъ. Но для правильнаго пониманія ученія этого онъ нуждается въ надежномъ руководителѣ. Дѣло въ томъ, что Божественный основатель религіи христіанской не далъ Своимъ послѣдователямъ цѣлой системы правилъ, которая бы опредѣляла каждый шагъ человѣка и предписывала ему, какъ онъ долженъ поступать въ такомъ или иномъ случаѣ жизни; Онъ указалъ только идеаль нравственнаго совершенства въ Богѣ и раскрывалъ одно только начало, руководящее человѣка въ его нравственной дѣятельности — любовь. А между тѣмъ одна и та же христіанская любовь въ различныхъ состояніяхъ и положеніяхъ человѣка можетъ и должна проявляться крайне разнообразно. Развѣ одинаково обнаруживаютъ свою любовь: воинъ, жертвующій своею жизнію за отечество? Пастырь церкви, воспитывающій своихъ духовныхъ чадъ? Врачъ, облегчающій страданія больного? Судья, ограждающій общество отъ преступниковъ, и т. д.? Даже въ одномъ и томъ же состояніи любовь обнаруживается далеко не одинаково, и далеко не всегда по христіански. Не любовь ли къ меньшему и обездоленному брату заставляетъ многихъ безумцевъ идти на преступленіе, а затѣмъ и на смертную казнь? Не любовь ли родителей къ своимъ дѣтямъ, иногда глупая и безразсудная, портитъ послѣднихъ нравственно, укрѣпляя въ нихъ дурныя привычки и склонности? Для того чтобы любить ближняго христіанскою любовію, нужно предварительно любить себя самого любовію истинною и разумною, а это дѣло далеко не простое и легкое. Простота и непосредственная убѣдительность истинныхъ моральныхъ оказываетъ не болѣе какъ фикцію. На вопросы, какъ жить по христіански, гораздо труднѣе отвѣтить, чѣмъ на вопросы, какъ вѣровать по христіански. Отсюда — нужда въ постоянномъ учительствѣ и руководствѣ, ничѣмъ не устранимая и въ новозавѣтную эпоху: нужны такія лица, которыя бы толковали

и раскрывали волю Божию и Христово учение, и притомъ такія, въ правахъ которыхъ на учительство и въ истинности ученія которыхъ мы были бы убѣждены. I. Христосъ Самъ призналъ такую необходимость и потому избралъ изъ своихъ учениковъ двѣнадцати, которымъ и даровалъ особня права и полномочія въ обществѣ своихъ послѣдователей. „Какъ послалъ Меня Отецъ, сказалъ Онъ имъ, такъ и я посылаю васъ... Идите и научите всѣ языки“... А давши имъ обѣщаніе пребывать съ ними до скончанія вѣка, тѣмъ самымъ показалъ, что и дѣло учительства необходимо „во вся дни до скончанія вѣка“. Предоставляемъ темерь судить вамъ, м. г. г., насколько справедливо мнѣніе Толстого, выдаваемое имъ за непогрѣшимую истину, о самозванномъ учительствѣ церковной іерархіи и о тѣхъ низкихъ мотивахъ, которые будто бы заставляютъ служителей Христовыхъ выступать въ этой роли... Мы не станемъ говорить теперь о той непогрѣшимости, которая гарантирована основанной Христомъ Церкви невидимымъ присутвіемъ въ ней и руководствомъ ею Христа: это далеко увело бы насъ въ сторону отъ прямой нашей задачи. Мы укажемъ только тотъ путь, по которому христіанинъ долженъ идти въ отысканіи религіозной истины и познаній воли Божіей.—Давши апостоламъ, а въ лицѣ ихъ и имъ преемникамъ, высшее право учительства, I. Христосъ обязалъ всѣхъ вѣрующихъ слушаться ихъ ученія: „Слушающій васъ, сказалъ Онъ апостоламъ, Меня слушаетъ; и отметающійся васъ, Меня отчается; отметающійся же Меня, отчается пославшаго Меня“ (Лк. X, 16). Верховнымъ Пастыремъ и Учителемъ въ Церкви является, такимъ образомъ, Самъ Христосъ, возвѣстившій людямъ волю Божию и во всей полнотѣ выполнившій ее Самъ; за Христомъ слѣдуютъ св. апостолы, провозвѣстники и толкователи Его ученія. Имъ Самимъ поставленные на дѣло учительства; за апостолами идутъ епископы и пресвитеры, получившіе чрезъ нихъ благодать, необходимую для пастырскаго служенія. Каждый мірянинъ долженъ внимать ученію своего пресвитера, пресвитеръ—епископа, епископъ—собора епископовъ—синода; заблужденія и ошибки пресвитера исправляются епископомъ, епископа—синодомъ, синода—голосомъ

вселенской Церкви; вообще—низшая іерархическая инстанція: находятъ для себя руководящія указанія въ высшей, и всѣ вообще христіане—въ ученіи вселенской Церкви, которой обѣщана Господомъ непогрѣшимость. Итакъ, основанная Христомъ Церковь является въ лицѣ предстоятелей ея надежною хранилищею Христовой истины, верховною учительницею христіанина и непогрѣшимой руководительницею его на жизненномъ пути.

Но этимъ значеніе ея далеко не исчерпывается. Не достаточно знать, въ чемъ заключается „воля Божія благая и совершенная“, необходимо имѣть еще и силы, потребныя для жизни истинно христіанской и для успѣшной борьбы съ многоразличными врагами нашего спасенія. А силъ то, достаточныхъ для этого, въ надломленной грѣхомъ природѣ человѣка и не имѣется. И слово Божіе, и жизненный опытъ одинаково свидѣльствуютъ объ этомъ. Слово Божіе говоритъ намъ: „если скажемъ, что не имѣемъ грѣха, себя прельщаемъ и истинны не сѣмъ въ насъ“, а жизненный опытъ показываетъ, что самые лучшіе учителя и воспитатели не могутъ дать обществу святого человѣка. Св. Церковь является духовною Матерію и воспитательницею человѣка: она возрождаетъ благодатію Св. Духа, въ ней обитающею, природу грѣшнаго человѣка и даетъ ему силы и средства для борьбы съ тѣми соблазнами грѣшнаго міра и плоти, которые постоянно преслѣдуютъ человѣка. Въ Церкви же положено Христомъ начало тому объединенію всѣхъ подъ Своею главою, о которомъ молился Онъ своему небесному Отцу. Разрозненное эгоизмомъ человѣчество Онъ объединилъ здѣсь любовію такъ тѣсно, какъ тѣсно объединяются различные члены человѣка въ живомъ человѣческомъ тѣлѣ. Здѣсь есть и глаза, и очи, и руки...; и всѣ они, каждый на своемъ мѣстѣ, должны выполнять указанное имъ служеніе. Какъ человѣческое тѣло, уже при самомъ рожденіи человѣка, представляетъ собою вполне сформированный организмъ, который можетъ только расти и развиваться, такъ точно и тѣло Церкви Христовой: жизненный законъ и формы этого тѣла постоянны и неизмѣнны; но само оно растетъ и развивается и въ цѣломъ и въ частяхъ своихъ. Церковь—зданіе, домъ

Божій, созидаемый изъ живыхъ камней,—человѣческихъ душъ; на основаніи апостоловъ и пророковъ, этихъ первыхъ камней, положенныхъ въ основаніе божественнаго домостроительства. Планъ и формы зданія даны архитекторомъ при самомъ основаніи Церкви, но постройка продолжается и нынѣ; вершины своей это зданіе Божіе достигнетъ только тогда, когда Церковь достигнетъ предъуказанной ей полноты и человѣчество войдетъ въ совершенное единеніе съ Божествомъ. Члены Церкви Христовой—Божіи воины, сражающіеся здѣсь съ слугами діавола...

Ни одно войско не пожелаетъ имѣть въ своей средѣ измѣнника и предателя; ни одно общество и учрежденіе человѣческое, если оно уважаетъ себя, не согласится имѣть своимъ членомъ того, кто отрицаетъ это общество и смѣется надъ нимъ; ни одна любящая и благоразумная мать не позволитъ стороннему человѣку, по недоразумѣнію или со злымъ умысломъ проникшему въ ея семейство, развращать дѣтей своихъ и вооружать ихъ противъ своихъ родителей. Съ этимъ, думаемъ мы, согласится всякій. Судите же сами, какъ должна поступать Церковь, когда въ средѣ ея окажутся измѣнники, предатели, развратители человѣческихъ душъ, члены мертвые и опасные для здоровья всего организма. Какъ любящая мать, заботящаяся о своихъ чадахъ, Церковь должна въ такихъ случаяхъ во всеуслышаніе предупредить своихъ дѣтей о той опасности, которая имъ угрожаетъ отъ лжеучителей; а высшая церковная власть, по праву „судить и вязать“, полученному ею отъ Господа, должна отсѣчь эти мертвые и опасные для организма члены... Вѣдь признаютъ же необходимымъ въ извѣстныхъ случаяхъ отсѣченіе (ампутацію) и врачи тѣлесные? Не въ правѣ ли была, не долгомъ ли своимъ считала и русская православная церковь удалить отъ церковнаго общенія яснополянскаго лжеучителя, который самъ всѣми силами своей души отрицаетъ Христову Церковь и за послѣднія десятилѣтія своей жизни является едва ли не самымъ опаснымъ ея врагомъ. Церковь никому не мститъ, никого не караетъ этимъ актомъ и совершаетъ его съ великою скорбію. Ея материнскія объятія всегда открыты для того блуднаго сына, который

раскается и пожелаетъ возвратиться въ покинутый имъ родительскій домъ. А между тѣмъ многіе публицисты наши ничега не увидѣли ни въ церковномъ анаематствованіи, ни въ горячихъ обличительныхъ рѣчахъ русскихъ іерарховъ, направленныхъ противъ Толстого, кромѣ перебранки и сведенія чуть ли не личныхъ счетовъ... Вотъ до какой степени мы мало-свѣдуши въ вопросахъ, касающихся Церкви и церковной жизни.

Въ виду того, что дѣло созиданія дома Божія требуетъ неустанной борьбы со зломъ и нравственныхъ подвиговъ, земная церковь представляется въ словѣ Божіемъ и въ святоотеческой письменности воинствующею организаціею. Въ наше время, можетъ быть болѣе чѣмъ когда нибудь прежде, нужна общая мобилизація всѣхъ Христовыхъ воиновъ, въ виду сильнаго врага, угрожающаго всему христіанскому міру.

Въ наше время достигло особенно широкаго развитія то міросозерцаніе, которое земную мамону и чувственное наслажденіе ставитъ чуть ли не единственною цѣлію жизни человека, а небо и небесное предоставляетъ „ангеламъ и воробьямъ“. Много сторонниковъ находитъ такое міросозерцаніе и между послѣдователями Христовыми, которые только по имени являются христіанами; но самымъ рѣшительнымъ и непримиримымъ врагомъ христіанства является воинствующее іудейство. Потерявши вѣру отцовъ своихъ, осмѣявши преданія старцевъ, интеллигентные іудеи не отказались однако же отъ своего великаго національнаго самоопѣнія и отъ искаженной мессіанской идеи, (мысли о мировомъ владычествѣ еврейскаго народа), и дружно дѣйствуютъ въ дѣлѣ осуществленія этой идеи. Въ настоящее время эта завѣтная мечта ихъ близка къ своему осуществленію. Со времени великой французской революціи, когда французское правительство отказалось служить дѣлу Христову на землѣ, политическое положеніе ихъ, по сравненію съ прежнимъ временемъ, измѣнилось до неузнаваемости. Капиталь, пресса и участіе въ политическихъ парламентахъ являются въ ихъ рукахъ такимъ могущественнымъ средствомъ, которое дѣлаетъ ихъ дѣйствительными хозяевами во многихъ западно-европейскихъ государствахъ... Но намъ

страшна еще болѣе нравственная зависимость отъ евреевъ. Невѣрующіе іудеи и христіанскіе народы, проникнутые одинаковыми съ ними взглядами, представляютъ весьма удобную почву для произрастанія сѣмени змія и появленія послѣдняго врага Христова. Побѣда ихъ есть торжество антихристіанскихъ идей, торжество самого антихриста, и мы не можемъ и не должны допускать этого торжества. Первые стрѣлы свои враги христіанства пускаютъ въ предстоятелей Христовой Церкви, естественныхъ предводителей и военачальниковъ въ Христовой рати, стараясь повергнуть ихъ совсѣмъ и произвести деморализацію въ рядахъ ихъ воиновъ. Сколько клеветы, сколько злобы и ненависти изливала и изливаетъ іудействующая печать наша на достойнѣйшихъ предстоятелей русской церкви, „право правящихъ слово Христовой истины“ и неусыпно охраняющихъ Христово стадо!? Сколько лести говорилось, сколько заманчивыхъ обѣщаній давалось рядовымъ воинамъ Христовымъ, для того только, чтобы заставить ихъ измѣнить Христу и перейти на сторону враговъ Божіихъ?! И все это дѣлается очень искусно, съ видомъ полнаго и совершеннаго доброжелательства, подъ знаменемъ свободы и во имя любви!...

Вспомните, христовы послѣдователи, библейское повѣствованіе о райскомъ искустителѣ! Не являлся ли онъ прародителямъ нашимъ въ раю подъ видомъ доброжелателя ихъ? Не желалъ ли показать имъ себя добрѣе Бога? Не обольщалъ ли ихъ призракомъ свободы и независимости отъ Творца? Не вооружалъ ли ихъ противъ самого Бога? И что же получили они, вставши на тотъ гибельный путь, который указывалъ имъ искуститель?! Вспомните, что и божественный Искупитель нашъ подвергался искушеніямъ отъ діавола. Но отвергъ алчущій Спаситель нашъ тѣ хлѣбы, которые предлагалъ Ему діаволь; презрѣлъ богатство, славу и достоинства царскіе; всѣмъ благамъ земнымъ предпочелъ Онъ крестъ смиренія и послушанія Божіей волѣ.. И отогналъ отъ Себя посрамленнаго искустителя; поразилъ въ главу исконнаго челоуѣкоубійцу.

Истинные послѣдователи Христовы не могутъ пассивно относиться къ той опасности, которая угрожаетъ христіанскому міру и должны дружно, съ крѣпкою вѣрою въ свое святое

дѣло, подъ знаменемъ Христовой Церкви, выступить на борьбу со зломъ,—не мечемъ, не огнемъ, не физическимъ насиліемъ, а вѣрностію заповѣтамъ и заповѣдямъ Христовымъ, тѣмъ духовнымъ оружіемъ, которымъ христіанство побѣдило уже разъязычскій міръ. Нынѣ въ виду сильнаго натиска со стороны враговъ христовыхъ особенно потребны внутренній миръ и согласіе среди христіанъ разныхъ исповѣданій, то соединеніе святыхъ Божіихъ церквей, о которомъ возноситъ постоянныя моленія православная церковь.

II.

Если бы вѣрующій христіанинъ былъ только членъ Христовой Церкви и имѣлъ надъ собою одну только власть духовную, то сказаннаго нами было бы, можетъ быть, вполне достаточно для него; но на ряду съ духовною властію въ христіанскомъ обществѣ существуетъ еще власть гражданская и, будучи членомъ Церкви, каждый христіанинъ является еще и членомъ государства. Этимъ двоевластіемъ значительно запутывается вопросъ объ обязанностяхъ христіанина, тѣмъ болѣе, что требованія государственной власти весьма часто кажутся несовмѣстимыми съ требованіями той совершенной любви, которая, по заповѣди Христа, должна составлять характерную особенность истиннаго Его послѣдователя. Вслѣдствіе этого для весьма многихъ христіанъ совмѣстное существованіе церкви и государства представляется немислимымъ; а отсюда—или полное отрицаніе государства со всѣми его функціями, или желаніе совершеннаго отдѣленія церкви отъ государства. Мы не исчерпали бы предмета своей рѣчи, если бы не раскрыли христіанскаго ученія о государствѣ и не помогли разобратъся здѣсь въ разнаго рода недоумѣніяхъ.

Непримѣримый врагъ Церкви—Толстой является такимъ же непримѣримымъ противникомъ и государства; отрицая Церковь, онъ отрицаетъ и государство, во имя той свободы духа, которая будто бы не можетъ имѣть мѣста при наличности насильственно дѣйствующей человѣческой власти. Поэтому, при раскрытіи христіанскаго ученія о государствѣ, нельзя не остановиться на его взглядахъ.

Толстой является однимъ изъ усерднѣйшихъ проповѣдниковъ свободы, не тѣхъ свободъ, которыя навязываются русскому народу нашими „освободителями“, въ громадномъ большинствѣ случаевъ совершенно не имѣющими понятія о единой истинной свободѣ, а свободы истиной, (поскольку она мыслима и возможна для человѣка съ пантеистическими религіозными воззрѣніями), и въ этомъ его безспорное превосходство предъ тѣми лжесловесниками. „То, что люди нашего времени, пишетъ Толстой, толкуютъ о какихъ то отдѣльныхъ свободахъ: свободѣ слова, печати, совѣсти, свободѣ такихъ, а не иныхъ выборовъ, свободѣ сходокъ, союзовъ, труда и о многихъ другихъ,—очевидно показываетъ, что такіе люди,—какъ теперь наши революціонеры,—имѣютъ очень превратное понятіе или вовсе не имѣютъ понятія о свободѣ вообще, о той простой, понятной всѣмъ свободѣ, которая состоитъ въ томъ, что надъ человѣкомъ нѣтъ такой власти, которая требуетъ отъ него поступковъ, противныхъ его желаніямъ и выгодамъ. Желать же человѣкъ долженъ того, что разумно и ободряется совѣстію, что согласно съ волею Божіею, а именно: любовной и согласной со всѣми жизни. Свободенъ можетъ быть только человѣкъ, цѣлью своей ставящій исполненіе высшаго, общаго всему человѣчеству закона для котораго не можетъ быть препятствій“. Подчиненіе волѣ Божіей, по совершенно справедливой мысли Толстого, не лишаетъ человѣка свободы, напротивъ, оно то и сообщаетъ ему истинную свободу. „Пока будетъ государство и пужное для его поддержанія насиліе, говорятъ онъ далѣе, въ какой бы то ни было формѣ, не будетъ, не можетъ быть свободы, настоящей свободы, того, что всегда всѣ люди понимали и понимаютъ подъ этимъ словомъ. Какое бы ни было государственное устройство, оно одинаково основано на насиліи. Люди, стремящіеся сдѣлать въ Россіи политическую революцію, стремятся только къ тому, чтобы перемѣнить одну форму насилія на другую, точно также осуществляемую насиліемъ и несущую съ собою тѣже бѣдствія, какъ и тѣ, которыя теперь терпитъ русскій народъ. Выхода изъ такихъ разсужденій Толстой ставитъ конституціонное государство не только не выше, а еще гораздо ниже самаго деспо-

тического. Въ послѣднемъ человѣкъ невольно *подчиняется насилію*, въ конституціонномъ же *самъ себя дѣлаетъ рабомъ*... Дѣйствія и распоряженія правительства такихъ мнимо самоуправляющихся народовъ, обусловливаемые сложной борьбой партій и интригъ, борьбы честолюбія и корыстолюбія, такъ же мало зависятъ отъ воли и желаній всего народа, какъ и дѣйствія и распоряженія самыхъ деспотическихъ правительствъ. Желаящіе конституціоннаго государственнаго устройства подобны заключеннымъ въ тюрьмахъ, воображающихъ, что они свободны, если имѣютъ право подавать голосъ при выборѣ тюремщиковъ для внутреннихъ хозяйственныхъ распоряженій тюрьмы. А социалистическое устройство, о которомъ мечтаетъ большинство революціонеровъ, можетъ быть достигнуто только самымъ жестокимъ насиліемъ, и если бы когда нибудь и было достигнуто; лишило бы людей и послѣднихъ остатковъ свободы. Не мнимая, а дѣйствительная свобода достигается не баррикадами, не убійствами, не какимъ бы то ни было новымъ, вводимымъ насиліемъ учрежденіемъ, а только прекращеніемъ повиновенія какимъ бы то ни было человѣческимъ властямъ. Вотъ основныя мысли Толстого о государствѣ и о различныхъ формахъ государственнаго устройства.—Повторяемъ, что пониманіе Толстымъ свободы на нашъ взглядъ гораздо выше и глубже тѣхъ разнотолковъ, которые можно встрѣтить въ освободительныхъ брошюрахъ: дѣйствительно свободнымъ и съ христіанской точки зрѣнія слѣдуетъ признать только того, кто подчиняется волѣ Божіей и притомъ добровольно. Нельзя было бы признать и разсужденій Толстого о государствѣ и объ отношеніи христіанина къ государству убѣдительными, если бы государство съ его функціями было учрежденіемъ антихристіанскимъ и воля человѣческой власти была противна волѣ божественной. Но съ этимъ то именно и нельзя согласиться, и прежде всего нельзя назвать государство явленіемъ антихристіанскимъ.

Христіанская религія заставляеть насъ смотрѣть на государство, какъ на благо, хотя благо условное и относительное; она не признаетъ государства изначальнымъ явленіемъ въ жизни человѣчества, но въ настоящемъ, грѣховномъ состояніи

человѣчества считаетъ его учрежденіемъ необходимымъ и богоугоднымъ.

Мы уже знаемъ, что всѣ люди, по мысли Творца, должны представлять собою единый организмъ, члены котораго должны соединяться взаимною любовію и единствомъ божественной воли. Никакому насилію не могло быть здѣсь мѣста ни со стороны Бога, даровавшаго человѣку свободу, ни, тѣмъ болѣе, со стороны другого человѣка; не было мѣста здѣсь ни рабамъ, ни господамъ; нечего было дѣлать здѣсь человѣческимъ судамъ, потому что не было здѣсь никакихъ преступленій и неправды; некого было наказывать, потому что не было преступниковъ; не съ кѣмъ было воевать, потому что не было совсѣмъ враговъ. Каждый смотрѣлъ на ближняго, какъ на восполненіе своего собственнаго „я“; радость общая была радостію каждаго отдѣльнаго лица, достояніемъ всѣхъ. Такимъ должно было быть челоуѣчество по идеѣ Создателя, но не такимъ оказывается оно на самомъ дѣлѣ, послѣ перваго уже райскаго грѣхопаченія. Какъ только человѣкъ вступилъ на путь противленія волѣ Божіей, обособился и сталъ управляться эгоистическими влеченіями своей чувственной природы, онъ совершенно естественно пришелъ въ столкновеніе съ другими эгоистически настроенными личностями. Единство по природѣ, происхожденію и конечной цѣли бытія было разумнымъ существомъ забыто: грѣшный человѣкъ сталъ смотрѣть на другого не какъ на своего единокровнаго брата, имѣющаго одного общаго съ нимъ Отца и одинакое высшее назначеніе, а какъ на естественнаго конкуррента и противника на жизненомъ пути, простиравшаго свои руки къ тому же суетному благу, къ которому устремлялся и онъ самъ. Такимъ образомъ явились на землѣ зависть и недоброжелательство, легшія въ основу взаимнаго отношенія грѣшныхъ людей, со всѣми пагубными для челоуѣчества послѣдствіями. Братоубійство Каина, отмѣченное Библіею, показываетъ, каковы были взаимныя отношенія отдѣльныхъ личностей даже въ одномъ семействѣ и притомъ такомъ, въ которомъ совершенно живы были память о Богѣ и о блаженной райской жизни. Что же должна была представлять собою жизнь челоуѣчества болѣе или менѣе удаленнаго

отъ той эпохи, успѣвшаго совершенно осуетиться въ помышленіяхъ своихъ и въ погонѣ за чувственными благами совершенно забыть истиннаго Бога?.. Никто не могъ быть увѣренъ ни въ неприкосновенности своей собственной личности, ни въ цѣлости своего имущества. Люди сами должны были придти къ мысли о необходимости обуздать грѣховный произволъ личности, въ интересахъ каждаго индивидуума въ отдѣльности и цѣлыхъ человѣческихъ обществъ, должны были позаботиться о выработкѣ опредѣленныхъ законовъ и правилъ, обязательныхъ для каждаго члена общества, должны были избрать изъ своей среды блюстителей этихъ законовъ и сообщить имъ исключительныя права и полномочія. Таково происхожденіе правильно организованныхъ человѣческихъ обществъ, гражданскихъ законовъ и властей. Никто и никогда изъ здравомыслящихъ людей не сомнѣвался въ необходимости человѣческой власти и не отрицалъ ея во имя религіи; осуждались и осуждаются только дурные законы и злоупотребленія властію. Нужно имѣть слишкомъ оптимистическій взглядъ на жизнь и совершенно закрыть глаза на ненормальности и уродливости ея, чтобы можно было ожидать улучшенія жизни общественной отъ упраздненія человѣческихъ законовъ и властей со всѣми ихъ функціями. Производить опытъ пассивнаго противленія властямъ, который рекомендуется Толстымъ, слишкомъ рискованно и едва ли когданибудь человѣчество не только въ цѣломъ, но и въ частяхъ своихъ, послѣдуетъ ученію яснополянскаго моралиста.

Толстой отрицаетъ человѣческую власть во имя Божіе. Справедливо ли это? Можно ли въ словахъ божественнаго откровенія найти хотя какіянибудь основанія для его анархическихъ взглядовъ?—Рѣшительно никакихъ. Не только ветхозавѣтное ученіе, но и новозавѣтное даютъ высшую санкцію законной власти и признаютъ ее благомъ для грѣшныхъ человѣческихъ обществъ. Богъ любви, заповѣдавшій не только новозавѣтному человѣчеству, но еще и ветхозавѣтному, любить ближняго своего, какъ самого себя, является вмѣстѣ съ тѣмъ и Богомъ справедливаго возмездія. Когда Каинъ высказалъ опасеніе, что всякій встрѣчный можетъ убить его, Богъ сказалъ

ему: „не тако: всякъ, убивый Каина, седмижды отмститися“ (Быт. IV, 14, 15). Послѣ потопа Богъ подѣ угрозой смертной казни запрещаетъ пролитіе человѣческой крови (Быт. IX, 6). Богъ не только самъ называетъ преступниковъ чрезъ избранниковъ своихъ (напримѣръ—Моисея)¹⁾, но даетъ свое согласіе и на избраніе народомъ еврейскимъ себѣ царя, подобнаго царямъ другихъ народовъ, съ тѣмъ только, чтобы онъ помнилъ законъ Божій и ходилъ по заповѣдямъ Господнимъ. „Поставляя поставь надъ собою царя, котораго избиреть тебѣ Иегова, Богъ твой“ (Втор. XVII, 14—20).

Божественный Наставникъ нашъ, І. Христосъ, заповѣдая воздавать кесарево-кесарю, т. е. уважать власть кесаря и добросовѣстно выполнять по отношенію къ Нему свои обязанности, торжественно призналъ на судѣ предъ Пилатомъ, что власть судить и наказывать преступниковъ, на которую указывалъ правитель Іудеи, „дана ему свыше“, отъ самого Бога. Св. апостоль Христовъ Павелъ подробнѣе другихъ апостоловъ раскрываетъ интересующій насъ вопросъ и не оставляетъ даже тѣни сомнѣнія въ богоучрежденности царской власти. Законная человѣческая власть служитъ однимъ изъ орудій божественнаго міроуправленія—вотъ основная мысль Апостола. Нѣсть власти, которая была бы не отъ Бога... (Рим. XIII). Поэтому противящійся власти противится Божію повелѣнію. Для того чтобы отвергать послѣ этихъ свидѣтельствъ божественное происхожденіе царской власти, необходимо отвергнуть богопросвѣщенность апостоловъ и богодуховенность ихъ писаній. Такъ обыкновенно и поступаютъ Толстой, да и другіе анархисты, думающіе найти оправданіе для своихъ анархическихъ идей въ ученіи Христовомъ. Не теорію свою они строятъ на цѣлостномъ христіанскомъ міровоззрѣніи, а ученіе Христово толкуютъ и извращаютъ примѣнительно къ своимъ предвзятымъ идеямъ...

Древнѣйшіе христіане, на которыхъ такъ любятъ ука-

¹⁾ Моисей, по указанію свыше, избираетъ военнымъ предводителемъ и верховнымъ судіей І. Навина (Числ. XXVII, 15—23),—назначаетъ судей и управителей для рѣшенія частныхъ дѣлъ и жалобъ между израильтянами. Ему помогаютъ 70 старѣйшихъ (Числ. XI).

зывать лицемѣрные доброжелатели Церкви, оплакивающіе ея зависимость отъ государственной власти и обвиняющіе представителей церкви въ рабодѣнствѣ предъ кесаремъ и его вельможами, не отрицали даже языческой власти. „Для насъ кесарь, говоритъ Тертулліанъ язычникамъ, такъ же великъ и поставленъ нашимъ Богомъ, какъ и для васъ“. А блаженный Августинъ въ своей книгѣ о Градѣ Божіемъ“ пишетъ: „Кто далъ власть Константину-христіанину, тотъ далъ ее и отступнику Юліану“. По древнеотеческому пониманію государственная власть окажется въ послѣднія времена тѣмъ препятствіемъ, которое будетъ задерживать появленіе антихриста. Поэтому то противъ законовъ и властей и ополчаются только слуги діавола, и большинство изъ нихъ—совѣмъ не во имя истинной свободы, а во имя свободы антихристіанской, свободы безъ всякихъ ограниченій и безнаказанно своевольничать и грѣшить.—Къ чему можетъ привести такая свобода, мы знаемъ изъ опыта недавно пережитыхъ лѣтъ. Стоило только правительству нашему временно усомниться въ своихъ правахъ на власть и вложить свой мечъ въ ножны, какъ началась неслыханная и невиданная прежде вакханалія всевозможныхъ преступленій. Для безбожнаго и развращеннаго общества, растолковавшаго дарованныя ему свободы въ смыслѣ возможности безнаказанно своевольничать, вдругъ не стало ничего невозможнаго, ничего запретнаго, ничего дурного; все стало позволительно и хорошо, какъ будто законная власть въ русскомъ государствѣ и была единственнымъ только зломъ.. Ложь и клевета сдѣлались весьма обычнымъ средствомъ политическаго воспитанія русскихъ гражданъ; дневной и ночной грабежъ, совершаемые почти безнаказанно, стали не страшнымъ уголовнымъ преступленіемъ, а геройскимъ подвигомъ; политическія убійства сдѣлались явленіемъ самымъ обычнымъ, и представители народа русскаго, засѣдавшіе въ первой Думѣ, не нашли въ себѣ достаточно совѣсти и смѣлости, чтобы назвать эти убійства ихъ собственнымъ именемъ и осудить ихъ. Чего же оставалось ждать русскому народу, если бы правительство наше, опельмованное и заплеванное въ лицѣ министровъ, этими „лучшими людьми“ государства, (какъ они

себя величали), не нашло въ себѣ мужества оставаться на своемъ посту, а избранники народные, проникнувшись глубоко идеями яснополянскаго учителя, оставили русское государство безъ власти, предварительно освободивши изъ тюремъ всякаго рода преступниковъ?!. Думаемъ, что самъ Толстой достаточно убѣдился изъ событій послѣдняго времени, что его ученіе слишкомъ утопично и не приложимо къ жизни, что въ мірѣ есть какое то радикальное зло, (по ученію христіанской религіи—извращеніе человѣческой природы вслѣдствіе грѣхпаденія), которое вдругъ и собственными усиліями человѣка не можетъ быть уничтожено, и которое дѣлаетъ необходимость наличность принудительной человѣческой власти. Мы же повторяемъ, что законодательства и суды являются слѣдствіемъ грѣха въ мірѣ, указываютъ на его существованіе и задерживаютъ его развитіе; видѣть въ нихъ корень зла такъ же нелѣпо, какъ нелѣпо считать лекарства причиною эпидемическихъ заболѣваній; желать и требовать уничтоженія властей для нравственнаго выздоровленія человѣчества—такъ же неразумно, какъ неразумно отнимать костыли у хромого или требовать уничтоженія аптекъ и больницъ во время холерной эпидеміи. Гражданская власть, по смыслу христіанскаго ученія, не изначальна и должна имѣть свой конецъ; но не тогда, когда пожелаютъ этого антихристіански настроенное общество или отдѣльныя лица, ложно и односторонне понимающія христіанское ученіе о свободѣ; а когда не будетъ больше нужды въ вей, когда нравственная природа будетъ восстановлена въ каждой отдѣльной личности, когда всѣ люди, по заповѣди Христовой, объединятся взаимною любовію и единою волею Небеснаго Царя и Бога, когда исполнится молитва Господа: „Да вси едино будутъ, якоже ты, Отче, во мнѣ, и азъ въ тебѣ, да и тѣи въ насъ едино будутъ“. (Іоан. XVII, 21.).

Однако, справедливость требуетъ признать, что лицъ принципиально отрицающихъ человѣческую власть и человѣческіе законы, сравнительно, не много; большинство обыкновенно отрицаетъ только наличную власть и наличный порядокъ жизни, и мечтаетъ устроить жизнь на новыхъ, болѣе совершенныхъ началахъ. Вопросъ нашъ о власти сводится такимъ

образомъ къ тому: какова должна быть гражданская власть въ христіанскомъ государствѣ? Какая форма правленія будетъ болѣе соотвѣтствовать христіанскому народу, и въ какомъ отношеніи свѣтская власть должна находиться къ церковной? Постараемся отвѣтить и на эти вопросы.

Христіанское правительство должно одновременно служить и Богу и государству, или правильнѣе сказать, должно служить государству, будучи слугою Божиимъ, выполняя волю Божию и проводя ее въ жизнь своего народа. Отсюда тѣснѣйшее взаимоотношеніе власти гражданской и церковной. Различіе между этими двумя органами божественнаго управленія міромъ заключается только въ томъ, что царь *управляетъ* своимъ народомъ, пользуясь для этого мірскими средствами, духовная же власть только *направляетъ* власть гражданскую и христіанское общество, указываетъ тотъ путь, по которому государство должно идти въ своемъ развитіи; царю принадлежитъ мечъ, а представителю Церкви высшій духовной авторитетъ. Христіанскій государь, будучи первымъ лицомъ въ государствѣ, долженъ быть послушнымъ сыномъ своей церкви и съ кротостію выслушивать ея ученіе и сужденіе. Во всѣхъ потребныхъ случаяхъ высшая церковная власть должна выступить смѣло и рѣшительно на защиту погранныхъ божескихъ законовъ. Болѣе чѣмъ какому нибудь другому пастырю, предстоятелю Церкви слѣдуетъ помнить наставленіе Апостола: „проповѣдуй слово; стой благовременно и безвременно“... Не оправдываетъ своего назначенія та церковная власть, которая пассивно относится къ антихристіанскимъ начинаніямъ свѣтскаго правительства; не на высотѣ своего положенія и тотъ государь, который забываетъ что онъ помазанникъ и слуга Божій. Саулъ, избранный пророкомъ Самуиломъ въ еврейскіе цари, былъ угоденъ Богу только до тѣхъ поръ, пока творилъ волю Божию; но какъ только воля Божія перестала руководить его поступками, Духъ Божій отступилъ отъ Саула и царь заслужилъ справедливый гнѣвъ Божій. Обличая Саула и предрекая ему и всему роду его немилость Іеговы, пророкъ обращается къ нему съ такими упреками: „...безуміе бысть тебѣ, понеже не сохранилъ еси запо-

вѣди моя, юже заповѣда ти Господь... И нынѣ царство твое не станетъ тебѣ, и изыщетъ Господь себѣ челоуѣка по сердцу своему, и повелитъ ему Господь властелиномъ быти надъ людьми своими"... (1 Цар. XIII, 13. 14).—Въ тѣхъ случаяхъ, когда гражданская власть въ христіанскомъ государствѣ преступаетъ божественный законъ, она тѣмъ самымъ освобождаетъ своихъ подданныхъ отъ обязанности послушанія имъ въ этихъ случаяхъ, а себя лишаетъ права требовать этого послушанія. Вѣрующій христіанинъ не только можетъ, но и долженъ, со всею кротостію, но рѣшительно отвѣтить ей словами апостоловъ: „судите, справедливо ли будетъ послушаться васъ болѣе, чѣмъ Бога“... Христіанская религія рекомендуетъ въ такихъ случаяхъ не революцію, а молитву, такъ какъ дурной правитель государства, съ точки зрѣнія христіанской, есть ничто иное, какъ общественное бѣдствіе, посылаемое на народъ самимъ Богомъ.

Такимъ образомъ христіанинъ, признающій гражданскую власть и подчиняющійся ей, отнюдь не является чрезъ это въ духовномъ порабощеніи у нея, а добровольно подчиняется ея требованіямъ, постольку они не противны божественному закону. Но во всѣхъ сомнительныхъ случаяхъ христіанинъ долженъ опасаться весьма возможной для него ошибки—принять свое личное мнѣніе за Христову истину и отказать законной власти въ послушаніи не во имя Христа, а во имя своего разума. Церковь, и одна только Церковь, поставленная Спасителемъ нашимъ непогрѣшимою хранительницею и толковательницею Его ученія, является компетентнымъ судіею поступковъ гражданской власти (съ ихъ нравственной стороны) и къ ея только голосу должны прислушиваться христіанскіе подданные Царя—помазанника Божія. Особенно крѣпко нужно помнить это въ наше время, когда именуемъ Христовымъ и Его святымъ ученіемъ прикрываются люди, но духу своему ничего общаго съ Христомъ не имѣющіе. Теперь, думается намъ, достаточно ясно, почему наша православная церковь всегда стояла и, скажемъ съ увѣренностію, постоянно будетъ стоять на сторонѣ самодержавнаго Царя, почему она не подкрѣпляла своимъ нравственнымъ авторитетомъ нашего освобо-

дѣтельнаго движенія и стремленій къ народовластію. Сколь трудно допустить, чтобы воля грѣшныхъ представителей грѣховнаго народа была согласна со святою волею Божіею, столь трудно допустить и то, чтобы желаніе народа жить по своей волѣ и управляться своими избранниками было угодно Богу. Въ глазахъ Церкви, Царь—помазанникъ Божій, тѣ свободы, которыхъ ищетъ народъ, цѣнности въ нравственномъ отношеніи весьма сомнительныя, а народное самоуправленіе—только терпимое зло.

Позволимъ себѣ сдѣлать еще нѣсколько заключительныхъ замѣчаній, касающихся Церкви и государства въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ, въ дѣлѣ устроенія на землѣ царства Божія. Главная цѣль существованія въ мірѣ Церкви, основанной Христомъ, та, чтобы возвратить находящееся въ порабощеніи у діавола человѣчество къ Богу, отъ Котораго оно отложилось, и сдѣлать всѣхъ людей свободными гражданами Христова царства. Но Царствіе Божіе, которое есть „правда и миръ, и радость о Дусѣ Святѣ“, не можетъ вдругъ упразднить и замѣнить собою царства человѣческаго съ его правдою и законами: какъ ни велико различіе между принципомъ государственной жизни—правомъ, (узаконяющимъ суды и наказанія, оправдывающимъ клятвы и войны), и христіанской нравственности—любовію, (которая все прощаетъ, не ищетъ своего себѣ, не нуждается въ клятвѣ и отрицаетъ войну), и право и любовь вынуждены уживаться совмѣстно. Христіанство не отрицало и не отрицаетъ государства и не мечтаетъ объ упраздненіи различныхъ формъ жизни общественной и различныхъ ея отправленій; задача его по отношенію къ государству та-же, что и по отношенію къ каждой отдѣльной личности: оно должно постепенно преобразовывать государство, одухотворяя его завѣщанною Христомъ любовію. I. Христосъ въ своемъ божественномъ ученіи только посвѣялъ сѣмена новой, святой жизни; пока изъ сѣмянъ этихъ образуется зрѣлый колосъ и наступитъ время жатвы, пройдетъ не мало времени, и виновна въ этомъ не воля Божія, а злая человѣческая воля, задерживающая наступленіе Небеснаго Царствія.

Предъявляя своему правительству высокія нравственныя требованія и высказывая пожеланія проведенія въ жизнь общественную гуманныхъ, проникнутыхъ духомъ христіанской любви законовъ, мы не должны забывать того, что характеръ законовъ государственныхъ въ значительной степени обуславливается нравственнымъ уровнемъ насъ самихъ—членовъ государства. До тѣхъ поръ, пока отдѣльная личность не будетъ идеальнымъ христіаниномъ, не будетъ и идеальнаго государства. Часто самыя гуманныя предназначенія правительства парализуются преступными членами общества и ихъ злою волею, и въ тѣхъ различныхъ „положеніяхъ“, которыя введены правительствомъ нашимъ, нужно обвинять не высшую церковную іерархію и не министровъ, какъ многіе думаютъ, а самихъ преступниковъ и, еще болѣе, тѣхъ лицъ, которыя толкаютъ ихъ за преступленія.

Съ дѣтскихъ лѣтъ мы привыкли обращаться къ Богу съ молитвою: „да придетъ Царствіе Твое“. Одни думаютъ устроить царство Божіе здѣсь на землѣ, при настоящихъ условіяхъ своего существованія; другіе ожидаютъ наступленія этого Царства въ жизни будущаго вѣка. Но и тѣ и другіе должны помнить, что прежде всего Царствіе Божіе должно открыться въ душѣ человѣка святою его жизнію. У кого нѣтъ въ душѣ того, что называется „правдою, миромъ и радостію о Дусѣ Святѣ“, тому не окажется мѣста и въ томъ Царствѣ Божіемъ, наступленія котораго мы чаемъ.

*Преподаватель Харьковской Духовной Семинаріи
Павелъ Кратировъ.*

„Эквиваленты“ нравственного долга по Гюйо.

I.

Вопросъ о сущности нравственности—о нравственномъ долгѣ, нравственной обязанности и нравственной санкціи,—составляетъ самую трудную и самую древнюю проблему, надъ которой трудились выдающіеся мыслители человѣчества. Въ самомъ дѣлѣ, что такое нравственность,—организованный ли это, такъ сказать, нормированный эгоизмъ, или же въ основѣ ея лежитъ чистое безкорыстіе?

Люди любятъ увлекаться возвышеннымъ идеаломъ безкорыстія; всегда были и будутъ попытки, непреодолимая стремленія доказать и себѣ и другимъ возможность его; это — голосъ любви, живущей въ сердцѣ человѣчества. Но, начиная съ древняго Эпикура и до нашихъ дней, встрѣчаемъ мы и обратную тенденцію, утверждающую, что существеннымъ свойствомъ нашего я является эгоизмъ. Въ эгоизмѣ полагаютъ основу и всего нашего нравственнаго быта. Даже, можно сказать, въ наши дни Ницше проповѣдуетъ, что мораль есть трусость ¹⁾. Утилитаризмъ разнообразитъ этотъ эгоизмъ тысячами способовъ, онъ видоизмѣняетъ его подъ медленнымъ дѣйствіемъ эволюціи, но все-таки всегда сохраняетъ его въ качествѣ основы всѣхъ нашихъ поступковъ, подобно корнямъ дерева.

Гюйо, будучи еще юношей, выступилъ съ тщательной и надо прибавить, очень талантливой критикой утилитарной морали. Начиная съ предтечи всѣхъ утилитаристовъ, Эпикура, онъ разобралъ всѣ моральныя теоріи утилитаристовъ и затѣмъ попытался обосновать самостоятельно проблему морали.

¹⁾ Ницше. По ту сторону добра и зла.

По мнѣнію Гюйо, точка зрѣнія эвдемонизма и утилитаризма слишкомъ механическая, поверхностная. Спенсеръ, напр., видитъ въ инстинктѣ самопожертвованія продуктъ общества, вліяющаго на индивида, отпечатокъ, пассивно приобрѣтенный послѣднимъ отъ сношенія съ ближними и укрѣпленный наслѣдственностью. Инстинкты симпатіи и общительности оказываются приобрѣтенными болѣе или менѣе искусственно и механически въ теченіе эволюціи; слѣдовательно, они остаются болѣе или менѣе случайными, привитыми. Вѣдь и для Дарвина, полагаетъ Гюйо, качества—жалость, самопожертвованіе и т. п. представлялись, какъ лишь въ силу счастливой случайности оказавшимися въ кодексѣ добродѣтелей; при иныхъ обстоятельствахъ, при другой средѣ, кто знаетъ, они бытъ можетъ считались бы пороками. Нравственность, такимъ образомъ, является просто напросто счастливой случайностью, впоследствии обобщенною и получившею значеніе и форму закона. Гюйо полагаетъ, что половой подборъ, являющійся, по Дарвину, господствующимъ закономъ соціальныхъ группъ, представляетъ собою не что иное, какъ развитіе и триумфъ нѣкоей внутренней, уже скрытой въ глубинахъ индивидуальной жизни, способности. Среда и общество не сообщили бы индивиду влеченій и чувствъ, если бы ихъ не было уже въ зародышѣ въ самомъ индивидуумѣ. Соціальные чувства рождены самою нашей природой, нашимъ мозгомъ, нашими органами, каковыя, въ свою очередь, сильно измѣнялись подъ воздѣйствіемъ нашихъ предыдущихъ поступковъ; избытокъ силъ предшествовалъ появленію чувства долга. „Руки у насъ есть не потому, что мы милосерды, наоборотъ, наше милосердіе, возможность протягивать несчастнымъ руку помощи, зависитъ отъ того, что у насъ есть руки“¹⁾. Не общество, не среда играла главную роль въ образованіи нравственныхъ, безкорыстныхъ чувствъ, а сила жизни, интенсивность ея, сосредоточенная въ индивидѣ; короче, не общество—принципъ индивида, а, наоборотъ индивидъ—принципъ общества, по Гюйо. Индивидъ и самъ по себѣ могъ выработать зародышъ нравственности; общество

1) Гюйо. Воспитаніе и Наслѣдственность. Сиб. 1891, стр. 89.

вліяло лишь на видоизмѣненіе, развитіе уже даннаго въ индивидуальной личности нравственного зародыша.—Итакъ, вотъ первое возраженіе противъ утилитаризма: дѣло не въ томъ, что вліяло общество на индивида, дѣло въ самомъ индивидѣ,—въ немъ должна быть на лицо интенсивная, мощная жизнь, ибо она порождаетъ нравственность.

Дальше, въ силу того, что утилитаризмъ проникнуть насквозь гедонизмомъ, онъ, по необходимости, опирается лишь на сознаніе, совершенно игнорируя необозримую сферу безсознательнаго; руководится соображеніями цѣлесообразности, а не причинности (каузальности). А между тѣмъ, природная движущая причина извѣстнаго дѣйствія раньше явленія своего при свѣтѣ сознанія, должна была долгое время находиться въ темной области инстинктовъ; „постоянная цѣль дѣйствія была первоначально *постоянной причиной* болѣе или менѣе бессознательныхъ движеній“¹⁾. Да и что такое *цѣль*, какъ не постоянная, долго вліявшая *причина* бессознательныхъ актовъ и ставшая отнынѣ озаренною сознаніемъ? „Сфера конечности совпадаетъ, по крайней мѣрѣ въ своемъ центрѣ со сферой причинности“²⁾. Исканіе удовольствія, въ чемъ утилитаристы видятъ главнѣйшую цѣль человѣка и вообще всякаго живого, чувствующаго существа, есть само—результатъ бессознательнаго побужденія сохранить и усилить *жизнь*; „слѣдовательно, *цѣль*, дѣйствительно *опредѣляющая* (детерминирующая) всякое сознательное дѣйствіе, и въ то же время *причина*, *производящая* всякое бессознательное дѣйствіе,—это сама жизнь, жизнь одновременно и наиболѣе интенсивная и наиболѣе разнообразящаяся въ своихъ формахъ“³⁾.

По Гюйо удовольствіе повсе не является сознательной цѣлью дѣйствія, оно, такъ сказать, получается впервые совершенно нечаянно, оно *сопутствуетъ жизни*. Въ насъ есть накопившаяся сила; мы уже видѣли, что она, по Гюйо, составляетъ основаніе нравственности. Эта сила требуетъ исхода и примѣ-

1) Guyau. Esquisse d'une morale sans obligation ni sanction, ed. F. Alcan, Paris, 1905, p. 87.

2) Ibid.

3) Esquisse d'une morale... p. 90.

ненія; если трата ея задерживается какимъ-либо препятствіемъ, то сила эта трансформируется въ желаніе или отвращеніе; если желаніе удовлетворено, ощущается удовольствіе; если оно, на пути къ своему осуществленію, встрѣчаетъ какую-нибудь помѣху, то ощущается страданіе. Жизнь безсознательная, но интенсивная сосредоточена въ индивидуумѣ; на пути своей эволюціи пріобрѣтаетъ она и сознаніе, и ощущеніе удовольствія и страданія. Разсуждать, подобно Эпикуру и утилитаристамъ, что аккумулярованная сила жизни разряжается *въ цѣляхъ* удовольствія, невозможно,—это значило бы признавать сознаніе тамъ, гдѣ пока—царство безсознательныхъ побужденій. Вотъ почему Гюйо и резюмируетъ свое второе возраженіе противъ утилитаризма такимъ образомъ: „il faut vivre avant tout, jouir ensuite“ ¹⁾ (сначала надо жить, наслажденіе же потомъ). По ученію утилитаризма выходило, что удовольствіе превышало жизнь, шло, такъ сказать, впереди ея въ качествѣ ея регулятора; Гюйо сдѣлалъ перемѣщеніе: удовольствіе, въ своемъ происхожденіи, есть лишь триумфъ полной, интенсивной и свободной жизни; оно—не первое, первое—это жизнь. Съ развитіемъ сознанія, правда, удовольствіе становится цѣлью дѣятельности. Но этого не надо забывать, когда рѣчь—объ удовольствіи, какъ цѣли жизни вообще. Утилитаристы видѣли лишь одинъ изъ тѣхъ двухъ родовъ удовольствія, о которыхъ гдѣ то говоритъ Гюйо ²⁾, а именно—чисто чувственный, соотвѣтствующій особенному и временному виду активности, но не подозрѣвали другого рода удовольствій, связанныхъ съ самой сущностью активности, между тѣмъ какъ послѣдняго рода удовольствія болѣе первичнаго (по происхожденію) свойства, такъ какъ они, можно сказать, даже познакомили человѣка съ тѣмъ, что такое удовольствіе, явившись, въ силу эволюціи жизни вообще, на границѣ между безсознательнымъ и сознательнымъ.

¹⁾ Esquisse d'une morale... p. 90.

²⁾ Гюйо. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. СПб. 1898 г., стр. 452.

Если же скажутъ, что нѣтъ сознанія безъ смутнаго чувства удовольствія и страданія и нѣтъ дѣйствія безъ сознанія, что, такимъ образомъ, всякое дѣйствіе обусловлено сознаніемъ, и значить, чувствомъ удовольствія,—если скажутъ такъ, то Гюйо отвѣтитъ, что съ этимъ онъ не споритъ, только зачѣмъ же опять таки упускать изъ виду сферу бессознательнаго и вліяніе его на сознательное? Вѣрно то, что „дѣйствовать и отвѣчать воздѣйствіемъ всегда значить наслаждаться или страдать; всегда значить желать или бояться“¹⁾. Но вѣдь само дѣйствіе развѣ вполнѣ независимо отъ бессознательнаго; развѣ не формируется оно изъ жизненнаго процесса, въ бѣльшей мѣрѣ бессознательнаго? Вѣдь ужъ мы видѣли, что *цѣли* дѣйствія суть продолжительно вліявшія въ слѣпой области инстинктовъ *причины*, достигшія сознанія. Какъ же можно оторвать цвѣтъ отъ корня, какъ можно разсѣкать пополамъ двѣ стадіи эволюціи одного и того же проявленія (дѣйствія)? „Движущееся тѣло, уносимое въ пространствѣ, не знаетъ направленія, какимъ оно слѣдуетъ, и, однако же, оно обладаетъ прибрѣтенной скоростью, готовой превратиться въ теплоту или даже свѣтъ, смотря по той сопротивляющейся средѣ, черезъ которую оно проходитъ; такъ и жизнь становится желаніемъ или страхомъ, страданіемъ или удовольствіемъ подѣ дѣйствіемъ прибрѣтенной ею силы (*en vertu même de sa force acquise*) и первичныхъ импульсовъ, сообщенныхъ ей эволюціей (*et des primitives directions ou l'évolution l'a lancée*“²⁾. Повторяемъ, дѣло не въ томъ, что человекъ *сознаетъ цѣль*—удовольствіе и въ силу этого поступаетъ нравственно; дѣло въ томъ, что индивидъ обладаетъ интенсивностью жизни, полнотою энергіи, требующей израсходованія; при этомъ изслѣдованіи индивидъ впервые знакомится съ чувствомъ наслажденія или удовольствія и съ страданіемъ. Сознаніе здѣсь не при чемъ, жизнь сама, развиваясь, раскрываясь, порождаетъ его; она же содержитъ въ себѣ и то, что англійскіе моралисты называютъ цѣлью и что, на самомъ дѣлѣ, есть просто напросто постоянное давленіе жизненной интенсивности, присутствующее въ бессозна-

1) Esquisse d'une morale..., p. 91.

2) Ibid., p. 92.

тельномъ состояніи. Короче, надо жить, надо имѣть въ себѣ полноту жизни, наслажденіе же и нравственность появятся потомъ, и появятся неизбежно.

Итакъ, принципомъ нравственной доктрины Гюйо является идея жизни, примиряющей и индивидуальную и социальную точки зрѣнія. Что же такое жизнь? Съ фізіологической точки зрѣнія жизнь, прежде всего, представляется, какъ питаніе, захватываніе себѣ со стороны и, повидимому, эгоизмъ. Но этой стороною не исчерпывается сущность жизни; живому существу приходится вмѣстѣ съ потребленіемъ энергіи и сберегать ее; этотъ сбереженный остатокъ энергіи тратится путемъ размноженія, дробленія, частичнаго самоотдаванія. Утилитаристы неполно изслѣдовали духовную динамику; они слишкомъ поглощены были соображеніемъ о цѣли, такъ что пружиной и рычагомъ моральной активности являлось для нихъ удовольствіе—въ эгоистической, либо въ альтруистической формѣ своей. На самомъ же дѣлѣ, человекъ вовсе не счетчикъ Бентама. Онъ дѣйствуетъ, чтобы дѣйствовать, онъ толкается внутренней пружиной; это—избытокъ энергіи, требующій своего израсходованія не ради удовольствія, а просто ради именно израсходованія. Жизнь это плодovitость; чѣмъ она интенсивнѣе, чѣмъ больше у ней запаса энергіи, тѣмъ она плодovitѣе; не искатели счастья и удовольствія—плодovитые, дѣятельные люди, они просто могучіе, богатые энергіей люди! Молодой человекъ исполненъ энтузіазма, готовъ на жертвы и вообще „il vit trop pour ne vivre que pour lui—même“¹⁾ не въ силу „жажды наслажденій, а въ силу богатства жизни, бьющей въ немъ. Напротивъ, старыя дѣвы, холостяки, евнухи обыкновенно гораздо эгоистичнѣе другихъ... Всякій разъ, когда бѣднѣетъ источникъ жизни, во всемъ существѣ возникаетъ потребность сбереженія силъ, себялюбиваго самообереганія: ни одной капль жизненныхъ соковъ не хочется дать просочиться наружу“²⁾. Вообще „la plus haute intensite! de la vie a pour corrélatif nécessaire sa plus large expansion“³⁾. Избытокъ

1) Esquisse d'une morale... p. 96.

2) Ibid.

3) Ibid., p. 95.

силъ дѣйствуетъ на весь организмъ; онъ оказываетъ давленіе на все существо сверху до низу; отсюда, во всѣхъ областяхъ, сторонахъ человѣческаго существа мы видимъ эту „плодовитость“. И прежде всего—плодовитость умственная: внутренняя сила побуждаетъ мыслителя раздѣлять свои идеи съ нами, „отдавать намъ свои внутренности, какъ пеликанъ у Мюссе“¹⁾. Сравнивали творенія мыслителя съ дѣтьми, и это вѣрно уже въ силу того, что интеллектуальная плодовитость умаляетъ физическую: организмъ не можетъ выполнять двойной растраты. Та же сила экспансивности проявляется и въ сферѣ чувства. Человѣку тяжело жить въ себѣ самомъ съ своими чувствами, хочется подѣлиться ими съ другими; чѣмъ интенсивнѣе жизнь въ человѣкѣ, тѣмъ онъ общительнѣе, а чѣмъ онъ общительнѣе, тѣмъ болѣе онъ склоненъ „déchirer la voile de l'individualité“²⁾ расторгать покровъ индивидуальности. И воля оказывается подъ давленіемъ той же силы жизни; дѣйствовать стало потребностью человѣка, трудъ сталъ необходимъ, какъ дыханіе, а между тѣмъ дѣйствованіе, трудъ—порожденіе и самоотдаваніе. Въ дѣятельности, обусловленной честолюбіемъ, не слѣдуетъ видѣть жажды почестей; опять таки цѣль здѣсь является лишь отзвукомъ, резонансомъ давящей на все существо причины, которая состоитъ въ обиліи жизни, въ силѣ нервнаго напряженія³⁾. Итакъ, жизнь—не только питаніе, но и даваніе, fécondité; трата, самоотдаваніе не есть зло, это основной законъ жизни; c'est t'expiration suivant l'inspiration⁴⁾. Наиболѣе богатая жизнь чувствуетъ и наиболѣе сильное, непреодолимое стремленіе расточаться, отдаваться самоотверженно другимъ; не въ нашей власти остановить теченіе жизни, не въ нашей власти остановить природу не производять злаковъ и цвѣтовъ весною, какъ не въ нашей власти вызвать румянецъ на застывшихъ щекахъ покойника. Мы безсилны противъ законовъ жизни; жизнь сама, своею всепобѣждающей силой творить все. Такъ и безкорыстіе; оно—дитя самой

1) Esquisse d'une morale... p. 97.

2) Ibid., p. 98.

3) Esquisse d'une morale... p. 100.

4) Ibid., p. 101.

жизни, а не нашихъ мелочныхъ расчетовъ; корни его глубже, и англійская мораль не усмотрѣла ихъ. „Самоотреченіе входитъ въ общіе законы жизни“¹⁾, и естественно видѣть теперь примиреніе индивида съ обществомъ: наиболѣе совершенный организмъ будетъ также и наиболѣе общительнымъ, и идеаль индивидуальной жизни есть жизнь въ обществѣ, жизнь совмѣстная.

Гюйо полагалъ, что путемъ подобныхъ разсужденій, онъ вполне разрѣшилъ проблему объ отношеніи къ обществу и опередилъ въ этомъ отношеніи утилитаризмъ. Англійская школа, по его мнѣнію, смотрѣла на инстинкты симпатіи и общественности какъ на результатъ долгой эволюціи, какъ на болѣе или менѣе напрасные. И что же, самъ то онъ дальше ли пошелъ, чѣмъ, напр., Спенсеръ? Положимъ, нравственность порожденіе интенсивной индивидуальной жизни. Но что такое самъ этотъ индивидъ, одаренный такимъ богатствомъ жизни? Думаемъ, что Гюйо не отказался бы отвѣтить на этотъ вопросъ такъ: это — высшій продуктъ эволюціи. Но вѣдь и Дарвинъ настойчиво указывалъ врожденность этихъ инстинктовъ, а Спенсеръ, подтверждая Дарвина, выяснялъ воздѣйствіе общества на развитіе этихъ инстинктовъ и на сознаніе ихъ. Поэтому, мы думаемъ, что Гюйо не удалось превозмочь на себѣ и на своей теоріи властнаго вліянія англійскихъ системъ морали, разборомъ и критикой которыхъ онъ съ такимъ увлеченіемъ занимался въ кипучіе годы своей молодости. На нашъ взглядъ, онъ — „кость отъ кости и плоть отъ плоти“ Спенсера; онъ эволюціонистъ чистѣйшей воды, хотя, однако, и съ отѣнкомъ оригинальности.

Посмотримъ теперь дальнѣйшіе „эквиваленты“ нравственнаго долга по Гюйо. Всѣ они собственно видоизмѣненіе одного и того же эквивалента, а именно — плодovitости интенсивной жизни, мощи жизни; разъ жизнь съ своимъ атрибутомъ — плодovitостью — проявляется всюду, во всѣхъ областяхъ и сторонахъ нашего существа — умственной, волевой и чувствительной, естественно могутъ быть и однородные съ этими

¹⁾ Ibid., p. 150.

видами плодovitости, эквиваленты долга. „Допустивъ съ капитизмомъ фактъ *дома*, властвующаго надъ сознаниемъ, какъ высшая сила, постараемся установить этотъ фактъ во всѣхъ существенныхъ его видоизмѣненіяхъ“¹⁾...—говоритъ Гюйо, приступая къ перечисленію эквивалентовъ долга.

Первый эквивалентъ долга заключается въ наличности внутренней потенціи, возможности дѣйствія, въ обиліи активности; съ этой точки зрѣнія формула Канта „*debes, ergo potes*“ должна быть передѣлана такъ: *potes, ergo debes*“. Внутренно почувствовать, что можешь что-либо сдѣлать—значитъ сознать обязанность совершить это. Опять приходится повторить, что обязанность, это—обиліе жизни, которая хочетъ проявиться, отдаться. „Растеніе не можетъ помѣшать себѣ цвѣсти; иногда цвѣсти значить для него умереть, все же соки не перестаютъ подниматься“²⁾. Всякая мощь требуетъ исхода. Положимъ, что человекъ можетъ что-либо сдѣлать; тогда не надо ни божественной заповѣди, ни приманокъ удовольствія, онъ чувствуетъ и безъ этого обязанность дѣйствія, и если встрѣчаетъ препятствіе въ собственной же сомнѣвающейся мысли, то онъ разбиваетъ препятствіе, подчиняясь великому закону жизни, которая „*ne peut se maintenir qu'à condition de se gerandre*“³⁾.

Обязанность сводится, такимъ образомъ, къ возможности; съ другой точки зрѣнія, она—не что иное, какъ движущая идея. Разумъ вѣдь самъ по себѣ автоматиченъ; стоятъ лишь понять что-либо лучшее,—сейчасъ же явится родъ обязанности исполнить то, что познано, какъ лучшее. Само познаніе есть половина дѣйствія или, скорѣе, начавшееся дѣйствіе, осуществленіе. Мысль и дѣйствіе въ сущности тождественны; нравственная обязанность въ сферѣ мысли есть именно сознание этого коренного тождества. „Тотъ, кто не дѣйствуетъ такъ, какъ думаетъ, думаетъ несовершеннымъ образомъ“⁴⁾. Нравственность въ такомъ случаѣ есть именно тождество мысли и

¹⁾ Esquisse d'une morale, p. 105.

²⁾ Ibid., p. 107.)

³⁾ Ibid., p. 107.

⁴⁾ Esquisse d'une morale, p. 108.

поведенія, идеи и дѣла и вообще „единство живого существа; безнравственность, наоборотъ, есть раздвоеніе... Безнравственность есть внутренняя изувѣченность (*mutilation intérieure*). Не дѣйствовать въ согласіи съ тѣмъ, что считаешь за лучшее, значитъ походить на человѣка, который былъ бы не въ состояніи смѣяться, когда ему весело; плакать, когда ему грустно; который бы, наконецъ, былъ бы не въ состояніи выразить, или проявить наружу ничего изъ того, что онъ испытываетъ“¹⁾. Утилитаризмъ слишкомъ отдѣлялъ волю отъ интеллекта, не пора ли, думаетъ Гюйо, возвратиться къ мнѣнію Сократа, видѣвшаго мудрость уже въ познаніи, и разсматривать волю, какъ высшую ступень самого же разума.

Кромѣ того, по Гюйо, существуетъ извѣстный безличный долгъ, создаваемый возрастающимъ сліяніемъ чувствительностей и болѣе общежительнымъ характеромъ высшихъ удовольствій. По мѣрѣ прогресса человѣчества, удовольствія его становятся все болѣе и болѣе социальными, все болѣе сближающими людей. Однимъ изъ существеннѣйшихъ источниковъ человѣческаго наслажденія становится идея; „это, какъ бы составная доля, общая всѣмъ человѣческимъ мозгамъ; это общее сознаніе гдѣ болѣе или менѣе примирены индивидуальныя сознанія“²⁾. Въ силу такого значенія и такой сущности идеи, роль общаго возвышается и стремится къ господству надъ индивидуальнымъ. Кто въ настоящее время родится на свѣтѣ, онъ, хотя индивидуально и обладаетъ болѣе интенсивной жизнью, въ сравненіи съ тѣмъ, кто родился сотни тысячъ лѣтъ тому назадъ, однако, несмотря на такую силу индивидуальности, онъ болѣе, чѣмъ его предки, социализированъ; въ силу своего богатства и обилія жизни, онъ немного будетъ считать именно своимъ³⁾. Даже въ чисто физическихъ удовольствіяхъ Гюйо не даетъ убѣжища эгоизму: удовольствія ѣды, питья имѣютъ полную свою прелесть лишь тогда, когда мы раздѣляемъ ихъ съ другими. Эту преобладающую роль общежительныхъ чувствъ можно видѣть во всѣхъ нашихъ высшихъ наслажденіяхъ и страданіяхъ.

¹⁾ Ibid., p. 108, 109.

²⁾ Ibid., p. 113

³⁾ Ibidem

Опять приходится повторить, что чистый эгоизмъ невозможенъ и долженъ быть превозможенъ эволюціей жизни, тяготеющей къ альтруизму и общительности. Ни радости, ни страданія наши—не вполнѣ наши.

„Быть можетъ въ мірѣ нѣтъ печали одинокой,
„Нѣтъ личной радости: все связано глубокой,
„Незримой общностью страданій и любви!
„Мое—не чуждо вамъ, все ваше—мнѣ родное,
„И чувства всѣхъ людей должны быть и мои ¹⁾).

„Колочіе листья столѣтника прежде, чѣмъ развиться и спуститься широкими полосами, долго остаются прижатыми другъ къ другу и составляютъ какъ бы одно сердце; въ это время иглы каждаго листа напечатлѣваются на сосѣднемъ. Позже, сколько бы ни росли и ни расправлялись эти листья, знакъ этотъ остается на нихъ и даже растетъ вмѣстѣ съ ними: это—печать страданія, неизгладимо налегшая на нихъ на всю жизнь“ ²⁾). Такъ и въ сердцѣ человѣка: оно носитъ на себѣ печать страданія другихъ, въ силу солидарности съ ними. Эта солидарность, этотъ роднящій характеръ нашихъ удовольствій и составляетъ, въ свою очередь, эквивалентъ долга.

Къ этимъ замѣстителемъ обязанности и долга Гюйо присоединяетъ еще удовольствіе риска и борьбы, могущее подвигнуть насъ на самые безкорыстные подвиги. Что такое рискъ? Первобытное человѣчество жило среди опасностей; опасность была, можно сказать, игрой для первобытныхъ людей; естественно и теперь у многихъ должно замѣчаться расположеніе бравировать ихъ. Удовольствіе опасности почерпаетъ свою сладость въ удовольствіи побѣды. Человѣку пріятно побѣждать кого бы то ни было—ближняго, животное, препятствіе: въ побѣдѣ сказывается сила и превосходство. Потребность въ опасности и побѣдѣ, замѣчаемая у авантюриста, у охотника за дикими

1) Guyau. Vers d'un philosophe (Solidarité).

2) Esquisse d'une morale, p 115.

звѣрями, присутствуетъ и въ путешественникѣ, и въ инженерѣ, и въ каждомъ человѣкѣ. Это потому, что человѣку свойственна потребность чувствовать себя великимъ, а сознаніе собственнаго величія дается борьбою; но такъ какъ человѣкъ—животное интеллигентное, то борьба должна быть осмыслена, оправдана разумомъ,—тогда она даетъ сознаніе величія ¹⁾. Гадариска, ради удовольствія борьбы, утверждаетъ Гюйо, человѣкъ можетъ даже пожертвовать жизнью своею ²⁾. Вотъ одинъ изъ источниковъ безкорыстія и замѣстителей чувства долга.

Мы полагаемъ, что въ этомъ случаѣ Гюйо не слишкомъ опередилъ утилитаризмъ, даже отца утилитаристовъ—Эпикура. Эпикуръ говорилъ, что мудрый можетъ принести себя въ жертву ради друга и при случаѣ предпочесть смерть скорбному существованію, коль скоро онъ лишился друга ³⁾. Гюйо говоритъ: „можно пожертвовать жизнью ради одного изъ ея мгновений, какъ можно предпочесть одинъ стихъ цѣлой поэмѣ... Представьте себѣ, что вамъ дано на мигъ быть Ньютономъ, открывающимъ свой законъ, или Христомъ, проповѣдующимъ любовь на горѣ,—остальная ваша жизнь показалась бы вамъ безцвѣтной и ничтожной“ ⁴⁾. Кроме того, можно пожертвовать своею жизнью тогда, когда страданія, доставляемые ею, перевѣшиваютъ, превосходятъ радости, когда она, въ силу этого, становится нестерпимой и — зломъ; „одно изъ чувствъ, обладающимъ такимъ характеромъ нестерпимости, есть чувство стыда, „нравственнаго паденія“: жизнь, купленная цѣною позора, можетъ показаться нестерпимой“ ⁵⁾ Такимъ образомъ, смотря на самоотреченіе, какъ на дѣло, при извѣстныхъ условіяхъ, вполне допустимое, Гюйо не идетъ дальше Эпикура; только объясненіе источника самоотреченія нѣсколько оригинально, съ чисто формальной, однако, стороны. Гюйо, указывая случаи самоотреченія, все сводитъ, повидимому, къ само-

¹⁾ Esquisse d'une morale, p. 143—146.

²⁾ Ibid., p. 150.

³⁾ Гюйо. Мораль Эпикура, изд., тов. „Знаніе“ СПБ., 1898, стр. 217—218.

⁴⁾ Esquisse d'une morale, p. 155.

⁵⁾ Ibid., p. 159.

любю, подобно Ларошфуко. Ни утверждениемъ того, что разочарованные могутъ быть направляемы къ совершенію полезныхъ, безкорыстныхъ поступковъ, требующихъ риска, ни констатированіемъ постепеннаго уменьшенія случаевъ, требующихъ полной и безусловной жертвы и самоотреченія, Гюйо не отличается въ сущности отъ утилитаристовъ. Известно, что разочарованные, очистившись страданіемъ, находятъ высшую радость и высшее наслажденіе въ облегченіи страданій другихъ людей, хотя бы цѣною собственной жизни; но разъ они сочувствуютъ жизни и цѣнятъ счастье своихъ ближнихъ, то, жертвуя собою ради этого, они уже будутъ цѣнить и свою жертву; отсюда въ нихъ самихъ радость и удовольствіе; полного безкорыстія уже не получится. Впрочемъ, лучшее доказательство тому, что Гюйо съ своей теоріей риска остается на старой утилитаристической почвѣ и не идетъ впередъ, составляетъ его методъ вычисленія цѣнностей. Послушасъ, какъ говоритъ онъ: „основное неизвѣстное—х, встрѣчающееся въ нѣкоторыхъ проблемахъ—это смерть. Рѣшеніе уравненія зависитъ тогда отъ измѣнчивой цѣнности, придаваемой другимъ членамъ, а именно: 1) физической жизни, которой надлежитъ пожертвовать; 2) нравственному поступку, который надо совершить“¹⁾ Да вѣдь это методъ Бентама; это—моральная арифметика! Бентамъ и Ст. Милль не иначе ставили проблему самоотреченія и не выносили иного рѣшенія въ сравненія съ Гюйо: для нихъ критеріемъ и нормой поведенія была—интенсивность (Бентамъ), либо качество (Милль) удовольствія; отсюда, если совершеніе нравственнаго поступка,—благодаря „измѣнчивой цѣнности“ этого члена уравненія,—имѣетъ доставить высшее наслажденіе, жизнь можетъ быть пожертвована. Такимъ образомъ, читая эту главу Гюйо объ удовольствіи риска,—мы чувствуемъ, какъ вступаемъ въ сферу чисто утилитаристическаго міросозерцанія. Гюйо, впрочемъ, и самъ сознавалъ, что трудно перешагнуть за грань утилитаризма и вообще трудно дать окончательное и полное рѣшеніе проблемы нравственнаго долга, если стоять исключительно на почвѣ фактовъ.

¹⁾ Ibid. p. 151.

И онъ призываетъ на помощь метафизическую гипотезу, потому что благодаря силѣ индивидуальной гипотезы, нѣтъ ни одной абсолютной жертвы, которую человекъ не рѣшился бы иногда выполнить даже съ легкимъ сердцемъ ¹⁾. Въ самомъ дѣлѣ, во всѣ времена люди отдавали свою жизнь ради религіозной или метафизической гипотезы охотнѣе, чѣмъ въ силу матеріальныхъ соображеній. И выходитъ, что Гюйо не могъ найти въ чемъ-либо иномъ лучшаго эквивалента нравственнаго долга, какъ въ метафизическомъ рискѣ. Жизнь отовсюду окутана мракомъ неизвѣстности, мы не знаемъ будущаго и, однако, мы дѣйствуемъ, предпринимаемъ, и дѣятельность наша ежеминутно выходитъ за предѣлы настоящаго и захватываетъ будущее. „Ребенокъ видитъ голубую бабочку на былинкѣ; бабочка оцѣпенѣла подъ дуновеніемъ сѣвернаго вѣтра. Ребенокъ срываетъ былинку, и живой цвѣтокъ все еще оцѣпенѣлый не срывается съ края. Ребенокъ уходитъ держа въ рукѣ находку. Блеснулъ лучъ солнца, онъ ударяетъ въ крыло бабочки, и вдругъ, воскресшій и легкокрылый, живой цвѣтокъ улетаетъ, утопая въ свѣтѣ. Всѣ мы, искатели и работники, всѣ мы будто бабочка: наша сила соткана только изъ луча свѣта,—и того нѣтъ: изъ надежды на лучъ. Надо умѣть надѣяться: надежда есть сила, которая уноситъ насъ впередъ и ввысь.—Но это иллюзія!—Что вы знаете? Развѣ не слѣдуетъ дѣлать ни шагу изъ боязни, что земля нѣкогда уйдетъ у насъ изъ подъ ногъ? Заглядывать далеко въ будущее или въ прошлое—не все еще; надо заглядывать въ себя и видѣть тамъ живыя силы, требующія выхода, и надо дѣйствовать“ ²⁾.

Итакъ, оказывается, что собственно безъ метафизической гипотезы почти нельзя, какъ думаетъ самъ Гюйо, рѣшить проблему нравственнаго долга, а сама эта гипотеза можетъ быть иллюзіей; значить, мы должны дѣйствовать, увлекаемые иллюзіей. Но это пробабиллизмъ! Такъ что же изъ того? все же лучше скептицизма! Вотъ почему Гюйо такъ страстно, съ такимъ одушевленіемъ воспѣваетъ „*illusion féconde*“:

¹⁾ Ibid., p. 160.

²⁾ Ibid., p. 173.

„О мать земныхъ надеждъ, усилій безъ конца,
„Иллюзія! приди и вдохнови сердца;
„Обманомъ поддержи слабѣющія силы;
„Опора такъ нужна для каждаго изъ насъ
„Здѣсь, гдѣ невѣренъ такъ, печаленъ каждый часъ!
„Ты можешь все для насъ—и битву сдѣлать милой,
„И жертву сладостной!...
„Ты—божество земли, иллюзія святая! ¹⁾).

Хорошо. Но если иллюзія такъ плодотворна, то зачѣмъ же было утверждать, что нѣтъ ничего дороже истины? Какъ согласить все сказанное Гюйо относительно иллюзіи, съ тѣмъ, что онъ высказалъ гдѣ то раньше, именно: „въ области мышленія нѣтъ ничего болѣе нравственнаго, чѣмъ истина; и когда не обладаешь ею въ видѣ *достовернаго знанія* (курсивъ нашъ), нѣтъ ничего болѣе нравственнаго, какъ сомнѣніе? ²⁾. Очевидно, поискавъ на почвѣ позитивной науки эквивалентовъ долга, Гюйо, потерпѣвъ неудачу, снова приходитъ къ признанію того „*dignité de soi-même*“, противъ котораго онъ возражалъ, которое онъ критиковалъ. Но можетъ быть Гюйо скажетъ: „я не предлагаю вамъ слѣпо вѣрить въ идеалъ, я предлагаю вамъ работать надъ реализаціей его... — Не вѣря въ него?—Для того, чтобы увѣровать. Вы увѣруете, когда поработаете надъ его осуществленіемъ“ ³⁾. Если такъ, то вмѣстѣ съ Екклесіастомъ мы можемъ сказать: ничего нѣтъ новаго подъ луною. Въ самомъ дѣлѣ, живи бы Паскаль въ наше время, онъ перемѣстилъ бы свой методъ изъ области религіи въ сферу морали!

II.

Переходя къ критикѣ моральной философіи Гюйо, мы первѣе всего вправѣ сдѣлать этотъ общій вопросъ: что общаго между жизнью и моралью?

Желая примѣнить идею жизни къ морали, Гюйо отождествляетъ причинность съ цѣлесообразностью. Постояннымъ

¹⁾ Vers d'un philosophe (Illusion féconde).

²⁾ Esquisse d'une morale, p. 73.

³⁾ Ibid., p. 174.

желаніемъ біологіи было устранить при изученіи живого существа соображенія относительно цѣли и свести жизненную активность къ постоянству физическихъ и химическихъ силъ; отсюда выходило, что уже въ глубинахъ самого жизненнаго процесса формируются и цѣли дѣйствій. Если мораль и есть „царство цѣлей“, то, повидимому, и жизнь въ глубинѣ своего процесса есть тоже царство цѣлей, ибо она—„царство причинъ“, а цѣль вѣдь—не что иное, какъ достигшая сознанія причина ¹⁾. Существуетъ въ жизни и внутренняя цѣлесообразность, хотя и чисто формальнаго свойства, въ силу которой дѣйствующая сила, агентъ принимаетъ себя и за цѣль своего акта; жизнь есть просто тенденція къ сохраненію жизни, она одновременно и пружина и идеалъ ²⁾. Если такъ, то ничего нѣтъ страннаго въ примѣненіи идеи жизни къ нравственности; пусть нравственность всегда предполагаетъ сознаніе *цѣли*, пусть она слѣдуетъ идеалу,—сама жизнь тоже преслѣдуетъ цѣли!

Однако, выходя изъ сферы абстрактныхъ разсужденій въ область практической жизни, мы вправѣ спросить: что же это за цѣлесообразность жизни, что представляютъ преслѣдуемая ею цѣли *материально*, какъ ихъ содержаніе? Вѣдь въ морали мы видимъ не беспорядочное преслѣдованіе *какихъ то* цѣлей, а извѣстныхъ, доступныхъ опредѣленію цѣлей, мы можемъ указать характеръ нравственныхъ цѣлей, цѣли же, вырабатывающіяся изъ процесса жизни, на почвѣ постоянно давящихъ причинъ, недоступны опредѣленію. А ригоріи нельзя опредѣлить будущаго содержанія ихъ: возможно, что онѣ будутъ радикальнѣйшей противоположностью, по существу своему, моральнымъ цѣлямъ. Мы согласны признать съ Гюйо то, что самый *фактъ* жизни объясняетъ цѣлесообразность, но какъ убѣдиться въ томъ, что цѣлесообразность эта совпадаетъ по существу, по внутреннему содержанію съ цѣлесообразностью моральной? Если бы мы всюду, гдѣ видимъ жизнь, видѣли и мораль, тогда бы вопросъ былъ рѣшенъ въ пользу Гюйо; но

¹⁾ Esquisse d'une morale, p. 87.

²⁾ Ibid., p. 88

вѣдь самъ же онъ признаетъ наиболѣе вѣроятной гипотезой гипотезу „равнодушія природы“. Природа имморальна, равнодушна какъ къ добру, такъ и къ злу, и вообще примѣнять всѣ наши моральныя мѣрки къ теченію ея жизни невозможно. А между тѣмъ природа *живетъ*; Гюйо соглашается, что она есть царство причинности и причинности, значить, постоянной, давящей, т. е. обуславливающей цѣли. Однако, она аморальна. Гюйо скажетъ, что мораль—результатъ эволюціи жизни, достигшей уже извѣстнаго, довольно высокаго градуса сознательности. Но тогда такъ и надо было начинать—именно съ психологіи, а не съ біологіи; надо было изучить сознаніе и изъ него уже выводить нравственность. Потому не погрѣшимъ, если скажемъ, что примѣненіе принципа жизни къ морали страдаетъ искусственностью. Становясь на точку зрѣнія біологической безсознательности и стараясь показать въ ней источникъ нравственности, трудно избѣжать именно такого возраженія: разъ жизнь лежитъ въ основѣ природы, составляетъ фундаментъ всѣхъ реальностей, то въ этихъ реальностяхъ должны заключаться проблески, зачатки нравственности; почему же нравственность есть исключительное достояніе человека, живущаго среди аморальной природы? Или въ немъ уже иная, отличная отъ міровой, жизнь?—Не иная жизнь, скажетъ, пожалуй, Гюйо, а одна и та же жизнь, только болѣе развитая, достигшая сознанія. Тогда повторимъ, что важнѣйшее логическое правило—не умножать принциповъ. *Principia non sunt multiplicanda praeter necessitatem!*

Итакъ, видимъ, что Гюйо искусственно приложилъ понятіе жизни къ морали, къ нормативной области. Желая, однако, во что бы то ни стало держаться біологической почвы и вмѣстѣ отклонить приведенныя возраженія, Гюйо, какъ извѣстно, указываетъ на „плодовитость“ жизни; жизнь вѣдь не только питаніе и эгоистическій захватъ, а и рожденіе, отдаваніе; значить, съ біологической точки зрѣнія альтруизмъ, имѣетъ столь-же глубокіе корни, какъ и эгоизмъ, и притомъ онъ прямо таки необходимое проявленіе жизни: нельзя только вдыхать воздухъ, надо и выдыхать его. Вотъ, такимъ образомъ, источникъ нравственности.

Но и понятіе „плодовитости“ жизни у Гюйо неопредѣленно и двусмысленно. Что понимать подъ плодовитостью? Можно понимать ее какъ воспроизведеніе жизни во внѣ, можно разумѣть подъ ней развитіе внутренней интенсивности... Правда, можно вмѣстѣ съ Гюйо согласиться, что эгоизмъ не болѣе первиченъ, чѣмъ и альтруизмъ; мы полагаемъ даже (въ пользу Гюйо), что въ большей мѣрѣ эгоизмъ—приобрѣтенное чувство. Въ самомъ дѣлѣ, эгоизмъ предполагаетъ широкое знаніе цѣлей и средствъ, онъ предполагаетъ взвѣшивание и своего рода вычисленія и является прямой противоположностью инстинкта. Подчиненіе всего цѣлямъ самосохраненія требуетъ сознанія индивидомъ собственной своей цѣнности и, значитъ, является результатомъ цивилизаціи. Дикарь болѣе, чѣмъ культурный человѣкъ, подверженъ импульсу самозабвенія ¹⁾. Но если бы и согласились признать „біологическую базу“ альтруизма, все же не можемъ допустить, что въ силу этого сама жизнь альтруистична и въ своей эволюціи она порождаетъ нравственность и безкорыстіе. Чтобы показать, какъ, исходя изъ принципа жизни, изъ идеи ея плодовитости, можно придти къ радикально противоположнымъ, сравнительно съ Гюйо, выводамъ, мы сопоставимъ его съ Ницше ²⁾. Эготъ послѣдній, подобно Гюйо, исходитъ изъ идеи жизни... Заратустра говоритъ: „жизнь сама повѣрила мнѣ свою тайну. Слушайте. Она сказала: я—то, что *вѣчно стремится превзойти себя*. Вы называете это волей къ творчеству, или инстинктомъ цѣли, самой возвышенной, самой отдаленной, самой сложной; но все это одна и та же вещь и одна и та же тайна“ ³⁾. Какъ близокъ здѣсь Ницше къ Гюйо... И для него идея цѣли, внѣшней относительно субъекта, неприемлема; для нея онъ находитъ эквивалентъ въ инстинктѣ постояннаго самопреодоленія, самопре-

¹⁾ См. объ этомъ у G. Aslan „La morale selon Guyau“, éd. F. Alcan, Paris, 1906, p. 85.

²⁾ *Примѣчаніе*. Въ литературѣ есть опыты сопоставленія этихъ двухъ мыслителей нашего вѣка (Фулье „Ницше и имморализмъ“; Шварцъ, М. „Культурно-этические идеалы Гюйо и Ницше“, Вопр. Филос. и Психол., кн. 65; отчасти у Геффтдинга „Современные философы“). И въ самомъ дѣлѣ, читая одного изъ нихъ, постоянно вспоминаемъ другого.

³⁾ Фулье «Ницше и имморализмъ», СПб., 1905, стр. 50

восхожденія. Самопреодоленіе—дѣло жизни; жизнь, очевидно, оказывается движущимъ началомъ къ идеалу; превосходить себя значитъ сравнивать то, что есть, съ тѣмъ, чего еще нѣтъ, что оказывается еще цѣлью (по крайней мѣрѣ, de facto). Жизнь оказывается творцомъ цѣлей. Но высшей цѣлью Ницше, однако, почитаетъ не то, что Гюйо. Цѣлью этой является сама же наиболѣе интенсивная, полная глубокихъ и сильныхъ переживаній, жизнь. Лишь въ максимальномъ размахѣ душевныхъ колебаній, въ высшей напряженности душевной жизни и въ ея все повышающемся внутреннемъ богатствѣ видятъ Ницше единственную цѣнность человѣческой жизни. Конечнымъ идеаломъ культуры является для Ницше народненіе такого типа людей, которые будутъ проявлять эту именно интенсивность жизни, этотъ жизненный энергизмъ. Единственнымъ путемъ, ведущимъ къ этой цѣли, Ницше считаетъ естественный подборъ; но при природной неравноцѣнности людей только немногіе приблизятся къ намѣченному идеалу и самая реализація этого идеала должна быть оплачена цѣною безжалостнаго принесенія ему въ жертву всего, менѣе „интенсивнаго“. И такъ, съ точки зрѣнія Ницше интенсивность жизни, возрастающая все болѣе и болѣе, вовсе не ведетъ къ процвѣтанію альтруизма; напротивъ, чѣмъ интенсивнѣе жизнь, сосредоточенная въ извѣстномъ индивидѣ, тѣмъ этотъ послѣдній эгоистичнѣе, тѣмъ выше онъ поднимается „по ту сторону добра и зла“. Ницше, исходя изъ того же положенія, какъ и Гюйо, создалъ „мораль сверхъ-человѣка“. Оказывается, что производительность внутреннихъ способностей человѣка или прогрессирующее движеніе жизни можетъ быть удовлетворена не альтруистическими, а совершенно эгоистическими приемами—угнетеніемъ и борьбою.

Гюйо самъ сознавалъ возможность такихъ выводовъ изъ своего принципа жизни и старался реабилитироваться: „другія личности не легко поддаются угнетенію: единичная воля, стремящаяся импонировать обществу, всегда встрѣчаетъ противодѣйствіе и, въ концѣ концовъ, не можетъ остаться побѣдительницей иначе, какъ опираясь на союзниковъ, съ которыми она вновь образуетъ соціальную группу, связанную взаимнымъ

долгомъ... Деспотъ душитъ симпатичныя и интеллектуальныя стороны своего существа, то есть все, что въ немъ есть самого сложнаго и высокаго съ точки зрѣнія эволюціи. Давя другихъ, онъ, въ нѣкоторой степени, сдавлиываетъ и самого себя“¹⁾). Нѣкоторые критики²⁾ полагаютъ, что такими разсужденіями Гюйо удалось выйти изъ тѣснинъ индивидуализма и доказать несостоятельность эгоизма... Намъ же кажется, что опираясь на идею наиболѣе интенсивной жизни, нельзя никоимъ образомъ *узаконить* альтруизма и отвергать эгоизмъ. Вспомнимъ, какъ Гюйо полемизируетъ съ Бентамомъ, представляя резоны пьяницы³⁾; здѣсь можно подобнымъ же образомъ спорить и съ Гюйо, становясь на точку зрѣнія деспота. Вы говорите, что насильникъ встрѣчаетъ ожесточенное сопротивленіе другихъ людей... И пусть. Онъ увѣренъ, что достигнетъ побѣды, а побѣда всегда пріятнѣе, чѣмъ больше усилий ради нея положено; къ тому же есть натуры, которыя любятъ борьбу ради нея самой, а не ради побѣды; самъ же Гюйо говоритъ о жаждѣ риска. Вы указываете деспоту, что для жизни среди борьбы нужны союзники, а они пріобрѣтаются уступчивостью и, значить, силой альтруизма... Но Наполеонъ находилъ себѣ союзниковъ и не былъ среди нихъ какъ *inter pares*, а какъ совершенный повелитель, предъ которымъ всѣ они благоговѣли и трепетали. Вы страшаете, что деспотъ душитъ въ себѣ все лучшее и высокое и приводитъ себя къ состоянію животности; но скажите, съ точки зрѣнія той же эволюціи, что лучше, что хуже и вообще гдѣ есть истина?.. Вѣдь сами же вы говорите:

„Я вижу въ изумленьи,

„Лучъ дорогого мнѣ—и въ низкомъ преступленьи,

„И низость—въ гордости презрительной моей“⁴⁾...

Развѣ деспотъ не чувствуетъ высокой степени интенсивности жизни, развѣ самосознаніе его подавлено? И какъ

1) Гюйо. Воспитаніе и наслѣдственность, изд. цит., стр. 79.

2) См. указан. статью Шварца, Вопросы Филос. и Псих., кн. 65.

3) Гюйо. Исторія и критика современныхъ англійскихъ ученій о нравственности. СПб. 1898, стр. 254.

4) Guyau. Vers d'un philosophe (Spinoza).

сравнить, взвѣсить, кто лучше себя чувствуетъ,—скромный ли труженникъ-альтруистъ, или Наполеонъ послѣ рѣшительнаго, беспощаднаго пораженія враговъ?.. Эгоистъ, говорите вы, становится животнымъ, но вѣдь здѣсь вы впадаете въ логическій кругъ: инстинкты симпатіи и общительности могутъ быть добрыми лишь тогда, когда мы допустимъ то, о чемъ идетъ споръ, а именно,—что наиболѣе интенсивная жизнь является и наиболѣе соціальной. Вѣдь герой Ницше радуется тому, что онъ—животное; „рабамъ“ оставляетъ онъ эти старыя, „трухлявыя“ цѣнности—милосердіе, общительность, онъ презираетъ все это, презираетъ „стадо“ и хочетъ быть одинокимъ!

Итакъ, принципъ наиболѣе интенсивной жизни одинаково благопріятствуетъ и санкціи альтруизма и санкціи эгоизма. Жизнь сама по себѣ совершенно равнодушна какъ къ прекрасному, такъ къ добру и злу. Въ жизни одинаково встрѣчается и то и другое, и нѣтъ возможности различить высшее отъ низшаго, добро отъ зла. Понятіе жизни является темнымъ и двусмысленнымъ, потому что жизнь совмѣщаетъ въ своемъ единствѣ съ одной стороны механическую игру органовъ, съ другой, чувствующую активность сознанія, при чемъ еще не удалось прослѣдить съ точностью самый, такъ сказать, процессъ, переходъ одной стороны жизни въ другую. Какъ сравнить и измѣрить эти различныя стороны жизни? Можно ли научно доказать превосходство интенсивности жизни надъ ея, положимъ не интенсивною, длительностью: быть можетъ, вмѣсто *интенсивной* жизни гораздо раціональнѣе желать *долгой* жизни? Общій законъ жизни является крайне неопредѣленнымъ, закономъ измѣнчиваго равновѣсія: вѣдь жизненная активность черезъ упражненіе и расточеніе иногда увеличивается, а иногда напротивъ, умалывается, или, скорѣе, тамъ, гдѣ она въ избыткѣ, она можетъ расточаться, а гдѣ ея мало, тамъ и малѣйшая трата ея вознаградима. Вспомнимъ, какъ самъ же Гюйо говоритъ о „пылкихъ“ юношахъ и старикахъ¹⁾... Законъ жизни превосходно выраженъ словами Евангелія: „имущему дано будетъ и преизбудетъ, а отъ неимущаго и еже мнится имѣти взято будетъ отъ Него“. Что же? Имѣемъ ли

¹⁾ Esquisse d'une morale, p. 96.

мы двѣ морали—мораль сильныхъ и мораль слабыхъ? Сознаемся, что, при всей своей непослѣдовательности, въ данномъ случаѣ Ницше былъ куда послѣдовательнѣе Гюйо: „Ницше, исходя изъ принципа интенсивной жизни, именно и пришелъ къ подобному разъединенію двухъ видовъ морали. У Гюйо же мораль, „основанная на фактахъ“, становится какимъ то двуликимъ Янусомъ, говорящимъ сильному: „расточай себя, ибо ты богатъ,—въ расточеніи твое благо“ и сейчасъ же обращающимся къ слабому съ предостереженіемъ иного рода, именно: „береги свою жизненную энергію, ибо иначе тебѣ смерть“. Такъ непостоянно равновѣсіе жизни! Понятно, бѣднякъ, хилый, слабый во имя той же жизни можетъ отшатнуться отъ этого предписанія умножать свою жизнь, расточать ее; и онъ можетъ оправдаться словами самаго же Гюйо, говорящаго: „трата должна быть только возбужденіемъ жизни, а не истощеніемъ“¹⁾. Повторяемъ, понятіе жизни, на которомъ Гюйо пытается построить мораль, еще болѣе неопредѣленно, чѣмъ принципъ Бентама, принципъ „наибольшаго счастья“. Легко, конечно, сказать, что жизнь сама по себѣ альтруистична, что надо умножать жизнь, что это умноженіе совпадаетъ съ моральнымъ прогрессомъ личности, но это надо еще доказать. Слѣдуя принципу умноженія жизни, я съ одной стороны могу быть черствымъ эгоистомъ и жестокимъ деспотомъ, а съ другой, скупымъ, расчетливымъ сберегателемъ своей внутренней энергіи. Да при томъ же и самое „расширеніе жизни“, какъ мы высказали en passant, неопредѣленно: если расширять жизнь во всѣхъ направленіяхъ, то значитъ можно въ одно и то же время стремиться быть и ученымъ, и художникомъ, и коммерсантомъ, и охотникомъ, и воиномъ, и... ловеласомъ и т. д., и т. д.! Согласится ли съ этимъ Гюйо? Опять таки придется призывать на помощь „высокое и лучшее“ въ нашей природѣ, ради котораго должно трудиться, ради котораго одинъ видъ энергіи надо возвышать надъ другимъ. Короче, придется обращаться къ разуму, къ свѣту сознанія, потому что на почвѣ бессознательнаго, въ біологическомъ процессѣ

¹⁾ Ibid., p. 99.

жизни не найдемъ мы рѣшительной санкціи какого-либо одного рода поведенія. Значить, дѣло не въ жизни, а въ сознаніи.

Безсознательное и мораль—это двѣ совершенно несовмѣстимыя области. Вѣдь мораль должна предписывать, а чтобы предписывать, надо сознавать цѣнность того, что предписывается. Понятіе же цѣнности пріобрѣтается черезъ сравненіе настоящаго съ будущимъ, изъ знакомства съ перспективой цѣлей. „Какъ бы ни была широка и полна мощи жизнь сама по себѣ, но если съ ней не связано никакого сознанія и чувства удовольствія, то нельзя выставить никакого понятія цѣнности, и никакой этической выборъ и обсужденіе не могутъ имѣть мѣста“ ¹⁾. Въ сферѣ безсознательнаго все совершается по неизбѣжнымъ механическимъ законамъ. Вотъ почему, стоя на біологической почвѣ, нельзя дѣлать вмѣстѣ съ тѣмъ какія бы то ни было предписанія. Если сама жизнь творитъ нравственность, если человѣкъ не можетъ быть не нравственнымъ, какъ дерево не можетъ не цвѣсти, къ чему тогда предписанія? Можно ли рукой моментально остановить летящій на всѣхъ парахъ поѣздъ, можно ли запретить землѣ произращать злаки? Жизнь это сила, которая не слышитъ никакихъ заповѣдей и не подчиняется никакимъ предписаніямъ, кромѣ механическихъ законовъ. Такъ и слѣдовало бы оставаться Гюйо, будь бы онъ болѣе послѣдовательнымъ мыслителемъ. Разъ жизнь въ своей плодовитости вызываетъ появленіе нравственности, обуславливаетъ расцвѣтаніе альтруизма, то можетъ ли быть рѣчь о нормѣ? Однако, Гюйо обращается съ предписаніями, напр., не злоупотреблять жизненной плодовитостью, совѣтуетъ „избѣгать чрезмѣрной экспансивности жизни“ ²⁾. Почему такъ? Зачѣмъ, во имя чего останавливать жизнь? Очевидно ради нормы, ради извѣстной цѣнности. Значить, опредѣлителемъ поведенія снова выступаетъ разумъ, а не сама по себѣ жизнь. Наиболѣе интенсивная и экспансивная жизнь является для Гюйо цѣнностью. Мы видимъ, что безъ идеи нормы, безъ нѣкоего чувства долга не обходится и его научная мораль „sans obligation ni sanction“; ибо приписывать

¹⁾ Гефдингъ. Современные философы.

²⁾ Esquisse d'une morale, p. 99.

чему-либо цѣнность, значить желать этого, стремиться къ его осуществленію, чувствовать себя *обязаннымъ* начать осуществлять познанное, осуществлять эту цѣнность. А между тѣмъ, разъ нравственность выходитъ изъ нѣдръ бессознательной области, разъ она—порожденіе эволюціи, то предписывать что-либо не зачѣмъ, и самая идея нормы не нужна. Это одно изъ коренныхъ противорѣчій Гюйо: опираясь на біологію, онъ сулитъ намъ въ будущемъ аномію, а самъ никоимъ образомъ не можетъ обойтись безъ нормы. Признавать же цѣнность, значить уже до нѣкоторой степени признавать и Абсолютное, ибо цѣнности относительныя предполагаютъ существованіе цѣнности безотносительной, абсолютной.

И. Триодинъ.

ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ

п о

ХАРЬКОВСКОЙ ЕПАРХІИ.

30 Апрѣля № 8 1909 года.

Содержаніе. I. Объ взятіи журнала „Хуторъ“.— Епархіальныя извѣщенія.— Отъ Редакціи журнала „Вѣра и Разумъ“.

I.

ОБЪ ИЗДАНИИ ЖУРНАЛА „ХУТОРЪ“.

Отъ иллюстрировавшаго ежемѣсячнаго сельско-хозяйственнаго журнала „Хуторъ“, выходящаго подъ редакціей и при ближайшемъ участіи ученаго агронома Ш. Н. Елагина, на имя Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго и Ахтырскаго, поступило слѣдующее просительное обращеніе апрѣля 22 дня, 1909 г.:

„Высокопреосвященнѣйшій Владыко!

„Сельское хозяйство представляет краугольный камень матеріальнаго благосостоянія большинства населенія Россіи. Къ сожалѣнію, правильныя сельско-хозяйственныя знанія у насъ мало распространены, что и представляет одну изъ главныхъ причинъ малодоходности этого промысла. Сельско-хозяйственныя знанія всегда были нужны нашимъ мелкимъ хозяйствамъ, а теперь, когда повсемѣстно совершается переходъ отъ общиннаго къ хуторскому пользованію землею, они прямо такъ необходимы.

„Хуторъ“, вступивъ теперь въ 4-й годъ своего существованія и пользуясь успѣхомъ среди мелкихъ сельскихъ хозяевъ, получилъ довольно широкое распространеніе, что дало возможность, при сохраненіи всѣхъ ирѣжнихъ достоинствъ названнаго изданія, понизить цѣну на него до *двухъ* рублей за годъ, съ пересылкою.

Училищный Совѣтъ при Святѣйшемъ Синодѣ, журнальнымъ опредѣленіемъ отъ 9—21 минувшаго марта, за № 133, утвержденнымъ Г. Синодальнымъ Оберъ-Прокуроромъ, постановилъ:

„Ежемѣсячный иллюстрированный сельско-хозяйственный журналъ „Хуторъ“ допустить въ бібліотеки церковно-приходскихъ школъ“.

Принявъ во вниманіе, что въ подвѣдомственныхъ Вашему Высокопреосвященству церковно-приходскихъ школахъ учащіеся въ большинствѣ крестьяне, нуждающіеся въ правильныхъ сельско-хозяйственныхъ знаніяхъ, и много изъ учащихся въ этихъ школахъ также имѣютъ сопрякосновеніе съ сельско-хозяйственнымъ дѣломъ, я почтительнѣйше обращаюсь къ Вашему Высокопреосвященству съ усерднѣйшею просьбою не отказать въ распоряженіи о выпискѣ журнала „Хуторъ“ въ библіотеки и читальни при церковно-приходскихъ школахъ.

Поручая себя молитвамъ Вашимъ, искренно прошу извиненія, что утруждаю Ваше Высокопреосвященство.

Съ глубокимъ уваженіемъ, отвѣтственный редакторъ,
Коллежскій Совѣтникъ, *П. Елагинъ.*

На семъ просительномъ обращеніи резолюція Его Высокопреосвященства послѣдовала такая: 1909. Апр. 24. Можно напечатать краткое объявленіе въ ж. В. и Р. А. А.

Съ требованіемъ обращаться: С.-Петербургъ, Соляной переулокъ, д. 9—1.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢЩЕНІЯ.

1. Объ опредѣленіи на священно-церковно-служительскія мѣста.

а) Профессоръ богословія Харьковскаго университета, протоіерей Николай *Стеллежкій*, опредѣленъ 6 апрѣля настоятелемъ Антоніевской церкви при означенномъ университетѣ.

б) Сынъ діакона Стефанъ *Поповъ* опредѣленъ 6 апрѣля и. д. псаломщика къ Вознесенской церкви города Золочева, Харьков. уѣзда.

в) Сынъ псаломщика Владиміръ *Якубовичъ* опредѣленъ 8 апрѣля и. д. псаломщика къ церкви села Юрьевки, Купянскаго уѣзда.

2. О перемѣщеніи священно-церковно-служителей на другія мѣста.

а) Священники: села Мохначей, Зміевского уѣзда, Максимъ *Дубинскій* и слободы Рѣчекъ, Сумскаго уѣзда, Троицкой церкви Григорій *Бестуда* перемѣщены одинъ на мѣсто другого 10 апрѣля.

б) Священникъ Рождество-Богородичной церкви, слободы Шулякиной, Старобѣльскаго уѣзда, Николай *Залуговскій* перемѣщенъ 4 апрѣля на священническое мѣсто при церкви села Песчаного, Волчанскаго уѣзда.

в) Священники церквей: Успенской, слободы Коробочки, Зміевского уѣзда, Василій *Зеленскій* и Іоанно-Предтечевской слободы Мѣловатки, Купянскаго уѣзда, Василій *Семеновъ* перемѣщены одинъ на мѣсто другого 21 апрѣля.

г) Псаломщикъ Рождество-Богородичной церкви, слободы Масловки, Зміевского уѣзда, Николай *Иннокъвъ*, перемѣщенъ 9 апрѣля на псаломщицкое мѣсто при Вознесенской церкви, города Харькова.

3. Объ увольненіи за штатъ.

а) Священникъ Параскевѣевской церкви, села Песчаного, Волчанскаго уѣзда, Викторъ *Власовскій* уволенъ, согласно его прошенію, за штатъ 10 апрѣля.

4. О смерти среди духовенства.

а) Псаломщикъ церкви слоб. Богдановки, Старобѣльскаго уѣзда, Иванъ *Царевскій* умеръ 18 марта.

б) Діаконъ-псаломщикъ церкви села Юрьевки, Купянскаго уѣзда, Іоаннъ *Алексѣевскій* умеръ 25 марта.

5. Объ утвержденіи въ должности церковныхъ старостъ.

а) Къ Николаевской церкви, слободы Котовой, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 10 апрѣля старостою крестьянинъ Моисей *Мартавицкій*.

б) Къ Петро-Павловской церкви, слободы Петропавловки, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 10 апрѣля старостою кр. Иванъ *Андрейченко*.

в) Къ Рождество-Богородичной церкви, слоб. Великой Камышевахи, Изюмскаго уѣзда, утвержденъ 10 апрѣля старостою крестьянинъ Харлампій *Шабельникъ*.

г) Къ Владимірско-Богородичной церкви, слободы Калиповой, Купянскаго уѣзда, утвержденъ 10-го апрѣля старостою купецъ Дмитрій *Климашевъ*.

д) Къ Преображенской церкви, слободы Преображенской, Зміевского уѣзда, утвержденъ 12 апрѣля старостою крест. Григорій *Добровольскій*.

е) Къ Іоанно-Богословской церкви, слободы Тетлѣги, Зміевского уѣзда, утвержденъ 14 апрѣля старостою крестьянинъ Вукозь *Рышковъ*.

ж) Къ Архангело-Михайловской церкви, слободы Лимана, Зміевского уѣзда, утвержденъ 15 апрѣля старостою крест. Петръ *Тищенко*.

з) Къ Вознесенской церкви, слободы Никольско-Екатериновки, Волчанскаго уѣзда, утвержденъ 16-го апрѣля старостою князь Александръ *Вадбольскій*.

6. Объ утвержденіи и. д. псаломщиковъ въ должности.

а) И. д. псаломщика Архидіаконо-Стефановской церкви, села Бѣлянскаго, Изюмскаго уѣзда, Иванъ *Ганзера* утвержденъ 10-го апрѣля въ должности псаломщика.

б) И. д. псаломщика церкви слоб. Макортетной, Старобѣльскаго уѣзда, Григорій *Поликарповъ* утвержденъ 14-го апрѣля въ должности псаломщика.

в) И. д. псаломщика Митрофаніевской церкви, слободы Куземовки, Купянскаго уѣзда, Іоаннъ *Литовка* утвержденъ 15 апрѣля въ должности псаломщика.

7. Объ утвержденіи должностныхъ лицъ.

а) Священникъ церкви слободы Лямана, Изюмскаго уѣзда, Феодоръ *Бородаевъ* назначенъ 19 апрѣля благочиннымъ 2 округа того же уѣзда, на мѣсто состоявшаго въ сей должности священника *Понировскаго*.

б) Священникъ церкви села Кантакузова, Валковскаго уѣзда, Владиміръ *Поповъ* назначенъ вторымъ помощникомъ Харьковскаго епархіальнаго миссіонера съ 1 мая, на мѣсто состоявшаго въ сей должности Григорія *Щелчкова*.

8. Вакантныя мѣста.

а) Священническія.

При Вознесенскомъ молитвенномъ домѣ, хутора Кряковки, Старобѣльск. у.
— Захаріевской церкви, села Кантакузова, Валковскаго уѣзда.

б) Діаконскія.

При Преображенской церкви на мѣстѣ чудесн. событія 17 октября 1888 г.

и б) Псаломщическія.

При Рождество-Богородичной церкви, сл. Масловки, Зміевскаго уѣзда.
— Покровской церкви, слоб. Большой Писаревки, Богодухов. уѣзда.
— Рождество-Богородичной церкви, слоб. Ново-Россоши, Старобѣльск. уѣзда.

ОТЪ РЕДАКЦИИ ЖУРНАЛА „ВѢРА И РАЗУМЪ“.

По распоряженію Высокопреосвященнаго Арсенія, Архієпископа Харьковскаго и Ахтырскаго, редація журнала „Вѣра и Разумъ“ печатаетъ въ текущемъ году литературный трудъ подъ заглавіемъ: „Обзоръ русскихъ сектъ и ихъ толковъ“, какъ пособіе или руководство для духовенства мѣстной епархіи въ его современной борьбѣ съ усиленною пропагандою нашихъ сектантовъ. Капитальный трудъ этотъ, написанный по предложенію и благословенію Высокопреосвященнаго, принадлежитъ перу Епархіальнаго Миссіонера, Доктора Богословія и Члена Государственнаго Со-

вѣта, протоіерея Т. И. Буткевича. По самому содержанию своего предмета, трудъ этотъ является въ настоящее время не только капитальнымъ, но и весьма благовременнымъ и по необходимости обширнымъ. Именно эта благовременность и обширность его, въ виду желанія многихъ нашихъ читателей поскорѣе познакомиться съ нимъ, побуждаетъ редакцію, начиная съ двухъ майскихъ книжекъ журнала, соединять двѣ одномѣсячныя книжки въ одну, что даетъ редакціи возможность окончить печатаніе этого труда въ возможно скорѣйшій срокъ, не перенося печатаніе къ слѣдующему году. При такомъ рѣшеніи редакція надѣется окончить печатаніе этого труда въ мѣсяцъ сентябрѣ или октябрѣ, безъ нарушенія программы журнала,—а затѣмъ снова возвратится къ выпуску двухъ мѣсячныхъ книжекъ журнала въ каждый послѣдующій мѣсяцъ.

Редакція.

II.

Содержаніе. I. Современное гоненіе. *Свят. I. З. Г—на.*—Виновато-ли духовенство. (Окончаніе). *Священникъ Николай Загоровскій.*—Миссіонерскій листокъ.—Открытіе миссіонерскаго кружка въ слоб. Качаловеѣ, Богодуховскаго уѣзда.—Открытіе братства при Рождество-Богородичной церкви г. Валокъ. *В. И. Чернцова.*—Епархіальная хроника.—Архіерейскія богослуженія.—Неврологъ. *Василій Дмитріевичъ Шишовъ.*—Иноепархіальный отдѣлъ.—Къ вопросу объ автономіи духовныхъ академій.—Казанскій епархіальный съѣздъ.—Кіевскій Епархіальный свѣчной заводъ.—Кѣшиневскій епархіальный съѣздъ.—Разныя извѣстія и замѣтки.—Благое начинаніе.—Чудо двадцатаго вѣка: телефоно-телеграфъ.—Съвѣдѣніе.—Объявленія.

СОВРЕМЕННОЕ ГОНЕНІЕ.

Въ газетѣ „Южн. Кр.“, № 9598, въ отдѣлѣ мѣстной хроники, была помѣщена замѣтка „къ назначенію законоучителей“. Въ ней говорится, что „въ одномъ изъ уѣздовъ Харьковской губерніи инспекторъ народныхъ училищъ отказалъ священнику въ удовлетвореніи просьбы его о назначеніи законоучителемъ въ народное училище на томъ основаніи, что образовательный цензъ его ниже требуемаго для преподавательскаго персонала народнаго училища, такъ какъ батюшка учился только въ духовномъ училищѣ и первыхъ классахъ семинаріи. Тогда священникъ съ такой-же просьбой обратился непосредственно къ епархіальной власти, рассказавъ о нежеланіи инспектора назначить его законоучителемъ. Священ-

никъ былъ назначенъ помимо инспектора, который сообщилъ объ этомъ уѣздной управѣ; послѣдняя рѣшила не выдавать этому законоучителю вознагражденія“...

Уѣздъ, въ которомъ произошло это явленіе, близкій къ Харькову уѣздъ и поступокъ инспектора давно сдѣлался предметомъ провинціальной молвы. Мы имѣемъ цѣлью взглянуть на дѣйствіе г. инспектора „одного изъ уѣздовъ“ принципиально, чтобы видѣть, — послѣдователенъ-ли онъ, какъ начальникъ, въ своихъ постановленіяхъ и не видно-ли въ данномъ случаѣ пристрастія и придирчивости въ отношеніи къ священнику со стороны школьнаго начальства?

Инспекторъ мотивировалъ свой отказъ въ назначеніи священника законоучителемъ тѣмъ, что „образовательный цензъ его ниже требуемаго для преподавательскаго персонала народныхъ училищъ“. Если такъ, то слѣдовало-бы лишить правъ законоучительства всѣхъ священниковъ, не обладающихъ, по заявленію инспектора, образовательнымъ цензомъ...

Далѣе, инспектору прекрасно извѣстно, что по статистикѣ земствъ въ Харьковской губерніи среди народныхъ учителей болѣе 40% лицъ, не обладающихъ „образовательнымъ цензомъ, требуемымъ „для персонала народныхъ училищъ“. Есть учителя изъ городскихъ и уѣздныхъ училищъ, изъ прогимназій, епархіальныхъ, юнкерскихъ и др. учебныхъ заведеній; много и такихъ, которые побывали только въ томъ или другомъ училищѣ.

Въ частности, въ „одномъ изъ уѣздовъ“ среди учащихся около 70% не получившихъ спеціального образованія, значить только терпимыхъ. Почему же г. инспекторъ не лишаетъ ихъ занимаемой должности, исходя изъ того соображенія, какое примѣнено имъ къ священнику? Равный съ этими учителями отсутствіемъ школьнаго „диплома“, священникъ имѣетъ другой — высшій дипломъ — „ставленную грамоту“ отъ епископа, удостоверяющую его способность быть пастыремъ, духовнымъ отцомъ, наставникомъ, не только школьниковъ, но и ихъ родителей и даже самого г. инспектора.

Теперь посмотримъ на образовательный цензъ самихъ инспекторовъ: много-ли среди нихъ лицъ, получившихъ спеціаль-

ное образованіе и прошедшихъ всю педагогическую лѣстницу? Очень мало... Должность инспектора ввѣряется нерѣдко лицамъ случайнымъ, пришедшимъ только лишь кормиться отъ земскаго пирога: то среди инспекторовъ народныхъ училищъ появляется разочаровавшійся миссіонеръ, то докторъ медицины, то бывший ветеринаръ.. Всѣми земствами давно указывается, какъ на самое больное мѣсто въ ихъ сложномъ организмѣ,—на недостатокъ спеціально подготовленныхъ инспекторовъ и учителей. Этого общаго явленія не избѣгли и мы: оно обуславливается отчасти недостаткомъ у насъ спеціальныхъ педагогическихъ училищъ, отчасти необеспеченностью учительской должности, — почему на эту должность идетъ только одинъ „отсѣвъ“, тѣ кто остался за флагомъ дѣловой конкуренціи...

Съ практической стороны—часто случается, что учитель и законоучитель, не обладающіе требуемымъ образовательнымъ цензомъ, бываютъ гораздо лучше и усерднѣе своихъ коллегъ съ должнымъ образованіемъ,—и если дѣло не страдаетъ отъ того, что священникъ не окончилъ семинаріи, то онъ допустимъ наравнѣ съ прочими.

Педагогическое дѣло народныхъ училищъ страдаетъ болѣе всего отъ того, что сами инспектора не обладаютъ достаточной педагогической подготовкой, что среди нихъ мало людей идейныхъ, съ широкой инициативой, опытныхъ руководителей, талантливыхъ, зарекомендовавшихъ себя педагогическими трудами,—они сами идутъ учиться на службѣ; а вѣдь наука на много сократила бы имъ опыты быстро текущей жизни"... Много-ли среди современныхъ инспекторовъ училищъ Ушинскихъ, Тихомировыхъ, Рачинскихъ?..

Упомянемъ еще о томъ, что роль священника въ народной школѣ; главнымъ образомъ, воспитательная. Онъ долженъ, сообщая дитяти главныя истины христіанскаго вѣро-и правоченія, заложить въ юной душѣ тотъ фундаментъ, на которомъ бы нормально развивалась его духовно-нравственная жизнь,—онъ долженъ дать доброе направленіе волѣ и чувствамъ дитяти. Для выполненія этой задачи развѣ непременно требуется спеціальное образованіе. Моральное вліяніе не обу-

слосливается паличностью диплома,—это есть индивидуальное качество, и, быть можетъ, священникъ, изгнанный изъ школы г. инспекторомъ,—лучшій воспитатель, цѣннѣе для школы, чѣмъ студентъ семинаріи изъ красныхъ. неустойчивый въ убѣжденіяхъ, или даже порочной жизни.

Можетъ быть, этотъ священникъ воспиталъ въ христіанскомъ духѣ нѣсколько поколѣній, пользуется авторитетомъ въ приходѣ,—и вдругъ инспекторъ по какому то наитію считаетъ его неспособнымъ пройти съ учениками исторію о Каинѣ и Авелѣ и конфузить на всю губернію.

Курьезнѣе всего въ поступкѣ инспектора то, что, удаляя священника отъ заочительства, онъ все таки поручить эту обязанность кому нибудь—часто учителю, или учительницѣ. Выигрываетъ ли отъ этого дѣло? Конечно, нѣтъ, скажемъ мы на основаніи опыта. Познанія ихъ въ этой области несравненно ограниченнѣе, чѣмъ у священника, не окончившаго семинарію. Къ этому еще нужно прибавить опасность за религіозно-нравственное направленіе учащихъ, ввѣряемыхъ водителству земскихъ учителей.

Можетъ быть, извѣстно г. инспектору „одного изъ уѣздовъ“, что именно у него ученики исполняли инспектору „мы жертвою пали“; что среди учителей есть административно ссыльные, не говѣющіе для примѣра дѣтей и т. п.

Будемъ надѣяться, что высшее начальство поставитъ на видъ г. инспектору „одного изъ уѣздовъ“ нецѣлесообразность его поступка со священникомъ, остановитъ его частую придирчивость къ духовенству въ самомъ бюрократическомъ духѣ, исходя изъ того соображенія, что между работниками на нивѣ народнаго образованія долженъ быть миръ и согласіе.

Вѣдь неоспоримый фактъ, что русское духовенство, на протяженіи всей многовѣковой исторіи нашего отечества, сдѣлало для народнаго образованія больше, чѣмъ ярый инспекторъ, „отъ насъ исшедшій, но не съумѣвшій скрыть своего отвращенія къ „попамъ“.

Свящ. І. З. Г.—нз.

ВИНОВАТО ЛИ ДУХОВЕНСТВО.

(Окончаніе *).

Такимъ образомъ, ясно видно, что говорятъ о пастыряхъ церкви недобрѣя рѣчи преимущественно люди маловѣрующіе въ Бога или совсѣмъ невѣрующіе, враги церкви православной, „ненавистники имени Христова“, и говорятъ безспорно для того, чтобы подорвать уваженіе къ духовенству среди православно-вѣрующаго народа, чтобы поколебать довѣріе, любовь, послушаніе и уваженіе въ народъ прежде всего къ пастырямъ, какъ учителямъ вѣры и ближайшимъ наставникамъ народа, а потомъ, чтобы вырвать изъ сердца народа и совѣсть вѣру въ Бога, вытравить изъ народной души все святое, чѣмъ жила доселѣ русскій православный народъ, во что цѣлыя вѣка съ умиленіемъ вѣрили, что глубоко любили, предъ чѣмъ благоговѣли и поклонялись; говорятъ о пастыряхъ въ наши дни недобрѣя рѣчи пропозыдники социализма и съ тою цѣлю, чтобы тѣмъ легче было имъ повести народъ русскій по кровавому и безбожному пути революціи, низвергнуть существующій въ Россіи государственный строй и ненавистную имъ Православную Церковь и самимъ захватить въ свои руки власть надъ народными массами...

Православное духовенство во вѣсѣхъ ихъ лжѣ-обвиненіяхъ невиновато...

Въ самомъ дѣлѣ, неужели же справедливо, будто-бы пастыри церкви,—какъ ложно говорятъ социалисты,—„цѣлыя вѣка держали и держатъ народъ въ угнетеніи и рабствѣ, въ отдаленіи отъ истиннаго просвѣщенія, что пастыри церкви враги народнаго благополучія и счастья“?.. Гдѣ доказательства, гдѣ факты?.. Кажется, ничего нѣтъ легче, какъ назвать человѣка невиннаго виноватымъ или голословно обозвать его воромъ, разбойникомъ, тяжкимъ преступникомъ... Но будетъ-ли это справедливо? Нѣтъ, пусть безпристрастно, по совѣсти скажетъ объ этомъ самъ народъ, пусть засвидѣтельствуетъ исторія прошлаго и настоящаго жизни русскаго народа; а эта жизнь народная красно-

*1 См. ж. „В. и Р.“, отд. „Извѣстій“ № 3 за 1909 г.

рѣчивѣ всякихъ словъ говоритъ именно лишь о томъ, что всю тысячелѣтнюю исторію государства Россійскаго пастыри церкви не только никогда не были „врагами русскаго народа и его благополучія и счастья“, а, наоборотъ, всегда являлись самыми усердными и, можно сказать, безкорыстными дѣятелями и вдохновителями на пользу родного православно-русскаго народа, на пользу дорогого отечества... Своимъ нравственнымъ авторитетомъ, своимъ пастырскимъ словомъ, за которое теперь укоряють насъ соціалисты, и своей высоко-патріотической преданностію Престолу и Отечеству пастыри церкви всегда неизмѣнно ратовали за спасеніе народа и честь Руси: и въ тяжкій удѣльный періодъ вѣчевыхъ раздоровъ и междуусобицъ, и въ смутное время, извѣстное подъ именемъ лихолѣтя... Съ первыхъ же дней Исторіи Русскаго государства и до нашего времени православное пастырство всегда стояло за самобытность и величіе Россіи и русскаго народа, всегда радовалось его радостями и скорбѣло его печалями и съ любовію и готовностію всегда несло на алтарь отечества свои нелегкіе труды на то, чтобы сплотить разноплеменную Русь въ одну дружную, великую семью, содѣйствовать ея росту, процвѣтанію, силѣ и могуществу и возстановить и укрѣпить на Руси Царскую власть отъ древняго русскаго корня... Имена великихъ святителей Петра, Θεогноста, Алексія, Іова, Гермогена, Филиппа и многое множество другихъ именъ православныхъ пастырей, посвятившихъ свои силы, здоровье и жизнь на благо русской земли и русскаго народа, золотыми буквами записаны на страницахъ Исторіи Государства Россійскаго и особенно на скрижаляхъ сердецъ православно русскихъ людей! . А упоминать-ли еще о тѣхъ непрестанныхъ, безкорыстныхъ и нелегкихъ трудахъ православнаго духовенства, направленныхъ единственно „на благо и счастье русскаго народа“, которые оно всегда несло и несетъ по организаціи, открытію и поддержкѣ въ православно-русскомъ народѣ,—(гдѣ то, конечно, требуется неотложными нуждами народной жизни),—всѣхъ этихъ православныхъ братствъ, миссіонерскихъ кружковъ и содружествъ ревнителей св. православной вѣры и благочестія, благотворительныхъ церковно-приходскихъ попечительствъ, об-

щество народной трезвости, патриотическихъ союзовъ, различныхъ „обителей христіанскаго милосердія“, развивающихъ и поддерживающихъ частную, приходскую и общественную благотворительность, и проч. и проч. трудахъ и заботахъ?.. Наши „неправедные судьи и жестокіе обвинители“ въ лицѣ социаллистовъ и сектантовъ не признаютъ ихъ или вѣрнѣе умышленно замалчиваютъ о нихъ всякій разъ, когда они выставляютъ въ періодической свѣтской прессѣ одни нравственные недостатки православнаго духовенства, да и то по большей части въ преувеличенномъ, искаженномъ или завѣдомо ложномъ свѣтѣ; но всѣ эти труды православнаго духовенства видятъ и знаютъ и могутъ о нихъ засвидѣтельствовать всѣ отдаленнѣйшіе—и глухія деревушки, и хуторки Руси святой, отрѣзанные отъ культуры и свѣта жизни, гдѣ скромные труженики—пастыри церкви являются единственными, просвѣщенными „дѣлателями на жатвѣ Божіей“, гдѣ подъ руководствомъ своихъ архипастырей они неустанно работаютъ, воздѣлывая „Божью ниву“!.. Неправду говорятъ социаль-революціонеры, будто пастыри церкви были всегда „угнетателями русскаго народа и цѣлые вѣка держали его въ рабствѣ“; тысячелѣтняя исторія русскаго государства опять ясно свидѣтельствуетъ, что во всѣ времена пастыри церкви и пасомые, какъ отцы духовные и дѣти, вмѣстѣ молились и плакали за землю русскую, вмѣстѣ терпѣли всѣ невзгоды и бѣдствовали, голодали и страдали и *вмѣстѣ подчинялись, нѣкогда бывшему, суровому помѣщичьему праву, въ такъ называемое „крѣпостное время“*; да и до нынѣ въ огромномъ числѣ русскихъ селъ и деревень пастыри и пасомые вмѣстѣ трудятся, „работая, по слову апостола, своими руками“ (1 Коринѣ. 4,—12) на одной и той же землѣ и по обстановкѣ жизни мало различаются другъ отъ друга ¹⁾... И до нынѣ русскій народъ несетъ къ пастырямъ церкви, какъ къ своимъ предстоятелямъ и молитвенникамъ, какъ къ своимъ ближайшимъ совѣтникамъ, наставникамъ и руководителямъ на

¹⁾ Не такъ давно, напримѣръ, въ газетныхъ сообщеніяхъ мы читали извѣстіе о томъ, что въ одной изъ сѣверныхъ губерній одинъ пастырь церкви *скончался въ полѣ за сохою*, во время труда своего надъ обработкой кормилицы—земли!..

пути ко спасенію, и сокровенныя, вѣдомыя Единому Судіи Богу, болѣзни своей души, и вопли и стоны невзгодъ жизни семейной и общественной... Гдѣ же тутъ „угнетеніе и рабство“?!...

Неправда, наконецъ, и то, будто бы пастыри церкви держали и держатъ русскій народъ вдали отъ истиннаго просвѣщенія... Издревле, съ самыхъ первыхъ временъ появленія на Руси христіанства, церковь въ лицѣ своей іерархіи была единственнымъ проводникомъ образованія въ среду народа. Служители церкви были излюбленными учителями народа; при ученіи употреблялись книги исключительно церковныя. И долго на святой Руси не знали иного просвѣщенія, кромѣ церковнаго, иной книги, кромѣ богослужебной... Князь и весь народъ признавали за церковь и духовенствомъ безусловное право руководства народнымъ образованіемъ, а духовенство, въ свою очередь, исторически оправдало это довѣріе. Оно хранило школу народную подъ покровомъ церкви православной и сохранило ее и въ тяжелый періодъ татарскаго нашествія, и въ удѣльное время, и въ періодъ смутнаго времени; и не только сохранило, но постоянно развивало и укрѣпляло ее вплоть до 18 вѣка ¹⁾...

Къ сожалѣнію, наступившая въ 18 в. эпоха новыхъ вѣяній была порою увлеченій западнымъ либерализмомъ и духовенство мало-по-малу было отстранено отъ участія въ дѣлѣ народнаго образованія...

Но, вотъ, 13 іюня 1884 года, въ царствованіе Императора Александра Александровича III-го, съ высоты престола вновь раздался голосъ Царя, призывающій духовенство стать во главѣ народнаго образованія; утвердивъ „Правила о церковно-приходскихъ школахъ“, Государь Императоръ Александръ III на докладѣ Оберъ-Прокурора Святѣйшаго Синода собственноручно начерталъ: „Надѣюсь, что приходское духовенство окажется достойнымъ своего высокаго призванія въ этомъ важномъ дѣлѣ“... Знаменательныя слова!... Они были причиной того, что трудами православнаго духовенства возродились и ожили на Руси церковно-приходскія школы и у дѣла народ-

¹⁾ Сообщаемъ эти свѣдѣнія по статьѣ В. О. Давиденко о церк.-прих. школахъ за ихъ двадцатилѣтній періодъ.

наго образованія вновь стало духовенство... И надо быть слѣпымъ, чтобы не видѣть, какъ въ наши дни пастыри церкви несутъ нелегкіе труды по религіозно-нравственному просвѣщенію русскаго народа и по обученію дѣтей его урокамъ вѣры, Закона Божія и нравственности въ тѣхъ многочисленныхъ министерскихъ, земскихъ и особенно церковно-приходскихъ училищахъ, кои словно звѣзды мерцаютъ, разсѣянные по обширному лицу русской земли.. Статистическія свѣдѣнія, собранныя за одинъ только двадцатилѣтній періодъ существованія церковно-приходскихъ школъ, вызванныхъ къ жизни трудами духовенства на пользу просвѣщенія русскаго народа, говорятъ, напримѣръ, что въ 1894 году въ 29,796 церковно-приходскихъ школахъ уже было учащихся 917,442; а въ 1899 году число это возрасло и еще больше, ибо насчитывалось уже 38,468 училищныхъ зданій. При 11356 церк.-приходскихъ школахъ велись религіозно-нравственные и воскресно-повторительныя чтенія и занятія; бесплатнымъ обученіемъ дѣтей Закону Божию занимались 27,269 священниковъ, 1758 діаконівъ и 390 псаломщиковъ ¹⁾... Помимо обученія главнымъ предметамъ школьнаго курса въ церковно-приходскихъ школахъ, подъ руководствомъ пастырей, преподавались и преподаются практически и пчеловодство, огородничество, садоводство; изъ ремесель: столярно-токарное, слесарно-кузнечное, переплетное, сапожное и шорное, портняжное, плетеніе корзинъ и проч.. И вотъ, благодаря этимъ простымъ по своей организаціи, дешевымъ по содержанію и желаннымъ для русскаго народа по церковно-просвѣтительному направленію церковно-приходскимъ школамъ, руководимымъ трудами и заботами пастырей церкви, можно сказать, въ самыя отдаленныя

¹⁾ По статистическимъ даннымъ за 1905 г. видно, что въ настоящее время церковныхъ школъ имѣется 48842 съ 1,924,720 учащихся. Изъ нихъ 18 церковно-учительскихъ съ 1,141 учащихся, 416 второклассныхъ съ 21,191 учащихся, 602 двуклассныхъ съ 69,514 учащихся, 24,687 одноклассныхъ съ 1,284,768 учащихся и 18,118 школъ грамоты съ 548,111 учащихся... Въ числѣ учащихся лицъ въ церковныхъ школахъ въ должности законоучителей числится 44,588 и въ должности учителей членовъ прятча 5,929.. На устройство и содержаніе всѣхъ церковныхъ школъ за періодъ времени съ 1884—1905 г. было получено всего 145,810,692 руб., изъ нихъ духовенствомъ изыскано и привлечено на нужды просвѣщенія 70,196,980 рублей.

ніяхъ за Христа; ибо, когда я немощенъ, тогда силенъ" (2 Коринѣ. 12,—10)... А св. ап. Петръ взываетъ: „Возлюбленные! огненного искушенія, для испытанія вамъ посылаемого, не чуждайтесь, какъ приключенія для васъ страннаго; но какъ вы участвуете въ Христовыхъ страданіяхъ, радуйтесь, да и въ явленіе славы Его возрадуетесь и восторжествуете. Если злословятъ васъ ва имя Христово, то вы блаженны, ибо Духъ славы, Духъ Божій почиваетъ на васъ; тѣми Онъ хулитъ, а вами прославляется. Только бы не пострадалъ кто изъ васъ, какъ убійца, или воръ, или злодѣй, или какъ посягающій на чужое; а если какъ Христіанинъ, то не стыдись, но прославляй Бога за такую участь"... (1 Петр. 4; 12—16)!...

Священникъ Николай Загоровскій.

МИССИОНЕРСКІЙ ЛИСТОКЪ.

ОТКРЫТІЕ МИССИОНЕРСКАГО КРУЖКА ВЪ СЛОБ. КАЧАЛОВКЪ БОГОДУХОВСКАГО УѢЗДА.

25 марта въ слободѣ Качаловкѣ состоялось открытіе Миссіонерскаго кружка. На открытіе прибыли изъ г. Краснокутска Земскій Начальникъ А. Н. Гарденинъ, Становой Приставъ С. З. Астафьевъ-Аврусакъ, ветеринарный врачъ Е. Е. Засядко, Инспекторъ городского училища И. А. Древалюковъ, свящ. о. Іоаннъ Ѳедоровъ и мѣстный житель потомственный дворянинъ П. Л. д'Омонъ. Въ концѣ литургіи мѣстнымъ священникомъ сказано было поученіе, въ которомъ присутствовавшимъ была выяснена цѣль учрежденія кружка. Проповѣдникъ указалъ слушателямъ на то, что самъ пастырь, по множеству дѣлъ и по слабости человѣческихъ силъ, при самомъ ревностномъ отношеніи къ своимъ обязанностямъ не можетъ безъ посторонней помощи во всей полнотѣ исполнить долгъ наученія cada своего духовнаго чада истинамъ вѣры, не можетъ быть одновременно въ необходимые моменты во всѣхъ концахъ обширнаго прихода и всюду увѣщаніями, напоминаніями и религіозными чтеніями возжигать огонекъ твердой и глубокой

вѣры въ Бога; затѣмъ, напомнивъ имъ повелѣніе Апостола всѣмъ христіанамъ увѣщавать другъ друга и назидать одинъ другого (1 Сол. 5, 11), указалъ, что всѣ они должны оказать посильную помощь пастырю въ этомъ святомъ дѣлѣ; призывалъ ихъ воспрянуть отъ духовнаго сна, ревностно заняться изученіемъ истинъ православной вѣры и дружно пойти по пути нравственнаго самоусовершенствованія. Кружокъ долженъ явиться двигателемъ религіозно-нравственнаго совершенствованія въ приходѣ, изыскивая способы для достиженія намѣченной цѣли и необходимыя для этого матеріальныя средства. Кроме того, члены кружка должны считать своей священной обязанностію возвышать свой голосъ противъ всѣхъ дѣйствій, которыми хулится имя Божіе и позорится званіе православнаго христіанина. Къ нимъ обращается проповѣдникъ съ увѣщательными словами Апостола: „вразумляйте безчинныхъ“ и просить своихъ духовныхъ чадъ смотрѣть на членовъ кружка, какъ на свою совѣсть, имѣющую право обличать насъ въ недобрыхъ дѣлахъ. По окончаніи поученія присутствовавшіе были приглашены пожаловать въ церковную школу, гдѣ прежде всего было совершено краткое молебствіе, а затѣмъ священникомъ предложено было почетнымъ гостямъ сказать нѣсколько словъ въ общее назиданіе. Первая рѣчь была сказана г. Земскимъ Начальникомъ. Рѣчь его была очень обширна, много-содержательна и по содержанию своему очень интересна. Представитель христіанской власти, отрекомендовавшій себя передъ слушателями рядовымъ вѣрующимъ христіаниномъ, усиленно подчеркивалъ то обстоятельство, что взаимное неудовольствіе между людьми, зависть, ссоры и тяжбы происходятъ вслѣдствіе слабости у насъ истинной вѣры, и что это мало-вѣріе дѣлаетъ душевное состояніе людей еще хуже, вдвое безотраднѣе; указывалъ на евангельское благовѣстіе, какъ отраднѣе и сладостный свѣточъ въ темной безднѣ нашей грѣховной жизни, путеводительству котораго надо отдаться безъ всякихъ сомнѣній и колебаній, отдать ему все свое вниманіе, подобно тому, какъ находящіеся въ бурномъ морѣ среди ночной мглы всѣмъ своимъ существомъ приковываются къ свѣту маяка, находящагося въ гавани; призывалъ въ немъ одномъ

(Евангеліи) видѣть надежду своего спасенія и залогъ полученія духовнаго покоя и блаженства еще на землѣ, согласно обѣщанія Самого Христа: „Приидите ко Мнѣ всѣ трудящіеся и обремененные, и Я упокою васъ“. Ораторъ указалъ попутно и на то, что тогда какъ вѣра и послушаніе Евангелію даетъ покой страждущему человѣку, невѣріе и возстаніе противъ Бога находятъ себѣ грозную небесную кару, чему служитъ яркимъ доказательствомъ гибель Мессины, жители которой допустили у себя страшное кощунство надъ религіей. Поздравленіе съ открытіемъ кружка, обращенное къ народу, вызвало дружный хоръ голосовъ, выразившихъ благодарность оратору и за его глубокопоучительную рѣчь, и за поздравленіе. Затѣмъ сказалъ краткую рѣчь ветеринарный врачъ Е. Е. З. Могучая фигура старца, его добродушное лицо и задушевный голосъ вызвали на лицахъ слушателей отпечатокъ особеннаго довѣрія и умиленія. Ораторъ обратилъ вниманіе присутствовавшихъ на то, что съ учрежденіемъ кружка прихожане пріобрѣтаютъ возможность въ задушевной бесѣдѣ съ священникомъ во время внѣбогослужебныхъ чтеній своевременно выяснять для себя всѣ тяжелые вопросы, гнетущіе ихъ душу. На поздравленіе съ открытіемъ кружка всѣ дружно откликнулись словами благодарности. Послѣ этого прочелъ рѣчь Становой Приставъ С. Астафьевъ. Звонкій голосъ оратора, отчетливая, властная рѣчь, исполненная силы и достоинства, о существующемъ въ данномъ приходѣ упадкѣ добрыхъ христіанскихъ нравовъ, сказанная притомъ же носителемъ наказующей и милующей власти, производила довольно определенное впечатлѣніе и глубоко западала въ душу. Смотря на этихъ двухъ ораторовъ, г.г. Г. и А., нельзя было не подумать: „вотъ истинно власть, „не безъ ума“ носящая мечъ, честная и твердая отмстительница творящимъ злое“. И это выступленіе представителей власти въ роли защитниковъ вѣры и ея добрыхъ слугъ, этотъ горячій призывъ къ послушанію вѣрѣ въ устахъ лицъ, которые обыкновенно проявляютъ только холодность къ ней, это пожертвованіе свободнымъ отъ государственной службы часомъ для службы Богу вызвало въ душѣ глубокое изумленіе, а вмѣстѣ съ тѣмъ рождало въ глубинѣ ея благодарность

и молитву о благословеніи Божіемъ на этихъ единственныхъ въ своемъ родѣ представителей истинно-христіанской власти. Затѣмъ краткую рѣчь привѣтственнаго характера сказалъ И. А. Древалюковъ, а послѣ него о. Іоаннъ Ѳедоровъ прочелъ многія мѣста Свящ. Пис., предостерегающія христіанъ отъ увлеченія ложными ученіями. Послѣ этого присутствовавшіе были приглашены записаться въ члены кружка. Всѣ почетные гости обратились къ прихожанамъ съ просьбой принять ихъ, какъ рядовыхъ братчиковъ, и, получивъ согласіе, вписали свои имена въ число членовъ кружка. Всѣхъ записавшихся оказалось 37 человекъ.

Въ заключеніе мѣстный священникъ обратился къ оставшимся членамъ кружка съ краткой рѣчью, въ которой сказалъ, что вся дѣятельность кружка будетъ громкимъ призывомъ къ желающимъ участвовать въ духовномъ брачномъ торжествѣ, отъ котораго, къ сожалѣнію, многіе будутъ отказываться, подобно упоминаемому въ притчѣ Христа званымъ на вечерю (Лук. 14, 16—24). Но члены кружка всѣмъ таковымъ должны выяснить, что пренебрегающіе этимъ призывомъ на духовную вечерю лишатся участія въ небесной вечерѣ, ибо какъ земля, не обрабатываемая руками земледѣльца, зарастаетъ кустарникомъ, такъ и душа, не пользующаяся духовнымъ наставленіемъ, произрастаетъ одно терніе и волчцы и недостойна Царствія Божія. Онъ, пастырь, по невозможности узнать всѣ мѣста, гдѣ собираются его духовныя чада, и по недостатку времени для личнаго назиданія каждаго брата, поручаетъ членамъ кружка попеченіе о ихъ братіяхъ и молить ихъ приложить все стараніе къ тому, чтобы привлечь вниманіе и расположеніе братій къ дѣятельности кружка. „Проявите святую ревность и твердость въ этомъ дѣлѣ; пойдите къ домамъ безпечныхъ и ждите ихъ у дверей, и когда увидите ихъ входящими на непотребныя дѣла, умоляйте ихъ притти на наши собранія и послушать насъ. Пусть они будутъ спорить, пусть представляютъ тысячи отговорокъ, не уступайте имъ и влеките ихъ сюда; убѣдите ихъ, что всякое житейское дѣло ихъ будетъ Богу пріятнѣе, если они первоначально душу свою напитаютъ божественными глаголами. Помните, закончилъ

священникъ, что не мнѣ одному, но и вамъ сказалъ Апостоль: „созидайте другъ друга“ (1 Сол. 5, 11). Велика будетъ награда пекущимся о братьяхъ и весьма велико наказаніе небрегающимъ о ихъ спасеніи“. Послѣ сего присутствующими была пропѣта молитва „Достойно есть“, чѣмъ и закончилось торжество.

На 2-й день Пасхи отъ имени Совѣта Кружка священникомъ было прочитано прихожанамъ воззваніе, въ которомъ выяснялась программа дѣятельности Кружка. Совѣтъ кружка поставилъ своею цѣлю пріобрѣсти 164 книжки П. Никольскаго, выясняющія истины православной вѣры, и раздать ихъ въ различные хутора прихода, купить стереоскопъ съ картинами религіознаго характера и туманныя картины на всю Библию для устройства чтеній съ волшебнымъ фонаремъ. Сборъ вслѣдствіе неурожая и обѣдненія населенія далъ всего 4 р. 86 к. Но скоро злонамѣренная рѣчь одного богатаго четовѣка, направленная противъ вышеуказанныхъ добрыхъ стремленій, уничтожила благосклонное отношеніе народа къ намѣреніямъ кружка, и пожертвованія прекратились. Вѣрно слово Апостола, что „антихристъ придетъ и теперь появилось много антихристовъ (1 Іоан. 1, 18)“. Эти слуги антихриста, имѣющаго явиться передъ кончиной міра, чтобы отвлечь людей отъ поклоненія Христу, и нынѣ, какъ во времена Апостола, всѣ силы свои употребляютъ на то, чтобы преградить путь Христу въ сердца человѣческія.

Члены Совѣта Кружка: Предсѣдатель свящ. *В. Бесѣда*, Потомственный дворянинъ *Петръ Любимовичъ д'Омонъ*, *Михаиль Панкратьевъ Морозовъ*, *Григорій Поважнѣй*, *Максимъ Торяникъ*, *Василій Неліпа*, *Трофимъ Лыска*, *Варвара Бесѣда*, *Анна Торяникова*.

ОТКРЫТІЕ БРАТСТВА ПРИ РОЖДЕСТВО-БОГОРОДИЧНОЙ ЦЕРКВИ Г. ВАЛОКЪ.

2-го апрѣля состоялось, — по инициативѣ свящ. о. Г. Т. Омина, — открытіе братства въ г. Валкахъ при Рождество-Богородичной церкви. Братство имѣетъ въ виду осуществлять

въ своей дѣятельности слѣдующія цѣли: а) *миссіонерскую*—укрѣпленіе православныхъ въ преданности св. православной церкви, огражденіе ихъ отъ сектантскихъ соблазновъ и вразумленіе заблудшихъ чадъ церкви; б) *религіозно-нравственную*—согласованіе жизни съ св. завѣтами, искорененіе въ народѣ суевѣрій, вредныхъ обычаевъ и пороковъ, особенно пьянства, воровства, мести, сквернословія, ссоръ, драки; в) *благотворительную*—оказаніе самой широкой матеріальной помощи бѣднымъ, а особенно братчикамъ на случай смерти или пожара единовременнымъ взносомъ отъ всѣхъ членовъ братства въ размѣрѣ, установленномъ общимъ собраніемъ братства и г) *церковно-школьчюю*—содѣйствіе процвѣтанію мѣстнаго храма и церковно-приходской школы. Средствами для достиженія этихъ цѣлей братствомъ будутъ служить: 1) миссіонерскія чтенія и бесѣды на религіозно-нравственныя и вѣроучительныя темы съ приглашеніемъ на нихъ заблудшихъ чадъ церкви; 2) общее пѣніе на собесѣдованіяхъ и чтеніяхъ; 3) распространеніе религіозно-нравственныхъ и миссіонерскихъ брошюръ и листовъ; 4) устройство братской библіотечки; 5) открытіе братской лавки для дешевой продажи подходящихъ изданій; 6) взаимное увѣщаніе къ усердному посѣщенію храма, введеніе общаго пѣнія при богослуженіяхъ, увѣщаніе къ усердному исполненію долга исповѣди и причастія; 7) взаимное любовное увѣщаніе бросить сектантскіе помыслы, бросить порочную жизнь и дурныя привычки, позорящія званіе христіанина и 8) взаимное увѣщаніе жертвовать на дѣла благотворительности.

Открытіе братства совершено было въ нижеслѣдующемъ порядкѣ. Наканунѣ открытія, въ Рождество-Богородичномъ храмѣ совершено было торжественное всеобщее бдѣніе, на которомъ пѣлъ хоръ мѣстныхъ пѣвчихъ. Бдѣніе совершалъ епархіальный миссіонеръ митрофорный протоіерей о. Т. И. Буткевичъ въ сослуженіи Валковскаго благочиннаго протоіерея А. Ѳ. Новскаго и священниковъ: И. Слюсаревскаго, Г. Ѳомина, М. Крыжановскаго и помощника еп. миссіонера Черкесова. За всеобщимъ бдѣніемъ священникъ Черкесовъ сказалъ слово о церкви и долгѣ православныхъ прихожанъ содѣйство-

вать пастырямъ въ обращеніи сектантовъ въ лоно св. церкви. 2-го апрѣля литургія совершена была въ томъ же храмѣ прот. Т. И. Буткевичемъ въ сослуженіи тѣхъ же священниковъ. По заамвонной молитвѣ о. протоіерей Буткевичъ сказалъ приблизительно слѣдующее слово:

„Христосъ воскрес! Господь нашъ Иисусъ Христосъ, совершая дѣло спасенія рода человѣческаго въ теченіи 3¹/₂ лѣтъ, развивалъ то самое ученіе, которое незадолго предъ своей крестной смертію онъ преподавалъ своимъ ученикамъ, какъ свое завѣщаніе. „Заповѣдь новую даю вамъ,—говорилъ Онъ,— да любите другъ друга“ (Іоан. XIV, 34). „Потому узнаютъ всѣ, что вы Мои ученики, если будете имѣть любовь между собою“ (ст. 35). Любовь есть чистое, благородное, святое, безкорыстное чувство, которое побуждаетъ человѣка къ доброй дѣятельности въ пользу ближнихъ. Источникъ любви христіанской есть Господь Богъ. „Богъ есть любовь“, по выраженію св. евангелиста Іоанна Богослова (1 Іоан. IV, 8), любовь безпредѣльная, безконечная. Богъ такъ возлюбилъ міръ, что „Сына Своего не пощадилъ, но предалъ Его за всѣхъ насъ“ (Римл. VIII, 32). Онъ послалъ Его въ міръ, чтобы Онъ принялъ униженный видъ человѣка и спасъ родъ человѣческій. Вотъ какова любовь Божія! Она изъ рабовъ дѣлаетъ насъ чадами Божиими. Богъ любитъ насъ, какъ отецъ, или даже больше, чѣмъ родной отецъ любитъ своихъ дѣтей. Мы во грѣхахъ зачаты и во грѣхахъ рождены; но намъ дано право обращаться къ Богу, какъ къ родному Отцу, и говорить: „Отецъ *нашъ* небесный“! Это величайшее право дано христіанамъ Спасителемъ міра Господомъ Иисусомъ Христомъ. Мы дѣти Его, которыхъ Онъ усыновилъ. Ахъ, какое это величайшее благодѣяніе! Что подумали бы вы, если бы узнали, что царь какому-то каторжнику оказалъ особія милости, что онъ возвеличилъ этого каторжника, какъ своего цесаревича? Между тѣмъ Царь Небесный выше всѣхъ царей. Онъ—„Царь царствующихъ и Господь господствующихъ“ усыновилъ себѣ всѣхъ насъ; онъ постоянно говоритъ намъ: „я васъ люблю, какъ чады своихъ“. Поэтому, все божественное ученіе объ отношеніи Бога къ людямъ и обратно исчерпывается только однимъ словомъ *лю-*

божь. Однажды Спасителя спросили: „какая наибольшая заповѣдь въ законѣ“? Иисусъ Христосъ отвѣтилъ: „возлюби Господа Бога твоего всѣмъ сердцемъ твоимъ, и всею душою твоею, и всѣмъ разумѣніемъ твоимъ: сія есть первая и наибольшая заповѣдь; вторая же подобная ей: возлюби ближняго твоего, какъ самого себя“ (Мѡ. XII, 36—39). Какъ же его любить? Чего себѣ не желаешь, того не желай и ближнимъ. Любовь къ ближнимъ, которой требуетъ Господь, вытекаетъ изъ самаго нашего естественнаго положенія. Всѣ мы люди, всѣ произошли отъ одного человѣка Адама, у всѣхъ насъ совершенно одинаково устроены организмы, у всѣхъ одинаковая душа, совѣсть; и богатый и бѣдный, и знатный и незнатный ничѣмъ не отличаются въ этомъ отношеніи другъ отъ друга. За всѣхъ насъ одинаково Сынъ Божій пролилъ на крестѣ свою драгоценную кровь и далъ намъ право называть Бога Отцемъ: „Отче нашъ“, а не мой. Называя же такъ Господа Бога, мы показываемъ, что всѣ мы дѣти Его, а Онъ—нашъ общій Отецъ.—Апостолы всю свою проповѣдь сводили къ одному ученію о любви. Св. ев. Іоаннъ Богословъ прожилъ на землѣ 105 лѣтъ. Подъ конецъ своей жизни онъ испытывалъ немощи старости: онъ потерялъ голосъ, ноги его уже не могли ходить и потому его носили на носилкахъ. Въ храмѣ онъ уже не могъ проповѣдывать слово Божіе, и только одно повторялъ посѣщавшимъ его христіанамъ: „дѣти! любите другъ друга“. И когда спросили его, почему онъ повторяетъ одни и тѣже слова, то онъ сказалъ: „такова заповѣдь Господа нашего Иисуса Христа; достаточно исполнить ее одну, и ты будешь усыновленъ Господомъ Богомъ и сподобишься вѣчнаго блаженства“. Заповѣдь о любви есть величайшая заповѣдь. Необходима, конечно, вѣра, но и любовь еще болѣе необходима“. Св. ап. Іаковъ говоритъ: „и бѣсы вѣруютъ“ (II, 19); и они знаютъ, что есть Богъ, есть спасеніе. Но одна „вѣра безъ дѣлъ, по выраженію апостола, мертва“. „Покажи мнѣ вѣру твою безъ дѣлъ твоихъ, говоритъ онъ, а я покажу тебѣ вѣру мою изъ дѣлъ моихъ“ (Іак. II, 18). Если я живу похристіански, то, значитъ, я долженъ имѣть и дѣла любви христіанской. Если обратится къ тебѣ съ просьбой о помощи какой-нибудь бѣднякъ,—пусть

даже это будетъ пропойца, человѣкъ завѣдомо развратный,— не отворачивайся отъ него: онъ братъ твой, хотя онъ искалченъ. Помоги ему, приложи заботы къ улучшенію его судьбы. Вѣдь Богъ—общій Отецъ у насъ; и тогда можешь ожидать и себѣ благъ отъ Господа Бога.—Но какъ же проявляется христіанская любовь? Проявленія ея бываютъ различныя. Самое первоначальное проявленіе ея—это нежеланіе дѣлать зла или чего-нибудь вреднаго ближнимъ. Всѣ ветхозавѣтныя заповѣди представляютъ собою эту ступень любви. Не желай ближнему вреда, не клевети, не осуждай, не злорадствуй его горю, не обижай ближняго, не крадь, не злорадствуй потерѣ имъ здоровья. Это низшая степень любви: здѣсь добродѣтели въ собственномъ смыслѣ еще нѣтъ. Это ничто иное, какъ борьба съ самимъ собою. Вторая степень любви состоитъ въ томъ, когда я не только не дѣлаю вреда ближнему, но приношу и нѣкоторую пользу ему. Вижу я, напр., что онъ отсталъ отъ св. церкви, не почитаетъ родителей, съ женой живетъ не по-христіански; и вотъ, если я начну умолять его оставить всѣ эти пороки, перемѣниться, исправиться, то я уже совершилъ великое и святое дѣло, я сталъ великій счастливецъ. Ап. Іаковъ говоритъ, что если мы обратимъ отъ заблужденія хотя одного грѣшника, то и за это намъ простится много грѣховъ (Іак. V, 19, 20). Душу человѣка нужно спасать. Наша нравственная обязанность по отношенію къ ближнему согрѣшающему—попросить его оставить грѣховное заблужденіе; не осуждать его мы должны, а упрашивать, умолять. Иногда даже меньшій братъ упрашиваетъ старшаго: „перестань пьянствовать, воровать, опомнись, образумься“; смотришь, и послушалъ тотъ его. Такъ и намъ слѣдуетъ поступать: не укорять, а со слезами умолять согрѣшающаго брата. Вспомнимъ, какъ на крестѣ разбойникъ угваривалъ разбойника: „или ты не боишься Бога, говорилъ онъ, когда и самъ осужденъ на то же? и мы осуждены справедливо, потому что достойное по дѣламъ нашимъ приняли; а Онъ ничего худаго не сдѣлалъ“ (Лк. XXIII, 40, 41). Такъ вотъ слѣдуетъ поступать и намъ въ отношеніяхъ другъ къ другу. Вѣдь и мы часто сбиваемся съ истиннаго пути, и на насъ

естественно лежитъ святой долгъ вразумлять другъ друга. Итакъ это вторая обязанность, когда мы своими совѣтами и увѣщаніями приносимъ ближнему ту или иную пользу. Къ сожалѣнію, мы всѣ находимся на ложномъ пути. Въ самомъ дѣлѣ, какъ часто къ намъ обращаются просящіе, а мы отворачиваемся отъ нихъ: это путь не христіанскій. Вторая степень христіанской любви еще и въ томъ заключается, когда мы оказываемъ ближнимъ матеріальную помощь. Впалъ, напр., человѣкъ въ какое-нибудь несчастіе. Прежде онъ трудился, дѣти помогали ему, жилъ онъ въ достаткѣ. Но вотъ вдругъ постигаетъ его горе: дѣтей Богъ взялъ или люди сбили ихъ съ толку; онъ бѣднѣетъ, впадаетъ въ неоплатные долги. Придите же къ нему на помощь. Помогите бѣдному, больному, убогому, особенно же вдовѣ, сиротѣ. Будетъ велика мзда ваша за это на небесахъ. Припомните въ евангеліи описаніе картины страшнаго суда Божія. На этомъ судѣ Господь скажетъ: я былъ боленъ и вы посѣтили меня, былъ нагимъ и вы одѣли меня, былъ въ темницѣ и вы пришли ко мнѣ... Идите благословенные, наследуйте царство уготованное вамъ отъ сложенія міра (Мѣ. XXV). Видите, за что Господь даетъ вѣчное блаженство! За дѣла милосердія.—Но самая высшая степень любви христіанской—это самопожертвованіе въ пользу ближняго, когда христіанинъ не только не дѣлаетъ зла своему ближнему, не только всячески старается дѣлать ему добро, но еще бываетъ готовъ и душу свою положить за спасеніе ближняго. „Нѣтъ больше той любви, — говорилъ Спаситель, — какъ если кто положитъ душу свою за друзей своихъ“ (Іоан. XV, 13). Онъ Самъ первый доказалъ намъ, какъ можно достигнуть высоты этой любви. Его распяли, пригвоздили ко кресту. Каіафа понималъ это, когда говорилъ: „лучше одному человѣку умереть за народъ“ (Іоан. XVIII, 14). И въ наше время требуются такіе подвиги самоотверженія. Счастливы люди, которые могутъ возвыситься до этой степени христіанской любви. Припоминается такой примѣръ самоотверженной любви къ ближнимъ. Въ Сибири есть болѣзнь проказа. Болѣзнь эта ужасная; она состоитъ въ томъ, что у человѣка сначала появляются какія-то пятна на тѣлѣ, потомъ тѣло его начинаетъ

гнить, потомъ быстро отпадаетъ, и человѣкъ переноситъ ужасныя страданія. Его выгоняютъ, кромѣ того, изъ селенія куда-нибудь въ лѣсъ и изрѣдка бросаютъ ему тамъ хлѣбъ, какъ животному. Но бываютъ люди, которые не боятся зараженія. Они живутъ съ прокаженными, кормятъ ихъ, обмываютъ имъ раны; и если не могутъ ихъ вылѣчить, то по крайней мѣрѣ облегчаютъ ихъ страданія. И счастливы тѣ врачи, тѣ женщины, которыя не изъ-за денегъ, а во имя христіанской любви, ухаживаютъ за этими прокаженными. Нерѣдко такіе подвиги проявляютъ и пастыри церкви, напр., во время болѣзни холеры; часто они вносятъ заразу въ свои семьи и такимъ образомъ жертвуютъ не только своей жизнью, но и жизнью близкихъ своихъ. Полагаютъ души свои за ближнихъ и тѣ, кто защищаетъ насъ на войнѣ противъ враговъ нашего отечества. Вѣчная имъ слава, вѣчное царство небесное!

Но какъ можно оказывать ближнимъ милости? Существуетъ двѣ формы или два вида благотворительности: общественная и частная. Частная благотворительность это такая, когда вы лично подаете милостыню какому-нибудь нищему: напр., встрѣтивъ его на улицѣ. Неудобная и тяжелая это благотворительность, ибо бываетъ, что ничтожная жертва наша, какую мы даемъ въ подобныхъ случаяхъ, можетъ возбуждать въ человѣкѣ честолюбіе. Такая-то благотворительность и фарисеевъ довела до честолюбія, которое такъ много обличалъ въ нихъ Христосъ Спаситель. Но, съ другой стороны, очень тяжело для бѣдняка и обращаться съ просьбой о милостынѣ. Поэтому-то Спаситель и сказалъ: „блаженнѣе давать, нежели принимать“ (Дѣян. XX, 35). Не говоря о томъ, что большинство просящихъ—люди, неспособные къ работѣ, однако-же, принимать такое уничиженіе очень тяжело для просящаго; тяжело сознавать ему, что онъ въ зависимости отъ того богача, къ которому онъ обращается съ просьбой. А иногда еще и такъ бываетъ, что нищему откажешь въ подаваніи, а пьяницѣ дашь, такъ какъ послѣдній съумѣлъ обмануть тебя притворной бѣдностью. Такимъ поступкомъ мы уже обижаемъ тѣхъ, кого черезъ это лишили свой милостыни, да кромѣ того содѣйствуемъ нравственному паденію и тѣхъ, ко-

торые и безъ того уже низко пали. Поэтому-то, еще при апостолахъ у христіанъ явился особый видъ благотворительности — общественный. Ап. Петръ установилъ порядокъ, по которому всякій, что зарабатывалъ въ теченіе 6-ти дней, въ 7 день недѣли приносилъ въ собраніе и влагалъ въ общую кассу. Потомъ изъ этихъ общественныхъ суммъ оказываема была помощь нуждающимся. Изъ книги Дѣяній ап. видно, напр., что первенствующие христіане оказывали матеріальную помощь голодающимъ, нищимъ, больнымъ. Общая касса у апостоловъ была еще при Спасителѣ; этой кассой завѣдывалъ ап. Іуда. И когда за тайной вечерей Христосъ Спаситель сказалъ Іудѣ: „что дѣлаешь, дѣлай скорѣе“, то апостолы подумали, что Онъ отдалъ распоряженіе Іудѣ, чтобы тотъ „далъ что-нибудь нищимъ“ (Іоан. XIII, 27, 29), значитъ, начало общественной благотворительности идетъ еще отъ временъ Спасителя. Потому-то въ евангеліи и сказано, что многія женщины „служили Ему имѣніемъ своимъ“ (Лк. VIII, 3). Въ первенствующей церкви благотворительность такъ была развита, что даже язычники удивлялись, что у нихъ не было нищихъ. А вся эта благотворительность составлялась изъ тѣхъ лептъ, которыя вносились въ общую кассу христіанами. Василій Великій въ Кессаріи Каппадокійской развилъ широкую общественную благотворительность. Тамъ онъ устроилъ обширныя общественныя благотворительныя помѣщенія или разные пріюты, такъ что Кессарія Каппадокійская за это называлась царскимъ городомъ, а разныя благотворительныя учрежденія назывались учрежденіями св. Василія Великаго. Общественная благотворительность имѣетъ большое преимущество предъ частной. Вы не знаете, кому поступаетъ ваша копѣйка и, слѣдовательно, для васъ не будетъ повода гордиться предъ тѣмъ лицомъ, которому достается она. Общественная благотворительность спасаетъ насъ, такимъ образомъ, отъ гордости и высокомерія. Да и нуждающійся, получая пособіе отъ цѣлаго общества, а не отъ отдѣльнаго человѣка, избавляется отъ необходимости унижаться предъ отдѣльными людьми; здѣсь падится его человѣческое достоинство. Наконецъ, общественная благотворительность тѣмъ важна, что она совершается не однимъ лицомъ,

а какимъ нибудь Совѣтомъ или Комитетомъ, который лучше, чѣмъ одинъ человѣкъ, можетъ опредѣлить, кто достоинъ вспоможенія, чтобы трудовыя копѣйки жертвователей дѣйствительно пошли на святое дѣло. Вотъ и въ наше время, по примѣру Христа Спасителя и апостоловъ, ради нищихъ и убогихъ, ради вдовъ и сиротъ, по городамъ и селеніямъ устроятся различныя благотворительныя общества. Такое братство отнынѣ открывается и въ нашемъ Рождество-Богородичномъ приходѣ. Учредители его желаютъ, чтобы изъ трудовыхъ лептъ, собираемыхъ въ кассу братства, оказывалась помощь бѣдствующимъ и несчастнымъ. Умеръ человѣкъ, семья осиротѣла и бѣдствуетъ. Какъ прекрасно поддержать въ это время несчастную семью посильной помощью! Заболѣлъ отецъ семейства, единственный работникъ и кормилецъ семьи, болѣетъ нѣсколько мѣсяцевъ; ѣсть нечего. Какое великое и святое дѣло помочь такой несчастной семьѣ! Этого мало. Братство задается цѣлью еще оказывать и духовную помощь нуждающимся въ ней: содѣйствовать укрѣпленію православія въ приходѣ и уничтоженію зарождающагося въ немъ сектантскаго лжеученія. Какъ же не радоваться намъ открытію этого братства! Какъ не благодарить Господа Бога и тѣхъ лицъ, по инициативѣ которыхъ состоялось это открытіе! И мы усердно молились о томъ, чтобы Господь помогъ процвѣтанію этого братства на благо Рождество-Богородичнаго прихода, на пользу св. православной матери нашей церкви. Помолимся же и еще, да пребудетъ на этомъ великомъ и святомъ учрежденіи благословеніе Господне всегда, нынѣ, и присно, и во вѣки вѣковъ. Аминь“.

По окончаніи литургіи сонмомъ священнослужителей совершенъ былъ молебенъ, на которомъ произнесены были обычныя многолѣтія. Предъ молебномъ предсѣдатель братства свящ. Г. Т. Ооминъ сказалъ слѣдующую рѣчь:

„Мы собрались нынѣ въ сей святой храмъ, чтобы вознести свою горячую молитву къ Господу Богу о ниспосланіи Его св. помощи на открываемое нынѣ Братство въ нашемъ приходѣ. Разсматривая современную жизнь, мы не можемъ не замѣтить, какъ угасаетъ свѣтъ вѣры въ Бога, какъ падаетъ нравственность въ народѣ и изсякаетъ любовь между людьми,

какъ враги церкви Христовой направляютъ осадныя орудія на нее и слятся вытравить изъ души человѣка все лучшее. Правда, не страшны враги православія, ибо сказано, что „и врата ада не одолѣютъ“ св. вѣры и церкви Христовой. Но нельзя, однако, равнодушно смотрѣть и на то, какъ самозванные учителя расхищаютъ стадо Христово, какъ они отрываютъ простецовъ отъ нашей православной церкви, какъ растетъ еретичество или сектантство, какъ разливается невѣріе, падаетъ нравственность и изсякаетъ любовь. А угаснетъ вѣра въ Бога, падетъ нравственность и изсякнетъ любовь,—тогда погибнетъ и человѣчество. Не пора ли намъ дружно сплотиться во едино и дать отпоръ той рати враговъ, которая набрасывается на насъ и стремится поглотить своими атеистическими и сектантскими бреднями? Соединимся же въ братскую семью, руководимые лицами, стоящими во главѣ епархіальной миссіи, руководимые тѣмъ, кто ради насъ, оставивъ свою родную семью въ эти радостные свѣтлые дни, прибылъ на наше церковное торжество и соборнымъ служеніемъ пастырей испрашиваетъ у Бога благодати и помощи на трудное и святое дѣло нашего братства. Будемъ вѣровать, что если въ каждой православной общинѣ потечетъ жизнь по путямъ истины евангельской, если мы будемъ единомысленны и братолюбивы, то мы легко задержимъ нахлынувшую на насъ заразительную лаву атеизма, сектантства, невѣрія и нравственной распущенности. Помолимся же Господу Богу о нравственномъ возрожденіи своемъ и о ниспосланіи Его помощи на наше братство“!

Послѣ литургіи и молебна состоялось въ храмѣ первое собраніе братства, на которомъ былъ прочитанъ уставъ братства и утвержденъ списокъ братчиковъ и должностныхъ лицъ. Въ число членовъ Совѣта Братства вошли: И. И. Рапота (товар. предс.), И. В. Рапота, И. Ѡ. Цикало, Д. Р. Бойко, Д. И. Степаненко, Т. И. Ковацкій. Членами ревизіонной комиссіи избраны: Ѡ. В. Савченко, И. А. Заболотній, И. Г. Сизовъ, А. П. Яновскій. Въ числѣ наибольшихъ благотворителей считаемъ нужнымъ отмѣтить Н. А. Моисеенко. Затѣмъ, собраніе братчиковъ и гостей перешло въ церковно-приходскую школу.

Здѣсь прежде всего составлена была привѣтственная телеграмма новоизбранному почетному предсѣдателю Братства Его Высокопреосвященству, Высокопреосвященнѣйшему Арсенію, Архіепископу Харьковскому и Ахтырскому, въ слѣдующихъ выраженіяхъ: „открытое нынѣ Братство Пресвятой Богородицы въ Валкахъ проситъ Васъ принять его подъ свое Архипастырское покровительство и преподать ему Ваше Святительское благословеніе“. Послѣ этого всѣмъ присутствовавшимъ была предложена трапеза. За трапезой было произнесено много задушевныхъ рѣчей и тостовъ. Митрофорный протоіерей о. Т. И. Буткевичъ сказалъ тостъ за Государа Императора. Тостъ покрытъ былъ дружнымъ ура! и пѣніемъ народнаго гимна. Свящ. о. Гр. Ооминъ предложилъ тостъ за Высокопреосвященнѣйшаго Архіепископа Арсенія, подъ руководствомъ котораго, по словамъ о. Оомина, братство „расчитываетъ понести труды и подвиги на пользу св. церкви“. Собраніе исполнило многолѣтіе. Прот. о. Т. И. Буткевичъ сказалъ: „отрадное событіе совершилось нынѣ. Но замѣчательно, что и сама природа какъ будто сочувствуетъ намъ. Еще позавчера облака заволакивали небо, шелъ дождь, былъ холодный вѣтеръ; а вотъ вчера вдругъ засіяло солнце и въ природѣ повѣяло весенней жизнью. Отъ глубины души нынѣ помолившись въ св. храмѣ Господу Богу, мы изъ храма благочестія перешли въ храмъ просвѣщенія, въ это роскошное зданіе церковной школы. Здѣсь дѣтямъ вашимъ предлагается обильная духовная пища, здѣсь же намъ нынѣ предлагаютъ и изобильную тѣлесную пищу. Послѣднее впрочемъ и не противорѣчитъ первому. Вспомнимъ трехъ странниковъ, которыхъ напиталъ Авраамъ у дуба Мамврійскаго; вспомнимъ, что Самъ Христосъ Спаситель не отказывался вкушать трапезы вмѣстѣ съ людьми, даже у людей богатыхъ, какъ Симонъ и др. Этотъ кусокъ хлѣба, вкушаемый нами за трапезой,—великое христіанское дѣло. Послѣ такой трапезы Христосъ Спаситель установилъ даже таинство евхаристіи. Первые христіане устраивали т. н. вечери любви, на которыя сносили кто что могъ. Тутъ присутствовали и начальники, и подчиненные, и богатые, и бѣдные, и мужчины, и женщины... Дай же, Господи, чтобы среди васъ,

дорогіе братчики, была одна душа и одно сердце, какъ это было еще при апостолахъ. Другъ друга обьемъ, простимъ все ненавидящимъ насъ! Пускай же иновѣрцы и сектанты знаютъ, что мы живемъ по братски, въ духѣ христіанской любви. Дай Господи, чтобы ваше приходское братство насыщало прихожанъ не только тѣлесной, но и духовной пищей. Итакъ, за процвѣтаніе братства и достойнаго предсѣдателя его отца Григорія! Протоіерей-благочинный о. А. Ѳ. Новскій сказалъ рѣчь о необходимости тѣснаго единенія пастырей съ пасомыми и братчиковъ между собою для болѣе успѣшной работы въ осуществленіи задачъ братства... „Позвольте пожелать,—закончилъ свою рѣчь ораторъ,—чтобы это братство было одушевленное, а главное объединенное, какъ тѣ 40 мучениковъ, которые за вѣру Христову воспріяли смерть и вѣнцы. Многая лѣта братству!“ Свящ. Г. Т. Ѳомины предложилъ тостъ за здоровье о. прот. Т. И. Буткевича; свящ. Черкесовъ—за процвѣтаніе церковной школы и за здоровье представителей ея, присутствовавшихъ на открытіи братства, епарх. набл. В. Ѳ. Давыденко и члена еп. совѣта С. П. Ѳоменко. Интересна была рѣчь братчика Г. А. Эвича, который отъ лица братчиковъ высказалъ готовность ихъ душу свою положить за дѣло православія въ приходѣ. Въ отвѣтъ на эту рѣчь еп. набл. В. Ѳ. Давыденко въ своей одушевленной рѣчи высказалъ отъ лица присутствующихъ гостей искреннюю и сердечную радость, что наступаетъ, наконецъ, время, когда и міряне встаютъ на защиту св. церкви, обуреваемой ересями и расколами, и увѣренность, что открываемое теперь въ Валкахъ братство сослужитъ великую службу дѣлу православія въ семь городѣ. Прот. Т. И. Буткевичъ сказалъ тостъ за Валковское уѣздное духовенство; о. Г. Ѳомины—за товарища предсѣдателя И. И. Рапота и всѣхъ членовъ братства; было произнесено много и другихъ горячихъ рѣчей и тостовъ. Вообще трапеза прошла въ высшей степени оживленно и сопровождалась самыми задушевными рѣчами и искренними пожеланіями братству, чему много способствовали радушіе, находчивость и тактъ инициатора братства священника о. Г. Т. и его супруги Е. А. Ѳоминыхъ.

По совершеніи молитвы, братчики и пріѣзжіе гости стали расходиться, унося съ собой самыя лучшія впечатлѣнія отъ всего пережитаго въ теченіе приснопамятнаго дня—дня открытія въ Валкахъ Рождество-Богородичнаго Братства.

Священникъ В. А. Черкесовъ.

Архіерейскія богослуженія.

12-го апрѣля, въ недѣлю св. женъ мученицъ, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній изволилъ совершить литургію въ Харьковской Крестовоздвиженской церкви (Мученицкой) по случаю престольнаго праздника. Въ сослуженіи съ Его Высокопреосвященствомъ участвовали: ключарь Каѳедрального собора протоіерей Іоаннъ Гончаревскій, настоятель церкви протоіерей Николай Любарскій, благочинный протоіерей Василій Добровольскій и протоіерей Павелъ Григоровичъ. Пѣлъ литургію хоръ архіерейскихъ иѣвчухъ. За литургіей была провнесена проповѣдь протоіереемъ о. Н. Любарскимъ. Храмъ былъ переполненъ молящимися. Послѣ литургіи Владыка посѣтилъ квартиру о. настоятеля церкви, гдѣ пилъ чай.

Въ Каѳедральномъ соборѣ въ этотъ день литургію совершилъ Преосвященный Евгенийъ Епископъ Сумскій въ сослуженіи соборнаго духовенства.

19-го апрѣля, въ недѣлю о расслабленномъ, Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній совершалъ литургію въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря въ сослуженіи монастырскаго духовенства.

— 22-е апрѣля, день перенесенія чудотворнаго образа Озерянской Божіей Матери изъ Харькова въ Куряжскій монастырь, былъ ознаменованъ весьма торжественными богослуженіями въ Харьковскомъ Покровскомъ монастырѣ. Наканунѣ, 21-го апрѣля, въ Озерянской церкви Покровскаго монастыря было совершено всеобщее бдѣніе Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Епископомъ Евгениемъ. Въ

сослуженіи съ Владыками принимали участіе: членъ Государственнаго Совѣта митрофорный протоіерей о. Тимоѳей Бутевичъ, настоятель Святогорскаго монастыря архимандритъ Вассіанъ и архимандриты Покровскаго монастыря Іосифъ, Аѳанасій в Аркадій, игумень Епифаній, разничій іеромонахъ Иларіонъ и два іеромонаха. Къ служенію всеобщей Владыка шествовалъ въ храмъ со славою изъ своихъ покоевъ чрезъ монастырскій дворъ въ предшествіи монашествующей братіи, подіаконовъ, діаконовъ, протодіакона и сослужащихъ протоіерей, архимандритовъ и іеромонаховъ. Монастырскій дворъ въ это время былъ переполненъ богомольцами. Обширный Озерянскій храмъ также былъ переполненъ молящимися, какъ горожанамъ, такъ и пришедшимъ богомольцами. За невозможностію всѣмъ богомольцамъ вмѣститься въ храмъ для послѣднихъ служилась другая всеобщая во дворѣ подъ открытымъ небомъ.

— 22-го апрѣля, въ 9 час. утра, въ Озерянской монастырской церкви была совершена литургія Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ Арсеніемъ въ сослуженіи съ Преосвященнымъ Епископомъ Евгеніемъ и тѣми же священнослужителями, кои участвовали въ служеніи всеобщей. За литургіей пѣли два хора: архіерейскихъ пѣвчихъ и воспитанниковъ духовной семинаріи; пѣніе обоихъ хоровъ отличалось стройностію, гармоніей и силой голосовъ. Вмѣсто причастнаго стиха была произнесена проповѣдь инспекторомъ классовъ Епархіальнаго училища священникомъ о. Іоанномъ Котовымъ. Храмъ былъ переполненъ молящимися; въ числѣ молящихся были: г.г. Харьковскій губернаторъ, вице-губернаторъ, городской голова, военные и гражданскіе чины. Непосредственно послѣ литургіи начался посреди церкви предъ чудотворнымъ образомъ молебень Божіей Матери; послѣ прочтенія евангелія и пѣнія „Не вмамы вниа помощи“ Владыка осѣнилъ чудотворнымъ образомъ молящихся на четыре стороны и вручилъ образъ г. губернатору для несенія, послѣ чего начался крестный ходъ изъ церкви. Къ этому времени во дворѣ монастыря все градское духовенство и общественныя группы, участвующія въ крестномъ ходѣ, выстроились въ порядкѣ согласно церемоніалу крестнаго хода. Когда икона была вынесена изъ церкви, крестный ходъ со двора монастыря двинулся по направленію къ собору во главѣ съ двумя архипастырями при звонѣ колоколовъ во всѣхъ градскихъ церквахъ, при пѣніи канона и при военной музыкѣ, исполнявшей гимнъ „Коль славенъ“. Пѣніе исполнялось въ крест-

номъ ходѣ тремя группами: хоромъ архіерейскимъ, хоромъ воспитанниковъ семинаріи и діаконами съ псаломщиками. Противъ собора, Университетской церкви и Александровской часовни были сдѣланы краткія остановки, во время которыхъ Владыка совершилъ осѣненіе народа чудотворнымъ образомъ. При университетской церкви крестный ходъ былъ встрѣченъ начальствомъ университета при торжественно-гармоническомъ пѣніи университетскаго хора. Образъ былъ несенъ г. губернаторомъ попеременно съ генералами, вице-губернаторомъ, градскимъ головою, ректоромъ университета, прокуроромъ судебной палаты и другими должностными лицами.

На лопанскомъ мосту была сдѣлана остановка, во время которой Высокопреосвященнымъ Архіепископомъ было совершено малое освященіе воды по случаю дня Преполовенія праздника пасхи, послѣ чего крестный ходъ въ томъ же порядкѣ направился далѣе по Екатеринославской улицы во главѣ съ Преосвященнымъ Епископомъ Евгеніемъ. Противъ Рождественской и Дмитріевской церквей, противъ Семинарской улицы, пересыльной тюрьмы и холодноторской часовни были совершены осѣненія образомъ народа. Послѣ Рождественской церкви къ несенію образа были допущены частныя лица изъ богомольцевъ, сопровождавшихъ крестный ходъ.

По всему пути слѣдованія крестнаго хода, начиная отъ монастыря до Озерянской церкви на Холодной горѣ, на улицахъ и площадяхъ, въ окнахъ домовъ, на балконахъ и на крышахъ зданій—всюду виднѣлся массы народа; особенно же велико было множество народа у монастыря, на Соборной площади, на откосахъ дороги на склону Холодной горы и на площади у Озерянской церкви.—По прибытіи къ Озерянской церкви, что на холодной горѣ, на возвышенномъ помостѣ былъ законченъ молебенъ Б. Матери, Преосвященный Епископъ послѣдній разъ осѣнялъ св. образомъ городъ и передалъ образъ Куряжскому духовенству, встрѣчавшему здѣсь чудотворную икону во главѣ съ вгуменомъ. Тотъ часъ образъ былъ вставленъ въ кіотъ—носилики, богомольцы подняли его на свои плечи, и крестный ходъ, сопровождаемый массою народа, направился въ Куряжскій монастырь.

Въ настоящемъ году перенесеніе образа совершилось съ большою торжественностію, красотою и при особенномъ многолюдствѣ, чему много благопріятствовала очень теплая и ясная погода.

— 23-го апрѣля, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Александры Федоровны, въ Кафедральномъ соборѣ литургію

совершалъ Высокопреосвященный Архіепископъ Арсеній въ сослуженіи: архимандритовъ Покровскаго монастыря—Аѳанасія и Аркадія, воедральнаго протоіерея Стефана Любидцаго, ректора семинаріи протоіерея Алексѣя Юшкова, ключари протоіерея Іоанна Гончаревскаго и священника Григорія Виноградова.

Послѣ литургіи былъ отслуженъ молебенъ при участіи градскихъ протоіеревъ и священниковъ. Храмъ былъ полонъ молящихся. На богослуженіи присутствовали: г. губернаторъ, вице-губернаторъ, военные чины, предсѣдатель и прокуроръ судебной палаты и представители разныхъ правительственныхъ и общественныхъ учреждений.

Прот. І. Гончаревскій.

НЕКРОЛОГЪ.

Василій Дмитріевичъ Шишовъ.

25-го марта, въ 8 ч. утра, послѣ продолжительной и тяжелой болѣзни, скончался преподаватель Сумскаго духовнаго училища, кандидатъ богословія Василій Дмитріевичъ Шишовъ.

Покойный—сынъ священника с. Александровскаго, Царскосельскаго уѣзда, Петербургской губерніи. Первоначальное образованіе получилъ въ Александро-Невскомъ духовномъ училищѣ и С.-Петербургской духовной Семинаріи, а высшее—въ С.-Петербургской духовной Академіи, которую окончилъ въ 1876 г. со степенью кандидата богословія и съ правомъ при исканіи степени магистра не держать новыхъ устныхъ испытаній. По окончаніи академическаго курса Василій Дмитріевичъ назначенъ былъ смотрителемъ Стародубскаго (Черниговской губ.) духовнаго училища, въ какой должности и состоялъ девять лѣтъ, а затѣмъ сдѣлался жертвою своего открытаго, чрезмѣрно ко всѣмъ довѣрчиваго характера, былъ судимъ (за растрату) и по приговору Кіевской судебной палаты сосланъ въ далекій Екатеринбургъ, гдѣ въ страшной нуждѣ прожилъ цѣлыхъ двадцать лѣтъ, обремененный большою семьей. Въ 1901 году Василій Дмитріевичъ былъ Высочайше помилованъ, и въ 1905 г. получилъ назначеніе на должность преподавателя географіи и ариѳметики въ Сумское духовное училище, и занималъ эту должность до своей смерти, послѣдовавшей на 59-мъ году его страдальческой жизни.

Среди сослуживцевъ покойный, благодаря своему незлобивому, доброму, сердечному характеру и привѣтливому обращенію, пользовался всеобщою любовью и уваженіемъ. За тѣ же высокія каче-

ства души любилъ его и ученики, и какъ-то сиротливymi казались эти похороны, такъ какъ гробъ почившаго не окружали его ученики, разѣхавшіеся на пасхальные каникулы, уѣхали и нѣкоторые изъ сослуживцевъ.

Но отзывчиво дѣтское сердце, и вѣсть о кончинѣ добраго, всѣмъ одинаково ласковаго учителя вызоветъ, быть можетъ, не одну слезу изъ дѣтскихъ глазъ и не одинъ искренній вздохъ сожалѣнія изъ дѣтской груди.

Послѣ покойнаго осталась совершенно безъ всякихъ средствъ огромная семья, состоящая изъ его престарѣлой жены и тринадцати человѣкъ дѣтей, изъ которыхъ только старшій сынъ окончилъ уже курсъ С.-Петербургской духовной семинаріи и въ настоящее время состоитъ псаломщикомъ въ С.-Петербургѣ; самому младшему изъ дѣтей всего полтора года.

Выносъ тѣла почившаго изъ его квартиры въ Кладбищенскую церковь совершенъ былъ въ Великій Четвергъ, 26-го марта, настоятелемъ Сумской Соборной церкви, протоіереемъ о. Іоанномъ Дмитріевымъ и священникомъ Кладбищенской церкви о. Николаемъ Мищенко, а отпѣваніе и погребеніе совершилъ на слѣдующій день, въ Великую Пятницу, священникъ о. Николай Мощевко.

Во время отпѣванія сказаны были надъ гробомъ почившаго рѣчи преподавателямъ училища Ѳ. Ѳ. Горайномъ и В. В. Покровскимъ, а предъ опусканіемъ тѣла въ могилу краткую рѣчь сказалъ надзиратель-репетиторъ училища Л. Д. Лазаревъ.

Рѣчь преподавателя Ѳ. Ѳ. Горайна.

Незабвенный Василій Дмитріевичъ!

Насталъ часъ разлуки съ тобою. Эта мысль въ настоящія тяжелыя минуты тяготѣетъ надъ каждымъ изъ насъ, твоихъ сослуживцевъ, и не хочется вѣрить тому, что стало уже печальною и ничѣмъ неотвратимою дѣйствительностію.

Василій Дмитріевичъ умеръ! Бездыханнымъ лежитъ онъ теперь перелъ нами. Смерть слѣлала свое страшное, разрушительное дѣло, но даже предъ лицомъ этой холодной смерти мы все-таки не вѣривъ ей, не хотимъ ее знать, такъ какъ все существо наше востаетъ противъ нея, отрицаетъ ее, какъ нѣчто отвратительное, совсѣмъ чуждое и несродное намъ. Никогда наше чувство не въ состояніи будетъ примириться съ тѣмъ, чтобы навсегда безслѣдно

исчезъ человѣкъ, который еще такъ недавно былъ съ нами, былъ близокъ намъ, дѣлалъ одно общее съ нами дѣло, жилъ и волновался нашими общими нуждами и интересами. Правда, смерть по видимому, оставила вамъ внѣшній обликъ почившаго, его тѣло. Мы и теперь, внимательно всматриваясь, видимъ все тѣ же, хорошо знакомыя намъ черты. Но развѣ лежащій передъ нами—это тотъ всегда добродушный, со всѣми своими сослуживцами привѣтливый, незлобивый и обходительный Василій Дмитриевичъ, котораго мы хорошо знали и всегда привыкли видѣть. Нѣтъ, тотъ—*живой* Василій Дмитриевичъ уже исчезъ, его уже нѣтъ и никогда уже не будетъ здѣсь среди насъ на землѣ, в только образъ его остался въ нашемъ воображеніи, а этотъ, *лежащій предъ* нами, на котораго смерть наложила свою страшную печать,—*этотъ*—намъ какъ будто чужой, далекій... и мы, живые, невольно стараемся быть своею мыслию съ тѣмъ,—*живымъ* Василіемъ Дмитриевичемъ...

Здѣсь, у этого гроба закончился жизненный путь человѣка, который еще въ дни далекой юности своей посвятилъ себя и теперь усердно работалъ на педагогическомъ поприщѣ. Тяжелъ и тернистъ этотъ путь вообще, а въ особенности тяжелъ онъ для насъ, педагоговъ духовной школы. Назадъ, въ прошломъ у каждаго изъ насъ суровая школа, бѣдная среда, долгіе годы ученья и въ довершеніе всего чрезвычайно затрудненный, далеко не для всѣхъ достижимый доступъ къ высшему храму науки—Академіи, а въ непривѣтливомъ настоящемъ—скромная доля скудно обезпеченнаго въ матеріальномъ отношеніи учителя, большею частію безъ всякихъ видовъ на то, что бодритъ всякаго работника и что называется въ общежитіи служебнымъ движеніемъ. Трудно бываетъ поэтому до конца сохранить въ себѣ среди такой суровой для педагога житейской обстановки ту юношескую бодрость силъ и возвышенную ясность духа, съ которою выходимъ мы въ жизнь изъ стѣвъ учебнаго заведенія.

Почившій пришелъ къ намъ на службу въ Сумское духовное училище уже съ надломленными силами, уже испытавши много тяжелаго горя, съ разбитою и искалѣченною жизнью,—но въ своей чистой душѣ онъ сохранилъ еще много юношеской живости и ясности. Наша скудная матеріальная обезпеченность для почившаго, какъ человѣка многосемейнаго, была особенно тяжелою, суровая нужда тяжкимъ бременемъ лежала на немъ, постепенно надрывая въ непосильной борьбѣ съ нею его силы, постепенно

расшатывая его и безъ того уже сильно надломленное здоровье. И, несмотря на все это, Василій Дмитріевичъ находилъ въ себѣ силы бодро дѣлать свое дѣло, всегда живо интересуясь всѣмъ, что было новаго и интереснаго въ преподаваемой имъ наукѣ. Тяжелыя неудачи служебныя несомнѣнно угнетающе подѣйствовали на его общее душевное настроеніе, но не сдѣлали его и въ отношеніи къ сослуживцамъ, а также, что особенно важно, въ отношеніи къ дѣтямъ учащимся, человѣкомъ желчнымъ, угрюмымъ, раздражительнымъ. Среди тяжкихъ превратностей своей страдальческой жизни онъ сохранилъ въ себѣ достаточно жизнерадостности и пріятливости въ обращеніи со всѣми. Онъ до конца оставался вѣрнымъ исполнителемъ своего служебнаго долга. Уже совершенно больной, живя при этомъ очень далеко отъ учяльца, Василій Дмитріевичъ, съ трудомъ пересиливая себя, во всякую погоду шелъ на уроки, и не пришелъ только лишь тогда, когда силы уже окончательно оставили его, а болѣзнь разыгралась въ его истощенномъ организмѣ настолько, что положеніе его сдѣлалось безнадежнымъ ..

И вотъ, теперь мы собрались сюда, чтобы съ грустью душевною сказать незабвенному Василію Дмитріевичу наше послѣднее товарищеское „прости“ и съ грустью же проводить его въ мѣсто его вѣчнаго упокоенія.

Пусть же найдетъ онъ тамъ—за гробомъ—вѣчный миръ и покой себѣ, а мы, его сослуживцы, разойдясь отъ его могилы, не забудемъ его...

Рѣчь преподавателя В. В. Покровскаго.

Дорогой, незабвенный Василій Дмитріевичъ!

Когда я въ первый разъ увидѣлъ твой охладѣвшій трупъ, то среди стонъ и воплей твоей осиротѣвшей семьи одинъ стонъ особенно глубоко проникъ въ мое сердце. „Страдалецъ ты“,— вырвалось изъ измученной груди преданной и любящей тебя жены твоей, и вслѣдъ за нею повторяю и я эти глубоко-правдивыя слова: Страдалецъ ты! Страдальцемъ, дорогой товарищъ, ты былъ почти всю свою жизнь, и, что всего ужаснѣе, страдальцемъ сдѣлала тебя тѣ высокія качества твоей прекрасной вроткой души, которыя для другихъ являются источникомъ счастья и радости. Ты былъ безгранично добръ и безмѣрно довѣрчивъ къ

окружающимъ тебя людямъ, и въ каждомъ человѣкѣ ты готовъ былъ видѣть своего друга, брата. Но, насколько я помню изъ нашихъ разговоровъ съ тобою, это, повторяю, высокія твои качества дали тебѣ счастье только въ дни ранней твоей юности, въ дни студенческихъ мечтаній о свѣтлой будущности, и они же погубили тебя, какъ только ты столкнулся съ суровой и мрачной дѣйствительностью, занявъ отвѣтственный служебный постъ. И съ того времени начались безконечныя твои страданія... Намъ не нужно знать всѣхъ подробностей твоей жизни, но что же, какъ не сплошныя страданія, представляетъ собою жалкое полуголодное прозябаніе твое въ далекомъ холодномъ краю, когда все существо твое было наполнено одною неотвязчивою мыслью, одною тяжелою заботою—добыть на завтра хотя черствый кусокъ хлѣба для своей многочисленной семьи? Какія мученія ты долженъ былъ испытать черезъ вѣчный страхъ, что завтра, можетъ быть, не станетъ у тебя и того скуднаго заработка, благодаря которому, хотя и впроголодь, жила твоя семья? Повстанѣ ужасное трагическое состояніе переживалъ ты въ теченіе цѣлыхъ 20-ти лѣтъ.

Но вотъ въ жизни твоей насталъ рѣшительный, повидимому, поворотъ къ лучшему будущему: около 4-хъ лѣтъ назадъ ты снова поступилъ на штатную службу, которая обеспечивала тебѣ, хотя и скромный, но все-таки вѣрный кусокъ хлѣба, и казалось, пришелъ конецъ твоимъ страданіямъ... Но такъ только казалось. Въ тяжелой борьбѣ за существованіе къ этому времени ты совершенно надломилъ свое здоровье и теперь напрягалъ послѣднія свои силы, чтобъ честно выполнить принятыя на себя обязанности. Мы, товарищи твои, здѣсь у гроба твоего свидѣтельствуемъ, что часто ты являлся къ намъ въ училище совершенно слабымъ, больнымъ человѣкомъ, съ явною опасностью для самой жизни своей. И не разъ приходилось уговаривать тебя подумать о себѣ и серьезно позаняться восстановленіемъ своего здоровья. Такъ печально, такъ безотрадно ты жилъ до самаго послѣдняго времени, когда нависъ надъ тебѣ послѣднюю тяжкую и мучительную болѣзнь, которая свела тебя въ могилу и тѣмъ положила конецъ твоимъ страданіямъ. Миръ тебѣ, честный труженникъ—страдалецъ! Вѣруемъ, что съ наступающимъ Великимъ Христіанскимъ Праздникомъ въ измученную душу твою спойдутъ свѣтлыя и вѣчныя радости, какія ты такъ заслужилъ своими непрерывными страданіями на нашей грѣшной землѣ. Прощай, дорогой товарищъ!

Рѣчь надзирателя-репетитора Л. Д. Лазарева.

Вотъ ужъ и вырыта свѣжяя могила... Скоро она, безжалостная, скроетъ въ себѣ нашего дорогого сослуживца, единственную опору многочисленной семьи.

Сердце надрывается при видѣ безысходнаго горя этой осиротѣлой семьи... Это горе здѣсь, у раскрытой могилы, чувствуется еще сильнѣе, острѣе и болѣзненнѣе, и мы, близкіе къ почившему люди, его товарищи и сослуживцы, могли бы найти для себя нѣкоторое утѣшеніе и успокоеніе въ томъ, чтобы свои добрыя чувства къ почившему перенести на его осиротѣлую семью, остающуюся теперь такою безпомощною и беззащитною...

Миръ же в покой душѣ твоей, дорогой нашъ сослуживецъ! Довольно ты трудился въ этомъ мірѣ слезъ и воздыханій. Много перестрадало сердце твое и мало счастья видѣло оно здѣсь на землѣ... Мы вѣруемъ, что узкій, тернистый путь страданій, которымъ ты шелъ въ продолженіе всей своей жизни, преведетъ тебя къ вѣчному и блаженному упокоенію за гробомъ, а мы, твои сослуживцы, не оставимъ, насколько то будетъ въ нашихъ силахъ, безъ поддержки, совѣта и утѣшенія твою осиротѣлую, убитую горемъ семью ..

Къ вопросу объ автономіи духовныхъ академій.

Епископъ Вологодскій Никонъ, вооружаясь противъ автономіи духовныхъ академій, — теперь уже уничтоженной, высказываетъ слѣдующія любопытныя соображенія, по которымъ даже и „не можетъ быть рѣчи объ автономіи“: 1) За чистоту ученія православной церкви, утверждаетъ онъ, отвѣчаетъ предъ Господомъ епископъ церкви, а не міряне, и профессорамъ, слѣдовательно, только довѣряется часть епископскихъ полномочій, которыхъ епископы не въ силахъ во всѣхъ деталяхъ выполнять сами; академія в семинаріи — это органы епископата въ раскрытіи, защитѣ отъ ереси и охраненіи ученія вѣры православной. 2) При автономіи свѣча народная, половина которой идетъ на духовную школу, обращается въ

жертвоприношеніе идолу какой-то свободы, якобы, научнаго изслѣдованія, а на дѣлѣ свободы для развитія ересей. 3) Автономія сводитъ рѣшеніе къ большинству голосовъ, слѣдовательно не къ идеальному рѣшенію, а къ простой случайности, отчего въ академіяхъ всѣмъ завладѣли „недобросовѣстные“ профессора и получился полный развалъ духовной школы. 4) Во всякой автономіи проявляется пынѣ модная, но богопротивная идея демократизма, а школу должно проникать сверху до низу сознаніе долга послушанія и 5) у католиковъ въ дух.-уч. заведеніяхъ вѣтъ автономіи, тамъ желѣзная дисциплина, а между тѣмъ профессора чувствуютъ себя свободными, ибо знаютъ, что служатъ церкви своей; то же п у насъ было-бы, если бы наши профессора были идеально-православные по настроенію и нравственнымъ убѣжденіемъ. (Сар. Дух. Вѣстн.).

Казанскій епархіальный съѣздъ.

Казанскій епархіальный съѣздъ духовенства, между прочимъ, постановилъ: признать не только желательнымъ, но и своевременнымъ и неотложнымъ учрежденіе краткосрочныхъ педагогическихъ курсовъ для псаломщиковъ епархіи въ городахъ Чистопольѣ и Чебоксарахъ при мужскихъ духовныхъ училищахъ, поручивъ о. и гг. смотрителямъ училищъ выработать программу и въ одинъ изъ лѣтнихъ мѣсяцевъ будущаго 1909 г. организовать при Чистопольскомъ и Чебоксарскомъ духовныхъ училищахъ краткосрочные педагогическіе курсы для ста псаломщиковъ епархіи, а для покрытія расходовъ на эти курсы обложить, по распредѣленію благотворительныхъ собраній, каждую церковь въ общей суммѣ не менѣе какъ по три рубля,—каковая сумма должна быть собрана.

Кіевскій Епархіальный свѣчной заводъ.

При Кіевскомъ епархіальномъ свѣчномъ заводѣ, согласно постановленію XXIV епархіальнаго съѣзда духовенства, утвержденному Его Высокопреосвященствомъ, оборудованъ и организованъ складъ церковныхъ вещей, открытіе котораго состоялось 16-го декабря 1908 г. Со времени открытія магазина, складъ весьма охотно посѣщается кіевскимъ городскимъ духовенствомъ, сельскими церковными старостами и частными посѣтителями изъ Кіевской, Полтавской, Черниговской и Подольской губерній. Въ парчевомъ отдѣлѣ склада имѣется болѣе 600 кусковъ парчи и другихъ матерій (не менѣе 500 сортовъ и рисунковъ), стоимостью отъ 25 к. до 60 р. за аршинъ, богатѣйшій выборъ всевозможныхъ галуновъ,

костей, бахромы, золотопшвейнаго матеріала, много готовыхъ священническихъ облаченій цѣною отъ 15 до 120 р., подрывниковъ, пелень для престоловъ и аялоевъ, воздуховъ, есть плащаницы мишурныя и серебряныя, отъ 30 до 375 руб., суконныя и бархатныя хоругви и проч. Не менѣе богато обставленъ и утварный отдѣлъ. Въ немъ имѣется богатая коллекція панакадилъ, подсвѣчниковъ, цѣною отъ 5 до 120 р., евангелій бронзовыхъ и серебряныхъ цѣною до 500 р., ковчеговъ (дарохранительницъ)—до 1000 руб., крестовъ, лампадь, купелей, кадилъницъ, всеощныхъ и антидорныхъ блюдь, брачныхъ вѣнцовъ, серебряныхъ сосудовъ, всевозможныхъ иконъ на деревѣ, въ бронзовыхъ и серебряныхъ ризахъ, вконъ художественнаго письма стоимостью до 200 руб., кіотовъ, гробницъ и проч. Въ большомъ выборѣ складъ предлагаетъ ковры и ковровыя дорожки. Кромѣ всего этого, складъ принимаетъ заказы на изготовленіе мѣдныхъ и серебряныхъ ризъ на иконы у лучшихъ московскихъ фабрикантовъ, на золоченіе наперсныхъ крестовъ и серебряныхъ вещей, на покупку колоколовъ и пр. На всѣхъ вещахъ выставлены продажныя цѣны и никакого торгу при продажѣ вещей не допускается. Утварь и другія вещи въ складѣ продаются по цѣнамъ дешевле цѣнъ по прейскурантамъ московскихъ фирмъ. Въ данномъ случаѣ складъ имѣетъ въ виду конкуренцію со стороны кievскихъ продавцовъ церковныхъ вещей, употребляющихъ всевозможныя усилія для того, чтобы перетянуть покупателей на свою сторону. Но это удается имъ съ величайшимъ трудомъ и то не всегда. За 10 дней складъ продалъ изъ своихъ магазиновъ болѣе чѣмъ на 2 тысячи руб., и почти не было случая, чтобы покупатель, придя въ складъ, уходилъ изъ него, не купивши выбранной вещи, а напротивъ, было нѣсколько случаевъ, когда покупателя, обходивши всѣ кievскіе магазины, окончательно останавливался въ епархіальномъ складѣ.

(Кiev. Еп. Вѣд.).

Кишиневскій Епархіальный съѣздъ

Кишиневскій Епархіальный съѣздъ (17 нояб.—2 дек. 1907 г.) внимательно отнесся къ педагогической сторонѣ духовно-учебныхъ заведеній, проектировавъ 1) допустить экзамены на поступленіе въ духовно-учебныя заведенія и въ маѣ м., не только въ августѣ; 2) ввести преподаваніе въ курсъ дух. мужск. училища французскаго и нѣмецкаго языковъ и ручнаго труда (послѣобѣденныя занятія по цвѣтоводству, садоводству, столярному, переплетному и карто-

нажному мастерству); 3) ввести въ Квшин. духовн. семинаріи преподаваніе гвгіены и медицины. Съѣздъ ассигновалъ также 150 р. на устройство семинаристами литературныхъ кружковъ, концертовъ, экскурсій и пр. (Журн. № 14). Къ тому же вопросу съѣздъ возвращается и въ журн. № 19, и на 1908-й годъ отпустилъ 150 руб. „на устройство литературныхъ вечеровъ“ (изъ кредита въ 2855 руб.) по пункту 3-му, а по пункту 5-му съѣздъ ассигновалъ для семинаріи „на приобрѣтеніе пианино 500 руб. и на устройство экскурсій—100 рублей“. („Квш. Еп. Вѣд.“ № 9).

Разныя извѣстія и замѣтки.

Благое начинаніе.

Посреди мрачныхъ туть, точно тяжелымъ удушливымъ покровомъ окутывающихъ мать-родину, все же пробивается лучъ солнца, првнося съ собой живительную надежду на лучшее будущее. Этотъ спасительный лучъ—возрожденіе благочестія...

Робко еще, но съ каждымъ днемъ чувствительнѣй свазывается подъемъ вѣры въ сердцахъ русскихъ людей. Замѣтить это отрадное явленіе можно въ небываломъ наплывѣ молящихся во всѣхъ храмахъ Божіихъ, такъ же какъ и въ „осмѣвленіи“ вѣрующихъ интеллигентовъ, которые уже не боятся креститься, проѣзжая мимо церкви, и идутъ къ исповѣди безъ того трусливаго пожиманія плечъ, которымъ такъ долго обмѣнивались русскіе „образованные“ люди, обязанные почему либо ежегодно говѣть...

Въ настоящее время поемногу начинаютъ исчезать подобныя трусливыя вяленія. Пробуждается сознаніе въ томъ, что только полуученность проповѣдуетъ невѣріе, истинная же наука прежде всего признаетъ Бога, созлавшаго все, начиная съ разума человѣческаго. И даже наша столичная интеллигенція начинаетъ чувствовать потребность вернуться къ Тому, въ комъ Одномъ опора и утѣшеніе... Не даромъ же въ церквахъ Петербурга встрѣчается не одинъ простой народъ. Даже интеллигентную молодежь, студентовъ, можно ежедневно видѣть на колѣняхъ передъ чудотворной иконой въ Казанскомъ соборѣ или въ часовнѣ Петра Великаго.

Првходское духовенство замѣчаетъ этотъ отрадный поворотъ въ настроеніи русскаго общества, это возрожденіе вѣры, которая одна можетъ спасти Россію въ дни тяжелыхъ испытаній, отчасти уже переживаемыхъ, отчасти еще грозящихъ въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ.

Возстановляются понемногу и древніе, давно забытые, благочестивые обычаи православной церкви.

Такъ напрямѣръ въ Святую недѣлю владыка митрополитъ посѣтилъ различныя столичныя тюрьмы, принося заключеннымъ утѣшеніе и нравственную поддержку...

Хорошій это былъ обычай въ древней Руси, воплотивъ отвѣчающій духу христіанскаго ученія и велѣніямъ Христа Спасителя, указавшаго на необходимость заботы о страждущихъ и заключенныхъ...

Изъ „Колок.“.

Чудо двадцатаго вѣка: телефоно-телеграфъ.

Въ Берлинѣ теперь всѣхъ приводитъ въ изумленіе новое чудо нашего вѣка: Qui quo-Libet или дальнопипущая машина, которая дѣйствуетъ со всякимъ телефономъ.

Эту электрическую пишущую машину изобрѣлъ папскій прелатъ въ Мюнхенѣ, профессоръ Черевотани, итальянскій Эдиссонъ.

Машина выставлена въ громадномъ магазинѣ Тица и всѣ желающіе могутъ производить опыты.

Сегодня я видѣла это чудо, а также и самого изобрѣтателя; мнѣ пришлось убѣдиться, что самыя невѣроятныя вещи возможны въ нашъ вѣкъ.

Небольшая портативная электрическая пишущая машина соединена съ телефономъ въ магазинѣ; другой такой же пишущій аппаратъ находится по Frankfurter—Allee, на противоположномъ концѣ города.

— Не угодно-ли вамъ что-нибудь телеграфировать? спрашиваетъ монсеньоръ Черевотани, маленькій, сѣденькій старичекъ съ длинными волосами, что придаетъ ему поэтическую наружность. Одѣтъ въ черный костюмъ, но, вмѣсто рубахи, видна какая-то пурпуровая шемизетка, знакъ кардинальскаго достоинства.

Я нажимаю на электрическія кнопки, расположенныя подъ каждой буквой и начинаю писать, какъ пашутъ вообще на пишущихъ машинкахъ.

Теперь не желаете ли по телефону справиться, вѣрно-ли машина передала написанное вами? говоритъ монсеньоръ.

— Вы написали: „аще не увижу, не увѣрю“, отвѣчаютъ мнѣ съ Frankfurter Allee, и это вѣрно!

Въ свою очередь и оттуда получаю телеграмму: каждая буква (латинскимъ прифтомъ) ясно отпечатывается на длинной бумажной лентѣ.

Всѣ кругомъ взумлены. Собрывается масса народу: есть банкиры, журналисты, кое-кто изъ почтовой администраціи, много богатыхъ частныхъ лицъ. Повстинѣ это чудо, а не изобрѣтеніе! Такимъ образомъ каждый самъ можетъ телеграфировать, конечно, при условіи распространенности этого пока еще очень дорогого аппарата. Всѣ соглашаются, что гораздо удобнѣе телеграфировать, напримѣръ, распоряженія по банку, нежели тратить время на разговоръ, который часто бываетъ неясно слышенъ. На почтѣ также думаютъ воспользоваться дальнопечущей машиной Черевотани, которая пока примѣняется лишь въ Вашингтонѣ.

— Я уже 10 лѣтъ работаю надъ этой машиной, сказалъ мнѣ монсеньоръ Черевотани. Покойный папа Левъ XIII в нынѣ царствующій Пій IX принимали большее участіе въ моихъ трудахъ, всегда поддерживая меня въ минуты сомнѣній и унынія. Съ ихъ благословеніемъ, мнѣ удалось добиться результатовъ. Что касается средствъ, то мнѣ далъ ихъ вотъ этотъ господинъ.

Монсеньоръ представляетъ мнѣ извѣстнаго милліонера и покровителя науки, банкира и владѣльца заводовъ г. Зильбермана. Этотъ послѣдній затратилъ болѣе 300,000 марокъ на изобрѣтеніе Черевотани. Теперь г. Зильберманъ получилъ патентъ и будетъ распространять изобрѣненіе Черевотани во всѣхъ странахъ свѣта, а также фабриковать его на своихъ заводахъ. Г. Зильберманъ увѣрилъ меня, что лѣтъ черезъ десять нынѣ дорого стоящій аппаратъ будетъ не дороже обыкновенной пишущей машинки: вѣдь и фонографъ, и телефонъ были сперва рѣдкостью, а теперь самая обыкновенная вещь.

Эта электрическая пишущая машина, или самотелеграфъ, какъ говорятъ нѣмцы (Ferntelegraph), дѣйствительно необычайно удобна. Она очень несложна; всякій грамотный человѣкъ можетъ писать на ней, это дѣло навыка. Она портативна, дѣйствуетъ со всякимъ телефономъ и не представляетъ собою никакихъ техническихъ трудностей. Нѣтъ сомнѣнія, что машину Черевотани ждетъ громадный успѣхъ, особенно въ Германіи и въ Америкѣ, гдѣ изъ его изобрѣтенія сумѣютъ извлечь практическую пользу. (Колок. № 881).

СЪѢЗДЪ ИНОКОВЪ.

На одномъ изъ послѣднихъ засѣданій Св. Синода былъ поднятъ, по словамъ „Рус. Сл.“, вопросъ о современномъ состояніи русскихъ монастырей и о необходимости созыва монашескаго съѣзда. На засѣданіи большинство митрополитовъ высказалось за необходимость коренной реформы въ монастырской жизни.

Особая коммисія при Синодѣ, обсуждавшая этотъ вопросъ, постановила созвать 15 іюня 1909 года всероссійскій съѣздъ монаховъ въ свято-Троице-Сергіевской лаврѣ и вызвать на съѣздъ представителей крупнѣйшихъ монастырей и лавръ.

Почетнымъ предсѣдателемъ съѣзда будетъ назначенъ московскій митрополитъ Владимиръ съ правомъ замѣнять себя кѣмъ либо изъ іерарховъ по его избранію.

Примѣрную программу съѣзда составляетъ епископъ вологодскій Никонъ и представить ее на усмотрѣніе митрополита Владимира. Всѣ иноки, ревнующіе о славѣ монашества, допускаются на съѣздъ съ правомъ совѣщательнаго голоса по разрѣшеніи предсѣдателя.

О ВЪ Я В Л Е Н І Я.

ПАРОВЫЕ ЛѢСОПИЛЬНЫЕ ЗАВОДЫ И ЛѢСНЫЕ СКЛАДЫ**ТОРГОВО-ПРОМЫШЛЕННАГО ТОВАРИЩЕСТВА****Н. Н. ПОПОВЪ И К^о.**

въ г. Алатырь, Симбирской губ.

(Станція Московско-Казанской желѣзной дороги).

Лѣсные матеріалы какъ пиленые, такъ и круглые имѣются всевозможныхъ размѣровъ.

Цѣны умѣренныя.

На провозъ матеріаловъ для постройки церквей имѣется отъ станціи Алатырь спеціальныи льготныи тарифъ съ значительнымъ пониженіемъ провозной платы.

Прейсъ-нуранты и справки высылаются немедленно по востребованію.

ОБЪЯВЛЕНИЯ

Открыта подписка на 1909 годъ
на еженедельный, иллюстрированный, духовно-народный журналъ

„КОРМЧИЙ“

ИЗДАНИЯ ГОДЪ 22-й.

Журналъ „Кормчій“ одобренъ и рекомендованъ разными ведомствами.

Цѣль журнала: дать каждой семьѣ православнаго русскаго народа благочестивое и по-
нятное ченіе **ЗА 4 РУБЛЯ** въ годъ съ доставкой и пересылкой подписчикамъ
иллюстрированнаго журнала разнообразнаго назидательнаго содержанія. Въ
журналѣ, между прочимъ, будутъ продолжаться печатаніемъ возбужденіе интересъ.

ОТВѢТЫ НА НЕДОУМЪННЫЕ ВОПРОСЫ,

извѣстаго духовнаго писателя *Священника В. А. Черкесова* и его же
„ОТВѢТЫ ВОПРОШАЮЩИМЪ“ на личные запросы каждаго.

==== КЪ ЖУРНАЛУ БЕЗПЛАТНО ПРИЛАГАЮТСЯ: =====

52 №№ еженедельнаго вѣстника подъ заглавіемъ „Современное Обзоріе“
событій текущей жизни.

52 №№ Воскресныхъ иллюстрированныхъ листковъ на современныя церковно-
общественныя темы. Для удобства пользованія, листки будутъ разосланы въ
январѣ, сразу на все первое полугодіе, а въ іюль—на второе полугодіе.]

12 Православно-миссіонерскихъ листковъ противъ старообрядчества и сек-
тантства.

12 Листковъ „ЗА ВѢРУ“ противъ современнаго невѣрія.

12 Книжекъ назидательныхъ разсказовъ подъ общимъ заглавіемъ: „Народная
Библиотека Коричаго“.

1 кн. „ПАСТЫРЬ-ПРОСОВѢДНИКЪ“ « сборникъ поученій на всѣ воскрес-
ные и праздн., дни а также на нѣ-
которые случаи приходской жизни.

Въ видѣ ОСОБАГО ПРИЛОЖЕНІЯ подписчики получаютъ роскошно-изданную
книжку большого формата на веленовой бумагѣ, подъ заглавіемъ:

„ГОЛОСЪ ЛЮБВИ СКОРБНОМУ СЕРДЦУ“.

Книжка заключаетъ въ себѣ рядъ назидательныхъ статей, живо и увлекательно
составленныхъ магистромъ богословія *Д. И. Введенскимъ*.

Выписывающіе 10 экземпляровъ годовыхъ получаютъ еще 1 экземпляръ
безплатно.

Адресъ редакціи: Москва, Большая Ордынка, домъ Королева, редакція жур-
нала „Кормчій“. Городская подписка принимается, кромѣ редакціи, въ конторѣ
Печковской и др.

Редакторъ Прот. І. Н. Бухаревъ.

Издатель Священ. С. С. Ляпидевскій

Журналъ „БѢРА и РАЗУМЪ“ издается съ 1884 года; за первые двадцать лѣтъ въ журналѣ помѣщены были, между прочимъ, слѣдующія статьи:

Произведенія Высокопреосвященнаго Амвросія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: „Живое Слово“, „О причинахъ отчужденія отъ Церкви нашего образованнаго общества“, „О религіозномъ сектантствѣ въ нашемъ образованномъ обществѣ“; кромѣ того пастырскія воззванія и увѣщанія православнымъ христіанамъ Харьковской епархіи, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія Высокопреосвященнаго Арсенія, Архіепископа Харьковскаго, какъ-то: бесѣды, слова и рѣчи на разные случаи и проч. Произведенія другихъ писателей, какъ-то: „Петербургскій періодъ проповѣднической дѣятельности Филарета, митроп. Московскаго“, „Московскій періодъ проповѣднической дѣятельности его же“. Профес. И. Корсунскаго.—„Религіозно-нравственное развитіе Императора Александра I-го и идея священнаго союза“. Профес. В. Надлера.—„Архіепископъ Иннокентій Борисовъ“. Біографическій очеркъ. Свящ. Т. Буткевича.—„Протестантская мысль о свободномъ и независимомъ пониманіи Слова Божія“. Т. Стоянова (К. Истомина).—Многія статьи о Владиміра Гетте въ переводѣ съ французскаго языка на русскій, въ числѣ коихъ помѣщено „Изложеніе ученія католической православной Церкви, съ указаніемъ разностей, которыя усматриваются въ другихъ церквяхъ христіанскихъ“.—„Графъ Левъ Николаевичъ Толстой“. Критическій разборъ Проф. М. Остроумова.—„Образованные евреи въ своихъ отношеніяхъ къ христіанству“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Западная средне-вѣковая мистика и отношеніе ея къ католицизму“. Историческое изслѣдованіе А. Вертеловскаго.—„Имѣютъ-ли каноническія или общеправовыя основанія притязанія мірянъ на управленіе церковными имуществами?“ В. Ковалевскаго.—„Основные задачи нашей народной школы“. К. Истомина.—„Принципы государственнаго и церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Современная апологія талмуда и талмудистовъ“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Теософическое общество и современная теософія“. Н. Глубоковскаго.—„Очеркъ православнаго церковнаго права“. Проф. М. Остроумова.—„Художественный натурализмъ въ области библейскихъ повѣствованій“. Т. Стоянова (К. Истомина).—„Нагорная проповѣдь“. Свящ. Т. Буткевича.—„О славянскомъ Богослуженіи на Западѣ“. К. Истомина.—„О православной и протестантской проповѣднической импровизаціи“. К. Истомина.—„Ультрамонтанское движеніе въ XIX столѣтіи до Ватиканскаго собора (1869—70 г.г.) включительно“. Свящ. І. Арсеньева.—„Историческій очеркъ единовѣрія“. П. Смирнова.—„Зло, его сущность и происхожденіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—„Обращеніе Савла и „Евангеліе“ св. Апостола Павла“. Профес. Н. Глубоковскаго.—„Основное или Апологетическое Божесловіе“. Профес.—прот. Т. И. Буткевича.—Статьи объ антихриствѣ. Профес. А. Д. Бѣляева.—„Книга Руоѣ“. Преосвященнаго Иннокентія, епископа Сумскаго (нынѣ Тамбовскаго).—„Религія, ея сущность и происхожденіе“ Проф.—прот. Т. И. Буткевича.—„Естественное Богопознаніе“. Профес. С. С. Глаголева.—„Философія монизма“ Профес.—прот. Т. Буткевича.—„Матерія, духъ и энергія, какъ начала объективнаго бытія“. Проф. Г. Струве.—„Краткій очеркъ основныхъ началъ философіи“. Профес. П. И. Линицкаго.—„Законъ причинности“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Ученіе о Святой Троицѣ въ новѣйшей идеалистической философіи“. Профес. П. П. Соколова.—„Очеркъ современной французской философіи“. Профес. А. И. Введенскаго.—„Очеркъ исторіи философіи“. Н. И. Страхова.—„Этика и религія въ средѣ нашей интеллигенціи и учащейся молодежи“. Профес. А. Шилтова.—„Психологическіе очерки“. Профес. В. А. Снегирева.—Чтенія по космологіи Профес. В. Д. Кудрявцева.—„Законъ жизни“ Профес. Мечникова. Д-ра М. Глубоковскаго.

А также въ журналѣ помѣщаются были переводы философскихъ произведеній Сенокки, Лейбница, Капта, Каро, Жане, Фулье и многихъ другихъ философовъ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ

СВѢДѢНІЯ ДЛЯ ГГ. СОТРУДНИКОВЪ И ПОДПИСЧИКОВЪ.

Адресы лицъ, доставляющихъ въ редакцію «Вѣра и Разумъ», свои сочиненія, должны быть точно обозначаемы, а равно и тѣ условія, на которыхъ право печатанія получаемыхъ редакціею литературныхъ произведеній можетъ быть ей уступлено.

Обратная отсылка рукописей по почтѣ производится лишь по предварительной уплатѣ редакціи издержекъ деньгами или марками.

Значительныя измѣненія и сокращенія въ статьяхъ производятся по соглашенію съ авторами.

Жалоба на неполученіе какой-либо книжки журнала препровождается въ редакцію съ обозначеніемъ напечатаннаго на адресѣ номера и съ приложеніемъ удостовѣренія мѣстной почтовой конторы въ томъ, что книжка журнала дѣйствительно не была получена конторою. Жалобу на неполученіе какой-либо книжки журнала просимъ заявлять редакціи не позже, какъ по истеченіи мѣсяца со времени выхода книжки въ свѣтъ.

О перемѣнѣ адреса редакція извѣщается своевременно, при чемъ слѣдуетъ обозначать, напечатанный въ прежнемъ адресѣ, номеръ.

Посылки, письма, деньги и вообще всякую корреспонденцію редакція проситъ высылать по слѣдующему адресу: въ г. Харьковъ, въ зданіе Харьковской Духовной Семинаріи, въ редакцію журнала „Вѣра и Разумъ“.

Контора редакціи открыта ежедневно отъ 8-ми до 3-хъ часовъ по полудни; въ это-же время возможны и личныя объясненія по дѣламъ редакціи.

 Редакція считаетъ необходимымъ предупредить гг. своихъ подписчиковъ, чтобы они до конца каждой четверти года не переплетали своихъ книжекъ журнала, такъ какъ при окончаніи каждой четверти, съ отсылкою послѣдней книжки, имъ будутъ высланы для каждой части журнала особые заглавные листы, съ точнымъ обозначеніемъ статей и страницъ.

Объявленія принимаются за строку или мѣсто строки, за одинъ разъ 30 к., за два раза 40 к., за три раза 50 к.

Редакторы: { Ректоръ Семинаріи, Протоіерей Алексій ЮШКОВЪ.
Дѣйств. Статск. Совѣт. Константинъ ИТОМИНЪ.